

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Труды Национального музея
Республики Коми

ВЫПУСК 4

Сыктывкар 2003

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ. Сыктывкар: типография Сыктывкарского лесного института, 2003. 298 с. (Труды Национального музея Республики Коми; вып. 4)

Четвертый выпуск сборника трудов «Музеи и краеведение» представляет читателю материалы конференции «На рубеже веков: музей в системе ценностей современной культуры», посвященной 90-летию со дня создания Национального музея Республики Коми, которая проходила в Сыктывкаре с 17 по 19 октября 2001 г. Статьи освещают различные аспекты музейной деятельности, научных исследований по истории и культуре Коми края и соседних регионов.

Авторами сборника являются сотрудники музеев, ученые Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкарского университета и пединститута.

Сборник рассчитан на сотрудников музеев, научных и научно-образовательных учреждений, на всех, кто интересуется историей и культурой родного края.

Редакционная коллегия:

*И. Л. Жеребцов
И. Н. Котылева
В. А. Сова
Э. В. Роттэ
И. Ю. Моисеева*

Корректор:

Н. И. Тринева

Ответственный за выпуск:

В. П. Зеновская

Макетирование:

Е. А. Томских

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый выпуск сборника трудов «Музеи и краеведение» содержит материалы конференции «На рубеже веков: музеи в системе ценностей современной культуры», посвященной 90-летию со дня создания Национального музея Республики Коми, которая проходила в Сыктывкаре с 17 по 19 октября 2001 года. По причинам материального характера выпуск сборника задержался на два года, поэтому ряд выступлений участников конференции уже не вошел в данное издание. В то же время, руководствуясь желанием осветить круг важнейших проблем по развитию музееведения и краеведения, редакционная коллегия решила опубликовать ряд статей авторов, которые не участвовали в конференции, но чьи материалы, с нашей точки зрения, чрезвычайно важны для осмысления перспектив развития музеев и исследований по истории и культуре региона.

Среди этих материалов в первую очередь следует обратить внимание на статью Г. В. Вдовина, посвященную проблемам существования и развития музеев в современной социокультурной ситуации. Этим же проблемам было посвящено пленарное выступление А. Ю. Котылева, также представленное в сборнике. Во многом в этих двух материалах, открывающих раздел «Проблемы музееведения», обозначены те принципиальные положения, которые будут определять развитие региональных музеев в ближайшее десятилетие.

Осмысление истории развития музеев и различных аспектов музейной деятельности представлено в целом ряде статей. Это статьи М. И. Бурлыкиной, В. А. Сова, М. Б. Рогачева, А. А. Чувьорова, А. А. Петуховой, Т. И. Чудовой, Л. В. Познянской. Достаточно полно в статьях И. Ю. Моисеевой, Р. И. Ларуковой, Т. А. Пьянковой, И. Н. Котылевой, Е. И. Морозовой, С. В. Бандура отражена деятельность Национального музея РК.

Раздел «Вопросы краеведения: этнография, история, литературоведение» включает в себя целый ряд интересных статей по истории и культуре республики. Новые материалы по культуре верхневыхгодских коми представлены в статьях О. Н. Смирновой и А. А. Чувьорова. Различным аспектам

культуры края XIX—начала XX веков посвящены статьи Л. П. Рошевской, О. В. Куликовой, О. Е. Бондаренко, Н. И. Суркова, М. В. Звонилова, В. И. Силина, В. В. Чередовой. История развития экономики региона стала предметом рассмотрения в статьях Э. Г. Кутузовой, Е. Н. Боле, Е. В. Шабашовой. Вопросы развития литературы в Коми крае отражены в статьях А. М. Семяшкиной, Г. К. Лисовской, А. Б. Артеева, О. С. Зиявадиновой.

Авторами сборника являются сотрудники музеев, Коми научного центра УрО РАН, преподаватели Сыктывкарского университета и пединститута. Благодаря представленным материалам, разнообразным по своему содержанию, сборник в определенной степени отразил ту ключевую тему, которая была обозначена юбилейной конференцией: «На рубеже веков: музей в системе ценностей современной культуры».

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Г. В. Вдовин
Музей-усадьба «Останкино»
г. Москва

КРИЗИС МУЗЕЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЯ

(Восемнадцать февральских, крайне субъективных тезисов, зачитанных, быть может, в сентябре 2002 года, как опыт историсофической провокации, некоторые комментарии к ним, набранные самым мелким калем).

*Памяти Кеннета Хадсона — одного
из немногих трезвенников музейного дела.*

*Может стать, музейщики и библиотекари —
последние святые на Руси.*

(Д. С. Лихачев)

*И нельзя сказать, что я любитель,
Проводящий время в столбняке,
Но, скорее, слушатель и зритель,
И вращатель рюмочки в руке.*

(А. С. Кушнер)

*Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой...*

(Интернационал)

1. В сущности, жанр речи директора российского музея, ее пафос, семантика и мелос предопределены. Она традиционна как сонет, присяга, лимерик, поминальный тост, частушка или нобелевская (оскарская, букеровская и пр.) речь. Вне всякого сомнения, в более или менее ярких выражениях, согласно ораторскому дару, будет констатирован кризис духовности и умаление культуры. Далее будут вскрыты причины катастрофы, причем с высокой долей вероятности можно прогнозировать нумерацию пунктов этого скорбного перечня. Во-первых, это хроническое недофинансирование. Что сушая правда. Действительно, российское правительство исполняет бюджет по музеям на 100%, но абсолютное денежное выражение этого исполнения — редко более 25% от того, что получали музеи до пресловутого августа приснопамятного 1998 г. Далее последуют жалобы на несовер-

шенство бюджетного и налогового регулирования, на бюджетную классификацию и кодировку, на бессмысленные порой тендеры, на произвол казначейств, налоговых инспекций и пр., пр., пр. Затем директор перейдет к прорехам в действующем законодательстве, которое, с одной стороны, не защищает музеи в действительно опасных ситуациях, и, с другой, — азартно отбивает руки любой инициативе.

Ну, а пойдет на коду и завершит директор музея свои ламентации эмоциональным периодом про заработную плату и, соответственно, про кадровый кризис и стремительное старение конкретного музейного коллектива и музейного сообщества вообще.

Я бы и сам не без охоты, и, уверяю вас, вполне виртуозно исполнил бы эту арию, ежели бы не помнил...

Я не «последний» и вовсе не святой, равно как и все мои коллеги. Я не «любитель, проводящий время в столбняке».

Я профессиональный историк и профессиональный чиновник — «слушатель и зритель» (уверяю вас, это нелегкие профессии, поскольку это и есть аналитик, сиречь — думатель и практик).

Да к тому же я еще и гражданин. Я тот самый «вращатель рюмочки в руке», «рюмочки», не поднесенной мне, не полученной взяткой и не украденной, а мной честно заработанной.

И, стало быть, мне не к кому звать, кроме своих коллег, поскольку «не бог, не царь, и не герой» нас не слышат и слышать не желают, какие бы сладкие мины при этом они не делали.

И если бы даже услышали, увы, проблемы — сначала в нас, а потом уже во властях предрежащих.

2. *Музеи всего мира, равно как музейное сообщество в целом, переживают кризис*, причины которого все мы охотно ищем в экономике и юриспруденции. Не пора ли признать, что причины этого кризиса глубже. И, похоже, он *мировоззренческий*.

3. Генезис музея как таковой, генезис его:

а) социальной институции и

б) гносеологического механизма приходится на эпоху Романтизма (конец XVIII—конец XIX вв.), в то время как дальнейшее его развитие принадлежит эпохе Постромантизма (конец XIX в.—начало XXI в.). Результат — *романтическая мифологема, представляющая музей храмом*, причем храмом вечным, у которого нет начала и, стало быть, нет конца, а *музейщика — неким авгуром*, а хотите — пифией, храмовником, небожителем...

4. *Необходимые и достаточные предпосылки генезиса музея и его мифологемы* также вполне очевидны:

а) Окончательное отделение «Я» от «мы», то есть достижение психикой историко-культурной матрицы, определяемой теперь как «личность».

б) Необходимость личностно артикулированного пространства и элементов его.

в) Окончательное размежевание «искусства» и «ремесла».

г) Социальная стратификация мастера и экзистенциальное самоопределение его до состояния «творца», «художника», «артиста».

д) Рождение зрителя, способного к диалогу, и выработка романтической модели артконтакта (серафический вид, взгляд горе и пр. припадки).

е) Необходимость медиатора, посредника между «гением» и «толпой» (причем количество медиаторов растет едва ли не в алгебраической прогрессии, рождая все новые ремесла: от одиноких историка искусства, музейщика и реставратора к экспозиционерам, дизайнерам, музейным педагогам, специалистам по музейному менеджменту, профессионалам в области музейной безопасности etc.).

5. Отсюда следуют некоторые азбучные истины истории как ремесла, которые все же повторим.

Тезис 5.1 — о положении наблюдателя в системе координат — не только толкует разницу восприятий движения мухи в железнодорожном вагоне, наблюдателем в вагоне и наблюдателем на платформе, не только говорит о разной скорости полета пули на палубе парусника для морского путешественника и для зеваки на пирсе, сколько изъясняет, в конечном счете, разницу между Творцом и творением. Он предписывает, в первую очередь, *осознать свое время и свое пространство, свою зависимость от них, свою включенность в хронотоп и подневольность ему.*

5.2. Признаемся себе — *тезис 5.2., что продолжаем жить в эпоху (эру?) Романтизма и потому обречены на непонимание людей Просвещения, героев Барокко и Ренессанса, не говоря уж о более далеких временах.*

Может статься, кстати, что эра эта подходит к концу и мы, насельники и жители одной из финальных ее стадий, из-

нываем под грузом великого романтического открытия — открытия личности и ищем спасения от груза личной ответственности в астрологических эзекерсисах, стенаниях об утерянной соборности, оккультных упражнениях, просветленных психотехниках... Однако романтические демонология, маэстрия и панпсихологизм берут свое. Мы уверены в том, что понимаем всех, поскольку «они» — те же мы. «Нам внятно все»?

Нынешнее время и пространство, а, стало быть, и наша культура сильнейшим образом опосредованы *мифом общечеловеческих ценностей, романтическим мифом вечных истин, гиперпсихологической аксиомой*, одной из важнейших составляющих мифа музея как «храма искусств и культуры».

5.3. Потому обратимся к сроку жизни тех истин, что кажутся нам теперь вечными, тех максим и сентенций, что представляются предьсторическими, тех мифологем, что недавно называли мы общечеловеческими, покаянно противопоставляя их прежним классовым ценностям, тех, наконец, безусловных правд, которые, согласно «общественному» мнению, долго и злонамеренно утаивали от нас не то оголтелые большевики, не то вездесущие жидомасоны, не то некто третий, еще неизвестный и за руку не схваченный.

Понятие общечеловеческих ценностей, торжественно и громкогласно подаренное русскою массовому сознанию идеологами перестройки — единственное, пожалуй, что осталось от лозунгов тех ближних-давних лет. И с тех пор все мы — левые и правые, анархисты и монархисты, атеисты и верующие, православные и кришнаиты, формалисты и семиологи — треплем это понятие всюду, склоняем почем зря, поминаем по поводу и без, вставляем в интервью и манифесты, декларации и заявления, проповеди и кухонные разговоры, статьи и анонимки. Но если при раздаче карт козыри оказались на руках у всех, то самое время либо выяснить отношения между играющими (что мы и делаем повсеместно), либо посмотреть внимательно, *что нынче козыри*.

Парадоксально, но именно романтики — наши родители и родители наших родителей, романтики, столь остро ощутившие необратимое течение времени и триумфально открывшие историю как науку, отличную от прежних хроник и жизнеописаний, именно романтики решительно утвердили тезис *вечных истин и ценностей* (собранных, в идеале, в музее), декларируя его куда как громче предшественников. И нам, воспитанным на романтических идеях, мучительно сознавать, например, что у древних эллинов не было ни понятия, ни слова, обозначающего «совесть», что категория «честь» в прежних ее «редакциях» имеет мало об-

шего с тем, что под нею подразумеваем мы, что привычному нам «очарованию детства» и пониманию его как особого и иного мира едва исполнилось двести лет, что «неразделенная любовь» — открытие и изобретение эпохи Средневековья... *Нам тяжело и мучительно думать об историческом развитии нравственного закона, нам трудно дается идея историзации психики и этики.* И эта трудность показывает лишний раз, что мы продолжаем жить в эпоху (эру?), берущую свое начало на рубеже XVIII—XIX столетий. Не станем сейчас задаваться вопросами, что закончилось и что началось на этой грани, как назвать разделенное демаркацией — эпохами ли Просвещения и Романтизма (согласно традиции), эрами ли прошлой риторики и нынешнего психологизма (по А. В. Михайлову), затянувшимся ли неолитом и долгожданным Новым временем (с точки зрения Анри Брейя и Люсьена Февра), делящейся ли по сию пору гиперэпохой Возрождения по мнению М. Н. Соколова... Важнее иное.

Воодушевленные романтическими идеями, степень воздействия которых на русское сознание была многократно усилена и тем, что оно не прошло искуса схоластики в Средневековье, не училось логике и силлогистике, «проскочило» эпоху национального Возрождения всего за столетие, и тем, наконец, что, уверовав подсознательно в свою ущербность, мы стали избывать комплекс неполноценности мессианскими идеями. *Работавшие прежде подслудно, за пятнадцать с лишним перестроечных и постперестроечных лет прежние мифы вновь встали перед нами во весь свой рост: здесь и конфессиональная гордыня легенды о народе — богоносце, и высокомерная мифологема особого пути, и излюбленное сказание о царе — избавителе, и миф о русской интеллигенции, и рассказы о русской душе, и сказка о русской женщине, и кстати приходится сага о «русском музее» как неисчерпаемой дарохранительнице и русскому музейщице, аки об последнем святым на Руси... Все они основаны на «метамифе» общечеловеческих, вечных, неизменных во времени ценностей.*

Однако еще блаженный Августин в конце IV в., дискутируя с манихеями, умело спекулировавшими тезисом — «что было раньше разрешено Господом ветхо-заветным праведникам, ныне запрещено нам», терпеливо разъяснял еретикам: «(...) в тот век праведникам разрешалось то, что в этом праведному не разрешено» (Исп. III, VII, 13). Это по сию пору преждевременное гениальное прозрение исторической детерминированности нравственного и, стало быть, технологического закона не привилось и не могло привиться в России, где никак не рефлексируется проблема масштаба и не обсуждается проблема генезиса.

Между тем

6. *Поиски этнической адекватности как права на жизнь, сиречь*

а) пресловутая национальная идея

и

б) имперская амбиция неразрывны в генезисе музея, примерами чего могут служить и наполеоновские опыты музеума; и российские, великобританские, австровенгерские эксперименты последней трети XIX столетия; сталинские, гитлеровские и муссолиниевские упражнения в этом роде; и, наконец, острый интерес к музейной идее современных властей США и России; сохранивших интерес к ценностям «великой державы».

7. Обратим особое внимание, что музей, как продукт эпохи Романтизма изначально несет в себе антиномию «сбережения» и «доступности», «охранительства» и «трансляции».

С точки зрения классических ценностей нашей корпорации, стратегическая сверхцель всякого музея — хранение. И потому всего лишь предикатами к ней видятся:

а) собирательство;

б) изучение;

в) реставрация;

г) интерпретация;

д) популяризация.

8. В итоге сложившийся за столетие парадокс музейного дела и мифологемы музейности может быть сформулирован так: музей как инструмент мнемотехники или музей как предприятие обслуживания.

(Эта же антиномия, с разной степенью увлеченности и с разным градусом запала может быть артикулирована как «кладбище искусства» — «учреждение культуры», как «лоно памяти» — «клуб», как «девственница» — «матрона», как «фарисейство фарисея» — «фарисейство мытаря», как «гроб» — «стол яств», как «музейное» — «домашнее», как «база данных» — «средство коммуникации», как «культуртрегерство» — «менеджмент», как «вместилище национальных святынь» — «успешное торговое предприятие» и пр.)

9. Выбор, который вершится, помимо всего прочего, определяет и судьбы музеев, их коллективов, биографии музейщиков, формат профессиональных институций.

В самом деле, сегодня российское отделение ICOM'a, Союз музеев России (СМР), Ассоциацию «Открытый музей» (АОМ) и ряд региональных союзов музейщиков страны, провозглашая на бумаге схожие цели, в действительности ставят перед профессиональным сообществом разные задачи. Так, СМР по сути своей — имперская музейная витрина, столь же необходимая как имперские балет, опера, драматический театр и национальный оркестр (симптоматично в этом смысле избрание президентом СМР М. Б. Пиотровского — директора самого имперского музея страны). Так, мучительно возрождающийся на обломках советского российский ICOM пытается объединить в себе функции всероссийского ученого музейного совета и профсоюза музейщиков. Так, молодой и дерзкий АОМ пытается реализовать функции полигона для апробации и пропаганды новейших музейных технологий.

10. Так или иначе, *выбор между «культуртрегерством» и «менеджментом» вершится и камлания о возможной «золотой середине» непродуктивны*. Это хорошо понимают наши западные коллеги, что нашло свое отражение в послании «Ко всем членам Экспертного комитета ЕМФ и всем национальным корреспондентам» покойного директора ЕМФ Кеннета Хадсона, где с достойной истинных профессионалов трезвостью постулируется:

а) общественных, а может стать и правительственных *«денег больше не будет»*;

б) *«многие музеи в ближайшие двадцать лет перестанут существовать по причине банкротства»*;

в) *«на работу в музей — в особенности на руководящие посты — придут люди из других, куда более «рискованных» и приземленных сфер деятельности — люди с опытом успешной административной и менеджерской работы, совсем не обязательно в музейной сфере, главным образом — с опытом работы в сфере предпринимательства»*;

г) *обострится конфликт между музеем вокруг подлинного объекта и музеем вокруг мультимедийного компьютера*.

11. Обратим внимание на то, что так или иначе *первопричиной кризиса является повсеместная утрата чувства подлинника*.

Ну, давайте, наконец, увидим и признаемся, что для большинства наших и не наших граждан давно нет разницы между подлинным живописным полотном и разворотной глянцевой иллюстрацией в дорогом альбоме. Нужды нет рассматривать произведение скульптуры в реальном круговом обходе, ежели эту возможность любезно предоставляет музейный сайт. Не отличают живой звук в подлинном пространстве от саундтрека с фирменного диска. Стерлась грань между новодельной архитектурой по старому чертежу и подлинным зодчеством. Будь я журналистом, я бы конечно дотянул эту ламснтацию до безалкогольного пива и бесполой любви, но остановлюсь, дабы не отбивать хлеб у морализирующих репортеров.

12. Поисками выхода из утраты чувства подлинника, каждый по-своему, заняты и «охранители», и «популяризаторы». Беда лишь в том, что *кризис музейности*, как всякий мировоззренческий кризис, *глубок настолько*, что исподволь точит и *разрушает фортификации и укрепления обеих сторон*.

13. Наследники музейной классики, «консерваторы», хранители музея как храма сталкиваются с мощным действием того принципа, который математики называют *теоремой Георга Кантора*, а мы по невежеству своему обозначим для простоты «дурной бесконечностью». Постромантическое осознание того, что историей является любая терция любой человеческой жизни и, стало быть, памятником — любой предмет любого качества, приводит к следующим парадоксам:

а) если музей призван, в первую очередь, собирать, то что же все-таки собирать, если все собрать невозможно;

б) как интерпретировать (экспонированием, популяризацией и пр.) эту актуальную бесконечность, когда уже сегодня, если обратить внимание на такой вполне объективный показатель, как оборачиваемость фондов, процент представленного публике минимален. Если в экспозициях монстров нашего музейного дела эта цифра редко переваливает за один-два, подчеркиваю, *один-два процента*, а то не достигает и их, ограничиваясь десятными и сотыми долями, то в музеях-усадебках, музеях-заповедниках, музеях-квартирах эта цифра явленности — *более десяти, но редко достигает двадцати процентов*. И все мы понимаем, что это не пустая и черствая цифирь, а степень реализации принципов Конституции

о праве на информацию. Можно, конечно, порассуждать о выходах и толковать:

12.1. О гипертекстовой интерпретации гипертекста, странно смахивающей на третий кризис математики и теорему Георга Кантора, пришедшую на смену аристотелевскому «*infinitem actu non datur*».

12.2. Об интуиционистской логике, в отличие от обычной, называемой также классической, не признающей закона исключенного третьего, он же — принцип «третьего не дано» («*tertium non datur*»).

12.3. Об открытии эмпатии как главного механизма сознания и его основах.

12.4. Об авторском искусствознании и авторском соби­рательстве как все о том же проклятом демиургизме. И, все­таки, упереться в

12.5. сложности интерпретации в связи с болезненным кризисом классической историософии и мучительным утвер­ждением квантовой историософии, когда становится ясно, что интересующие нас нынче процессы не описываются в катего­риях «конца — начала», не берутся в картезианских терминах и даже не описываются теоремой Георга Кантора.

(Стало быть затяжной экскурс...)

Телеологическая историософия, а другой мы в музейном мире не знаем, обуславливает выбор метода и метафорики, коли метафора — единственный известный нам способ познания сущего (с приветом Ортеге-и-Гассету). Все мы — телеологи, глядящие на историю, по меткому пастернаковскому слову, «в оба гегельянских глаза». И вне зависимости от избранного метода, работаем в виталистической лексике, неизбежно употребляя такие слова, как «расцвет», «завязь», «цветение», «зачатие», «умирание», такие категории, как «прогресс», «эволюция», «разви­тие», «начало», «кульминация», «конец», «организм». Люсьен Февр, справедливо обратил внимание историков на неизменность этой метафорики от самых начал — от Фукидида, Плутарха, Гесиода по сей день. Между тем, менталитет, аппарат, методология, механизм мышления сменились уже не единожды. Поэзия — кратчайший способ выражения мысли, экономнейший вид мышле­ния — давно говорит с нами и о нас другими метафорами: мета­форами, которые условно можно было бы назвать технологи­ческими и посттехнологическими. К примеру, для того, чтобы родилась пронзительная в своем тончайшем эротизме лирика типа пастернаковских строк —

*«Сними ладонь с моей груди.
Мы провода под током.
Друг к другу нас, того гляди,
Вновь бросит ненароком» —*

нужны не только высокий градус освобождения «Я» от многих и многих предрассудков, не только особое отношение к женщине, прошедшее горнила множества историкокультурных «реабилитаций», не только снятие с любви латеральной семантики греховного и проклятого, необходимо усвоение нашим сознанием и нашим подсознанием других механизмов аналогического моделирования. В данном случае — электрических, ясных людям середины — второй половины нашего столетия.

Ни искусствознание, ни история, ни философия, ни иные гуманитарные науки не пользуются посттехнологической метафорикой, поскольку мы осмысляем процесс как телеологический, поскольку настойчиво целе- и смыслополагаем. Вершина наших амбиций, притязаний и возможностей в этом смысле — классическая механика и ньютоновская физика, где

*«...хмурые леса, стоят в своей равнине.
Уйдя из точки А, там поезд на равнине
Стремится в точку Б. Которой нет в помине.
Начала и концы там жизнь от взора прячет.
Покойник там незрим, как тот, что только зачат».*

Между тем, исследователь конца XX столетия, вглядываясь во многие «процессы» без предубеждения, неизменно встает перед выбором:

- либо описывать происходившее ветхозаветными метафорами наследования («Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова...») в ньютоновском их изводе действия и противодействия, прямой передачи знания непосредственно из рук в руки («Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул...»), продвигая тем самым некое историческое «тело» из пункта А в пункт Б и пользуясь витальными метафорами;

- либо искать другой (неэвклидовой, неньютоновской, недарвиновской) метафорикой.

Первое решение опробовано не единожды. Приведем показательный пример из истории русского искусства Нового времени, закрепленное во всех экспозициях историко-архитектурных и краеведческих музеев: «рождение» мифической фигуры Ивана Зарудного. И. Э. Грабарю была необходима отправная точка новременного процесса (пункт А). Авраам нового русского зодчества, которому на основании весьма сомнительных стилистических признаков, приписали все сколь-нибудь новаторские памятники, все сколь-нибудь «левое» зодчество, всю сколь-нибудь «авангардную» архитектуру петровского и чуть более позд-

него времени. Иван Зарудный понадобился не только и не столько для политической конъюнктуры второй половины 1950-х—начала 1960-х гг., сколько для того, чтобы организовать ясный и убедительный процесс преемственности: Зарудный «родил» Мичурину и Ухтомского, Ухтомский «родил» Казакова и Баженова, ну, а те уж известно как рожали всяких Росси и пр...

Другой пример этого рода, также любимый как очень старшими научными сотрудниками, так и экспозиционером, которые помоложе, позволим себе рассмотреть поподробнее — тезис «обмирщения» в русской культуре Нового времени, принадлежащий к тем постулатам, которые, явившись раз, не подвергаются более критике в силу своей «очевидности». Он быстро приобрел репутацию аксиомы, причем незыблемость его утверждали все. Обратившись, конспективно, к генезису этого тезиса в русской гуманитарии, отметим несколько принципиально важных обстоятельств.

Во-первых, вывод о «секуляризации» русской культуры во второй половине XVII—XVIII в. был сделан практически одновременно, в 1860-е гг., социал-демократической и клерикальной школами историософии.

Во-вторых, антагонизм двух этих традиций — мнимость. Обе использовали прием отбора и педалирования годных фактов при игнорировании негодных:

- если одни рассуждали о сокращении культового строительства в это время, очевидно противореча реалиям, то вторые, справедливо отмечая неуклонный рост этого строительства, предпочитали, в свою очередь не замечать, что сам храм стал иным (в планиметрии, декорации, иконографии...);

- если одни избирали символом эпохи Феофана Прокоповича, перечисляя заслуги и дарования которого, будто забывали, что он не литератор, не политик, не ученый, не философ, но священник прежде всего, то другие полагали таким символом Тихона Задонского, хранившего благочестие в суетах и искушениях «столетья безумна и мудра»;

- если одни, сказать короче, вели счет победам, завоеваниям, обретениям светской культуры, то другие множили список утрат в сакрализованном тезаурусе.

И те и другие, механически перенося термин экономической истории, политической экономии, юриспруденции в историю искусства, ставили знак тождества между такими разными процессами, как «секуляризация монастырских земель» и «секуляризация культуры», констатировали убывание сакрального, умаление веры, приращение светского в России XVIII—XX вв.

Ясно, в-третьих, что обе историософские традиции разнятся не методом, но лишь оценкой процесса. К тому же обе школы не пересматривали идею «секуляризации» скоро уже как полтора столетия. Единственная корректива была внесена в 1920—

1930-е гг., когда «вульгарные социологи» — самые агрессивные из наследников социалдемократии — поставили знак равенства между понятиями «светское» и «атеистическое», с чем их оппоненты молчаливо и не без удовольствия согласились. Последний камень в устойчивую пирамиду теории секуляризации был положен представителями русской семиологии, которые в 1970-е гг. предложили *интерпретировать оппозицию «сакральное — светское» как антиномию.*

Ныне принятое позитивистское истолкование процесса, удобное как для обывденного, так и для научного сознания, позволяет менять полярность оценок в зависимости от политической конъюнктуры:

- если прежде Петр Великий имел репутацию гонителя православия, то об эту пору его реноме меняется в противоположную сторону;

- если позавчера Ломоносова рекомендовали как материалиста и безбожника, то сегодня следует припомнить, что образом ученого Михаил Васильевич почитал Василия Великого, который «довольные показал примеры, как содружать спорные по-видимому со Священным писанием натуральные правды»;

- если недавно теорию «телесности души» Радищева надлежало выводить только из французских вольтерьянских философем, не принимая во внимание того, что восходит она к Макарию Египетскому, то нынче модно поступать ровно наоборот;

- если в недавнем прошлом иконопись Боровиковского была лишь маргинальным эпизодом творчества великого портретиста, то теперь, кажется, недалек час, когда перед нами предстанет иконописец, писавший портреты на досуге;

- если вчера Пушкин слыл атеистом, тираноборцем, без пяти минут участником декабрьского мятежа, то сегодня перед нами встает образ законопослушного и христианнейшего поэта, не писавшего ни «Гавриилады», ни «Что в имени тебе моем...», где поразительно сосуществуют любовная lamentация и неожиданная парафраза на «Книгу судей» («Что ты спрашивашь об имени Моем? Оно чудно»; XIII, 18).

Понимая «religio» как связь коллектива и субъекта с Вышним, приходится признать, что исторически становится как «мы» и «Я», с одной стороны, так и представление о Божестве, с другой.

Итак, обе историсофские традиции, по сию пору оказывающие решающее влияние на отечественное искусствознание и музейное дело (вне зависимости от того, рефлекслируем ли мы это обстоятельство), согласились с тем, что нововременной процесс описывается при помощи *антиномии «сакральное — светское»*, сделав, соответственно, ставку на один из ее полюсов, разъяли историко-культурный процесс на крайности правой веры и прогрессивного атеизма. Между тем, чуть более присталь-

ное знакомство с источниками не оставляет сомнений в том, что эпохи таковых крайностей почти не знают. Если говорить об атеизме, то даже те редкие случаи, что рассматриваются нами как безбожие — дело Я. Козельского, дело С. Десницкого — могут быть «квалифицированы» как инаковерие, но никак не атеизм. Религиозность русских не устают отмечать едва ли не все путешественники и мемуаристы. Не может быть и речи об оскудении веры. Скорее напротив, теологические вопросы особо актуальны. Иначе зачем бы, к примеру, Синоду несколько раз настойчиво повторять указы, предписывающие «всем светским людям, какого бы они звания ни были (...) запретить между собою (...) азартно иметь диспуты и распри о Бозе и его всемогуществе, о Св. Троице, о Христе Спасителе, о Св. Писании и о всем, что до богопочитания касается». Самый краткий обзор состояния дел в XVIII столетии, когда каждый блистательный светский интерьер не забывают украсить образом и не одним, когда все светские люди «имеют диспуты и распри о Бозе», когда размах культового строительства небывал, когда миссионерская деятельность православной церкви активна как никогда прежде и никогда после, когда продолжают властвовать суеверия тысячелетней давности и просветителям еще и в 1786 г. приходится спорить с тем, что «к некоторым женам и девицам летают ночью огненные змеи, то есть воздушные дьяволы и имеют с ними плотское совокупление, отчего те женщины весьма худеют», когда горячие вольтерьянские головы, добывая из фекалий очередной, необходимый для получения философского камня элемент, не забывают назидательно заметить, что «нельзя быть хорошим химиком, отрицая физическую возможность Великого Деяния» — не оставляет сомнения в том, что ситуация не может быть описана при помощи механического противоположения «сакрального» и «светского».

В онтологическом смысле постановка проблемы трансформации религиозного чувства через оппозицию (тем паче антиномию) «сакральное — светское» по меньшей мере некорректна. Очевидно, что каждый этнос, каждая эпоха, формулируют свое понятие о сакральном, институируют свои святыни и свой ритуал поклонения им. Гадамер в известной книге справедливо отмечал: «Достаточно лишь вспомнить значение и историю понятия *светскости*: светское повергается перед святыней. Понятие светского, непосвященного (профана) и производное понятие профанации, следовательно всегда предполагает понятие *священного*... *Светскость продолжает оставаться сакрально-правовым понятием и может определяться только с точки зрения священного*. Законченная, совершенная светскость — это понятие монстр». И в этом смысле ситуация в России Нового времени — это ситуация не оскудения веры, не торжества атеизма, но некоей *трансформации религиозного чувства*. Оставив теологам и философам решение проблемы возможности развития во времени самой Пер-

вопричины, отметим, оставаясь в границах своей темы, что результаты этой трансформации отнюдь не всегда предполагал волевым.

Как это показать в экспозиции, если проблема всякого Возрождения — проблема становления будущей «личности»? И речь идет не просто о новорожденном «Я», но о харизматическом «Его», уверенном в провиденциальном и непосредственном вмешательстве Высшего в свою судьбу. Примерам нет числа, но ограничимся двумя, крайними для эпохи Возрождения в России по хронологии, конфессиональному выбору, социальному положению. Таков Аввакум: «Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «За что Ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы Твои стал! Кто даст судию между мною и Тобою?» Такова старуха Загряжская: «Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо угорелая и впопыхах, а мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто был Лжедмитрий, кто Железная Маска и шевалье д'Еон — мужчина или женщина? Говорят также, что Людовик XVI увезен из Тампля и его спасли: мне и об этом надо спросить. — Так Вы уверены, что попадете на небо? — ответил великий князь. Старуха обиделась и с резкостью ответила: «А Вы думаете, я родилась на то, чтобы торчать в прихожей чистилища?»

Именно этот, неизвестный доселе герой — харизматическое «Я», уверенное в провиденциальном вмешательстве в его судьбу, активное и деятельное чрезвычайно, предпочитающее теперь апофатическому богословию катафатическую теодицею, институциональной благодати персональную харизму, мистическому опыту опыт когнициальный, аллегорезе как механизму мышления силлогистику, открывает новые, неведомые доселе стороны верования, трансформирующие бытие. Возьмем на себя смелость конспективно отметить некоторые из этих новшеств, разводя руками перед естественным вопросом «как это омузеевизается?».

Во-первых, чрезвычайный интерес вызывает тринитарный догмат, дискутируемый при всяком ментальном переломе, но особенно активно при началах Возрождений, когда в полном объеме встают данные в христианстве «навырост» идеи личности и богочеловеческого. Вот, к примеру, одно из самых радикальных антропометрических толкований его беглым монахом Геронтием, судимым Синодом в 1733 г.: «Кроме человека несть Бога, а Троица есть человек, то есть отец — ум, сын — слово, которым говорим, дух же исходит есть дыхание человеческое». Последствия нового возрожденческого тринитаризма далеки. Это и опыты нового богословия храма (особенно настойчивые, кстати, именно в церквах во имя Троицы). Это и портрет, как ведущий жанр эпохи, который не мог бы состояться без идеи личности, данной Европе и России через тринитарный догмат. Новорожденное «Я» ищет пути и формы персонального спасения.

Во-вторых, отметим особую остроту ощущения того, что «царствие Божие внутри нас». Такого рода «протестантские» настроения не были прерогативой элиты. Достаточно вспомнить ересь Веритинова, и под пыткой упорно отвечавшего на вопросы следователей, признаёт ли он Церковь и посещает ли храм, что «Я — де сам церковь», отвергавшего возжжение свечей, поскольку «Богу что в огне треба. Он — де сам всем свет дал». То же видим и во второй половине столетия, когда, например, некий беглый солдат Евфимий, два с лишним десятилетия (!) смущавший Поволжье и даже Москву, проповедовал, что он сам «странствующая церковь». Нетрудно увидеть связь такого мироощущения с новым обликом храма, с портрестописью, с философией...

В-третьих, амбивалентность нового тезауруса, не изолированное, как прежде, не рядоположенное, как совсем недавно, а непосредственное, буквальное сосуществование «+» и «-», «греха» и «блага», «морока» и «добра» в каждой точке времени и пространства, обуславливают особое, острое, конфликтное мироощущение:

Я жила дурно, жила и благонаравно; берите с меня пример:

Вот в чем штука: вкусить мира и все же не утратить неба.

Оно же диктует странные поступки: «Д'Акоста, будучи в церкви, купил две свечки, из которых одну поставил перед образом Михаила Архангела, а другую, ошибкой, перед демоном, избраженным под стопами архангела:

Дьячок, увидя это, сказал Д'Акосте:

— Ах, сударь! Что Вы делаете? Ведь эту свечку ставите Вы дьяволу!

— Не замай! — ответил д'Акоста, — не худо иметь друзей везде: в раю и в аду. Не знаем ведь, где будем».

Наконец, апофатическая теодицея и персонализированное благочестие, постоянно искушающие требованием явить чудо и желанием вложить персты, обусловили миметизацию русской культуры XVII—XVIII вв., победные шествия живоподобия.

Все отмеченные черты, составляющие основу нового религиозного чувства и вызывающие дискуссии среди не одного поколения исследователей, могут быть, конечно, описаны при помощи такого термина, как «протестантизм», что не раз уже и предлагалось, тем более что аналогии протестантским взглядам можно найти порой почти буквальные. Однако такое решение проблемы вряд ли в полной мере корректно, если сравнивать русский «протестантизм» с подлинным североевропейским, фундаментом догматики и мировидения которого составляет все же тезис «личной веры» как единственного и достаточного условия спасения. Сколь не соблазнительно отмечать протестантские настроения в России — от ереси жидовствующих до сегодняшних

дней, речь, скорее, следует вести о постоянном искушении «духом протестантизма», если воспользоваться терминологией М. Вебера, «духом протестантизма», пережитым российским менталитетом как бы в снятом виде, духом протестантизма, испытывавшим, кстати, в Европе начала XVIII сильнейший кризис.

Итак, речь, на наш взгляд, может и должна идти не о секуляризации культуры России XVII—XVIII вв. как о процессе отчуждения и попрания святынь, не об обмирщении как умалении сакрального, но о новом религиозном чувстве, о новом благочестии, о новой теодицеи, оказывающим непосредственное влияние и на развитие искусства, и на искусствоведение, и на культуру в целом. Быть может, заменой скомпроментировавшим себя терминам «секуляризации» и «обмирщения» может стать почти забытое, но емкое и меткое словцо де ла Бретона «*рассуеверивание*», которому вторит спустя два столетия Вебер, толкующий о «великом историко-религиозном процессе *расколдования* мира». Так или иначе, принимая или отвергая изложенные замечания к проблеме «секуляризации», заметим, что в изучении русской культуры XVIII в. давно сложилась ситуация, когда корпус фактов вошел в безнадежное противоречие с прежним толкованием тезиса секуляризации, если не с самим тезисом.

Главный урок нашего затянувшегося отступления — этот и все подобные процессы не описываются в категориях «конца — начала», не берутся в картезианских терминах и, вовсе уж не знаю как, экспонируются.

В общем, разве остается утешиться 12.6 утверждением тех же самых математиков, что количество известных нам предметов, явлений, количественных их выражений не превышает 10^{100} , и, если вслед за романтической и постромантической мифологемами поверить, что «музей вечен» и «был всегда», надеяться, что научимся это показывать...

13. Между тем, оставив «консерваторов» и «академистов», заметим, что «менеджеры», не без злорадства взиравшие на муки «охранителей» еще лет десять тому назад и не без оснований гордившиеся созданными ими прибылями в музейные кассы, народной любовью, притоком посетителей и ростом продаж рекламной продукции, *столкнулись с кризисом идей, с отсутствием свежих предложений*, то есть со все тем же *мировоззренческим кризисом*.

Дабы не рассуждать о повсеместной оригинальности, а так же второй, ежели не третьей свежести всех этих медовух, свадебных обрядов, варки пива, пасх и маслениц и рамаданов и ха-

нук, охоты-рыбалки и прочего в роде «коньяк, и цыгане, и девки в ажурных чулках»), взглянем на такое благообразное, академическое, но и чрезвычайно популярное явление, как музейное музицирование.

Музейное музицирование, как таковое, начало развиваться в нашей стране с 1960-х гг. Теперь, спустя три десятилетия, не занимается этим только наиленивейший, а все институтские учебники высокой и темной науки музеелогии давно содержат лирическую главу «Музыка в музее». Примечательно, с каким азартом устраивают теперь музыкальные вечера не только те «древлехранилища», где уцелели интерьер и подлинные предметы, но и музеи с новодельной экспозицией. Все это очевидно демонстрирует активную работу *мифологемы музейного музицирования* — частного случая *тотального романтического мифа о «грандаре»*.

Родившаяся треть века назад мифологема музейного музицирования предполагает, что и без того «высокая» классика становится во много крат выше, коли озвучена в соседстве музейных экспонатов, распространяющих ореол дополнительной «подлинности» на произведение, музыканта, манеру его исполнения и, конечно же, на слушателя. Соответственно чуткий зритель, оной мифологемой мобилизованный-призванный, себя и ведет. Он знает наверняка, что уж если в консерватории музыка «переживается» лучшими фибрами его необъятной и тонкой души, возносящейся горе, то в музейном интерьере эти «переживание» и «вознесение» безмерно усугубляются неким вдохновенным историко-культурным печалованием о «подлиннике» и «подлинном».

Неудивительно, что спрос, рождающий, согласно классикам марксизма, предложение, привел к рождению нескольких десятков, если не доброй сотни музыкальных коллективов, играющих «музейную музыку». Рецепт ее прост:

- строго, если не пуритански отобранный репертуар — Бах, Альбиниони, Моцарт, Бортнянский + несколько (не больше двух-трех) диковин и «антиков»;

- стилевой диапазон в границах «абсолютной музыки» — от Ренессанса до раннего Романтизма, сказать точнее — до бетховенской эры, приучившей слушателя страстно «обожать» то или иное произведение, непременно иша в нем личностного «отзвука» и судьбоносных аллюзий;

- манера исполнения — сдержанно глубокомысленная (без педали, с неукоснительным темпом по метроному и пр.). претендующая на историзм;

- композиция концерта — строго хронологическая (с точностью до месяца, а то и дня написания пьесы);

- не лишним будет музыковед или, на худой конец, музейный сотрудник, уверенно толкующий музыкальную эзотерику и *a pro* про поясняющий, что «после возвращения из Италии Бортнянский...»;

- инструменты желательны если не «старинные», то «аутентичные».

В результате музыканты и слушатели уверены, что вот теперь-то чувствуют наконец «подлинного Моцарта», что только сейчас им открылся «настоящий Бах», что нынче они слышат в конце концов знаменитый опус № 34 E flat major таким, «каким он был задуман великим композитором N» и так, «как он звучал тогда».

Особо специфичен в музейном музицировании рисунок игры. Это многозначительное несуетное достоинство, нарочито оставляющее за скобками уместный в иных залах романтический знак равенства между «чувствительностью» и «болезненностью», «самовыражением» и «проникновением», «самостью» и «демиургизмом», надысторическим «вчувствованием» и «точной исторической реконструкцией». Здесь музычность — недруг виртуозности. Грех и помыслить, что и то, и другое — лишь две стороны невроза «всеведения» и его двухсотлетней истории.

Один из самых ярких врагов романтических мифологем (не исключая, к счастью, и собственного «левого мифа») Ролан Брат в блестящем эссе «Буржуазный вокал» заметил, что «в музыке имеется своя чувственная правда, которая довлеет себе и не терпит, когда ее стесняют *выразительностью*». Именно потому нас часто оставляет недовольными исполнение превосходных виртуозов: слишком явно выставляя напоказ свое рубато, — очевидный результат стремления быть многозначительным, — они разрушают весь музыкальный организм, который в себе самом содержит все свое сообщение». Музицирование в музее принципиально лишено язвительных «rubato», драматических «fortissimo», чувственных «agitato con fuoco» и прочих истеричных «furioso». Музейная музыка обнажена и оттого, лишенная зримого «самовыражения» и не осененная «подлинностью» соседствующего пластического артефакта, как правило, беспомощна в записи. *Музеефицированное* тут же *становится мумифицированным*. *Обещание историзма*, как всегда, *оборачивается псевдоисторизмом*. Итог очевиден...

Музейное музицирование не на много приблизилось к пресловутому «аутентизму», продолжает приносить скромные, но верные доходы, но свежим словом в музейном деле никак не является.

14. Итак, ни «охранители», ни «революционеры» не справляются с насущными проблемами российской музейной действительности. Примеры?...Пожалуйте... Два.

15. Первый, снаружи... Наш кризис *отягощается повсеместным наступлением* на музеи и идею музеума

а) *клерикалов и*

б) *первичного капитала* (да-да, по 1 тому «Капитала»

К. Маркса, перечитайте... полезно), с лукавой улыбкой уверяющих, что сделают все еще лучше и за свои деньги, на деле же, как правило, цинично разрушающих и глубоко запускающих руку в бездонный карман, отведенный государством на культуру.

Нам нечего ответить...

16. Второй... Изнутри. *Не успев решить проблемы возрастной психологии восприятия музея* и постулировав, как все спасение некую «детскую музейную педагогику», которая видимо поможет нам от всех недугов, включая особенности восприятия инвалидов или людей, которым далеко за ... (кстати, где музейная геронтология?), *мы столкнулись с проблемой розни национальных моделей музейного поведения и ритуала*, которые также следует учитывать, а мы опять не готовы.

Австрийскому поэту Томасу Бернгарду принадлежит замечательное наблюдение: «Итальянцы с их врожденным артистизмом всегда ведут себя так, будто они с самого рождения ходят по музеям. Француз, гуляя по музею, чаще всего начинает скучать. Англичанин ведет себя так, будто бы он все и обо всем здесь знает. Русские всегда всем восхищаются. А поляки на все смотрят свысока... В картинной галерее немец все время тратит на изучение каталога. Двигаясь по залам, он едва ли где бросит взгляд на висящие на стенах картины — уткнувшись в каталог, он ползет все дальше и дальше и достигает одновременно последней страницы и выхода из музея».

Кажется, примеров довольно...

17. Итак, *эвристический кризис музея и мировоззренческий кризис идеи музейности, вполне очевидны как в практике, так и в теории. Очевидны с обеих позиций — и «консервативной», и «модернистской».*

а) Да, *первые научили зрителя своему языку, лексикону витрины, этикетки, шнурка, окрика-объявления «руками не трогать», рисунку роли с благоговением и неврастенией, гносеологии «понимания», эстетике «вчувствования» и этике «проникновения»...*

б) Не менее ценен и вклад *вторых*, научивших музей и музейщиков говорить с обычными людьми всегдашним человеческим языком о простых человеческих вещах, двинувших культуру в массы на диво всем большевикам и национал-социалистам... (Полно, мол, делать вид, что существует лишь мраморная любовь Амура и Психеи, а стеклянный бокал всегда пуст...).

17.1. *Музей еще не совсем исчерпал свои возможности как социальная институция.* Он будет, поскольку вынужден, все изощреннее эксплуатировать прежние наработки. Идей второй свежести на наш век и век наших учеников еще хватит, а, стало быть, всевозможные «свадебные обряды», «варки меда» и прочие «дни сурка» в ближайшие полста лет не так чтоб обогатят музейные кассы, но и не позволят упразднить должность «заместителя директора по... связям с общественностью, маркетингу, популяризации, музейной педагогике и пр.» (ненужное вычеркнуть).

17.2. *Пока живо само понятие «академическая наука», музей будет представлять интерес как научно-исследовательское учреждение.* Однако при явной деградации университетской и НИИшной учености музейная академическая наука дождется внимания к себе нескоро, быстрее вымрет. Дело не за горами.

17.3. *Качество и уровень собирательской, хранительской, реставрационной, экспозиционной и популяризаторской работ в музеях будут неминуемо деградировать, поскольку в музеи станут приходить те, кто не нашел себе места на обширном арт-рынке эпохи первичного накопления капитала.* Те же кто, несмотря ни на что придут в музей, все равно столкнутся с тем же искусом («жаждой наживы и чистогана», «поклонением Мамоне», «хищным оскалом потребительства», а попросту говоря, с желанием хоть сколько-то достойно жить), но чуть позже, что, может стать, страшнее.

17.4. *Деньги, сулимые и, тем более, заплаченные (ненужное вычеркнуть, нужное подчеркнуть) местными властями, кандидатами в депутаты, правительством, РПЦМП, первичным и вторичным капиталом, партиями и фрак-*

циями, общественными организациями, международными фондами etc., придется отрабатывать всерьез и надолго, что нерентабельно. Итог?..

18. Увы, нам нечем ответить на «искушения века». Мы не готовы к XXI столетию, поскольку не придумали и не выстрадали идеи нового музея и идеи новой музейности.

Впрочем, все мы профессионалы и, стало быть, понимаем, что музей *суть исторически обусловленная социальная институция, рожденная в эпоху Романтизма, приобретающая тогда же статус «храма» и материализовавшаяся чуть позже, во второй половине XIX века с тем же статусом, пришедшаяся ко двору для становления имперской (государственной, этнической и пр.) идеи в XX столетии и умершая в...* Кто предскажет дату?..

P. S. Я и в самом деле хотел бы посвятить эту провокацию светлой памяти Кеннета Хадсона — предчувствателя катастрофы.

P. P. S. Выбирая ремесло, мы выбираем судьбу. В каждом ремесле есть свое искушение: поэт дразнит вождение все переименовать, «когда потеряют значение слова и предметы», прозаика искушает бес «вседушеведения», журналист соблазняет подменной профессиональной обязанности интервьюировать чужим правом исповедывать, политика манит лукавый популизм историка, в том числе историка искусства, мучает комплекс «демиургиизма» — желание думать, что «нам внятно все», уверенность в том, что мы можем постичь процесс и даже его предсказывать (и в этом смысле вполне справедлив трюизм о сиаемском близнячестве истории и футурологии).

Виноват.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ XX—XXI ВЕКОВ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Российский региональный музей становится типичным явлением культуры страны на рубеже XIX—XX веков. Он сумел сохраниться в этом качестве на протяжении более чем ста лет, за которые, несмотря на происходящие в государстве социокультурные изменения, никто не попытался его упразднить. С другой стороны, поддержка большинства региональных музеев со стороны как власти, так и общественности всегда была очень вялой: им не давали угаснуть, но и возможностей для полноценного развития тоже не предоставляли. В каждый новый период российской культурной истории музею навязывалась новая функция, призванная, помимо прочего, оправдать его существование. За прошедшее столетие музей последовательно был просветительским учреждением, агитационным и пропагандистским центром, местом возрождения народной культуры, научным заведением и т. д. Очевидно, что за всеми этими внешними обликами скрывается то ядро, которое представляет суть музея, которое позволило ему не только выжить в бурное двадцатое столетие, но и в каждый его период оставаться собой, несмотря на навязываемые роли. Это системообразующее ядро можно обозначить как «культурное наследие», которое есть действительная ценность нашей культуры, ценность, почитаемая даже людьми не посещающими музеи, даже людьми, обладающими властью и деньгами. Если не считать эпатажных выступлений авангардистов двадцатых годов прошлого века (которые проходили в основном в столицах), на эту ценность никто не посягал, и тем не менее именно факт гибели культуры прошлого вызвал к жизни региональный музей. Его образование связано с распространением в общественном сознании двух взаимосвязанных представлений: во-первых, о том, что культура каждого региона обладает ценностью, во-вторых, о том, что этим культурам угро-

жает исчезновение. Возникновение регионального музея стало реакцией общества на разрушительную силу временного потока, уносящего в прошлое не только отдельные вещи и традиции, но также целые культуры и субкультуры. Музей был призван стать если не плотиной, то тихой заводью, где бережно собранные обломки былых культур обрели бы новую жизнь. Основной функцией российского музея в XX веке стала фиксация образов гнущих культурных слоев, сохранение предметного мира, удостоверяющего их былую реальность. Верность этой «охранительной» функции позволила музею остаться собой вопреки всем политическим, научным, художественным «модам», она же во многом определила его место в социокультурной системе, структуру организации и специфику существования в целом.

За понятием «музей» в новоевропейской системе значений стоят по-меньшей мере три не сводимых друг к другу полностью культурных сущности. Во-первых, это «культурное наследие», представляющее данный концепт на уровне общекультурных ценностей, играющее роль его системообразующего ядра, но, как и всякая ценность, являющаяся плодом значительного обобщения, то есть абстракцией. Во-вторых, это «музейная коллекция», представляющая собой реализацию идеи сохранения культурного наследия, ее воплощение в ряде или системе рядов конкретных артефактов. В-третьих, это сам музей как учреждение, как социокультурный институт, обслуживающий и процесс реализации ценностного идеала, и процесс сохранения и репрезентации конкретного информационно-вещественного комплекса, выполняющий целый ряд функций предлагаемых ему обществом и культурой в каждый конкретный период развития. Каждый из этих трех компонентов обладает собственными характеристиками. Отношения в социокультурной системе выстраиваются не только с «музеем вообще», но и с каждой из составляющих концепта в отдельности. Рассмотрение этих характеристик и отношений поможет понять, что же представляет собой современный региональный музей, каковы возможные пути и перспективы его развития.

Культурное наследие является универсальной ценностью, существующей в любой культуре, однако понимание

этой ценности как необходимости сохранять артефакты культур прошлого в неизменном виде приходит только в эпоху Возрождения, когда «чужое», принадлежащее иным культурам, осознается как «свое» и помещается в особое место, ставшее постепенно музеем. Новое значение этим хранилищам придает эпоха Барокко, на протяжении которой «свое» стало «чужим», то есть загадочным, непонятным, следовательно, нуждающимся в изучении и репрезентации, следовательно, требующим выделения из повседневности и обособления в специально оборудованном месте. Изменение представлений поначалу затрагивало лишь узкий круг интеллектуалов, но пафос Просвещения стимулирует его расширение: «музейное сознание» становится неотъемлемой принадлежностью городской новоевропейской культуры, а сам музей вбирает в себя все новые группы вещей. Романтизм добавляет концепту «музей» два новых, в определенном смысле противоположных, значения: с одной стороны, сакрализируя художественную культуру, он превращает музей из театра (в барочном смысле) в храм, из процедуры рационального (в просветительском значении) образования творит акт эстетического иррационального постижения мира; с другой стороны, романтическое сознание отрицает саму возможность (и необходимость) сохранять что-либо в неизменном виде, в конечном счете оно отрицает научную значимость культурного наследия и требует от музейных экспонатов участия в сакральном игровом жизненном процессе. Следовательно, возвышая музей до статуса святого места, романтизм лишает его права существовать в ином качестве, делая его положение в социокультурном пространстве двусмысленным и непрочным. В противовес этому Позитивизм приписывает культурному наследию ряд жестких и определенных функций, в свете которых сам музей выглядит как одно из орудий, при помощи которых общество воздействует на своих членов. Представляется, что на этом формирование концепта «музей» в новоевропейской социокультурной системе в основном завершилось, культура XX века использует уже готовые значения, актуализируя их в зависимости от специфики развития той или иной ситуации, того или иного периода, от взглядов конкретного автора или установок конкретной социальной группы. Напри-

мер, в рамках современной культурной ситуации можно рассмотреть относительно культурного наследия (равно как и других составляющих концепта) позиции таких условно выделенных социальных групп, как 1) музейные сотрудники — профессионально связанные с сохранением наследия, 2) власть — определяющие культурную политику, 3) бизнес — имеющие возможность финансировать развитие культуры, 4) общественность — музейные завсегдатаи, готовые участвовать во всех культурных мероприятиях, 5) публика — все реальные и потенциальные посетители музея. Музейные сотрудники, как правило, соединяют просветительский взгляд на культурное наследие с романтическим: они несут в массы свет объективного знания, но при этом часто ощущают себя причастными особому сакральному миру. Власть совмещает позитивистскую позицию с элементами барочных представлений: культурное наследие полезно как средство воздействия на общественность, но его удобно использовать и в представительных целях — для оформления банкета где-нибудь на выезде. Бизнесмены, финансирующие музеи, делятся на людей романтических и барочных: ни одни, ни другие не видят в культурном наследии (кроме тех случаев, когда оно стало частью турмаршрута) никакой практической пользы, но первые готовы платить «из любви к искусству», а вторые — «за размах и оригинальность представления». Общественность, очевидно, наиболее романтична — свое пребывание в музее она склонна воспринимать как некое инобытие, причастность не только к «высокой культуре», но и к «миру Духа». Публика по своим взглядам преимущественно барочна, ее отношение к культурному наследию определяется в конечном счете рекламой, она стремится быть причастной тому, что очень известно, очень необычно, очень зрелищно. Здесь следует помнить, что по отношению к культурному наследию каждая из вышеперечисленных групп проявляет почтение, примерно так же относятся они и к музею в целом, но их отношение к конкретным воплощениям этих понятий намного сложнее.

Значимость конкретного музея, его место в культуре того или иного периода в значительной степени определяется качеством коллекции, уровнем представленных в ней экспо-

натов. Можно сказать, что большинству региональных музеев в этом отношении не повезло. Качество их коллекций определяется тремя свойствами: комплексностью, случайностью и стандартностью. Комплексность была задана изначально охранительной и просветительской установками создателей музея, которые пытались сосредоточить в нем все знание о регионе, все артефакты культур прошлого, к каким бы сферам они не относились. Обратной стороной этих устремлений стала невозможность достижения полноты собрания музейной коллекции, изначально обреченной на фрагментарность. Ограниченные физические, финансовые и иные возможности сотрудников музея, отсутствие, декларативность или утопичность научно-разработанных программ комплектования фондов приводили к преимущественно случайному характеру поступления новых единиц хранения. Правда, «случайность» отчасти снималась закономерным характером развития культурной системы, когда региональный музей, «запрограммированный» на определенную реакцию, «автоматически» принимал на сохранение обломки очередной культуры, гибнущей в ходе очередного кризиса. После революции 1917 г. на хранение было принято наследство дворянской культуры, в 20-е и 60-е гг. — то, что осталось от культуры церковной, на протяжении целого ряда периодов музейщики пытались законсервировать остатки традиционной крестьянской культуры. Эта ориентация на переломные моменты отчасти предопределила третье свойство коллекции — стандартность, которая, кроме того, была задана и господствующими в каждый период культурного развития представлениями о том, каким должен быть музей, и нивелирующей культурной политикой советского государства, пытавшегося насадить по всей стране единый культурный образец с известным количеством и типом составляющих его элементов. В современной культурной ситуации наиболее отчетливо негативным выглядит именно третье свойство коллекции, лишшающее музей своего оригинального облика и определяющее отношение к нему ряда социальных групп. Широко известны факты пренебрежительного отношения к коллекциям региональных музеев со стороны представителей власти, бизнеса и публики, но если точку зрения этих категорий населения еще

можно объяснить невежеством и ориентацией на образцы столичной и массовой культур, то чем объяснить, что сами музейщики зачастую нелестно отзываются о своих коллекциях, чем оправдать гибель на протяжении прошлого века множества единиц хранения — и не только уничтоженных по приказу сверху или сгоревших в огне случайных пожаров, но и списанных «за ненадобностью!»? Подобное отношение к коллекции (а, следовательно, к местной культуре в целом) музей не смог преодолеть за сто лет просветительской и рекламной деятельности, тем более ее не может быть достаточно для того, чтобы обрести свой индивидуальный образ, заявить о себе в масштабе страны и за ее пределами. Представляется, что перспективный путь развития современного регионального музея лежит в том направлении, которое некоторыми представителями музеев центральных обозначено чуть ли не как движение к гибели. Дело в том, что у регионального музея нет тех оснований бояться современных информационных технологий, какие имеются у представителей центра. Региональный музей никогда не был сакрализован в той степени, как музеи центральные, его коллекция никогда не была явлением самодостаточным, его функциональность по отношению к социокультурной системе всегда была выражена достаточно четко и прагматично. Все это оборачивается сегодня плюсами. В провинции легче воспринимается тот факт, что не только «высококачественные», но любые экспонаты обладают ценностью, что ценность эта определяется не столько достоинством самой вещи, сколько ее местом в системе культуры. Качественный рост регионального музея может быть достигнут за счет разработки и внедрения оригинальных экспозиционных, научных и образовательных программ, в ходе реализации которых вполне возможно преодолеть негативные и подчеркнуть позитивные свойства музейной коллекции. Комплексность должна быть преобразована в системность — каждая единица хранения должна обрести свое место в единой многоуровневой гиперсистеме, охватывающей все культурное поле данного региона, тем самым она будет представлена во множестве контекстов, каждый из которых может стать основой для выставочных и научных работ. Наличие такой информсистемы позволит разработать про-

грамму восполнения пробелов в комплектовании коллекции: еще и сегодня в большинстве регионов можно собрать при небольших затратах уникальный материал по культуре прошлых веков, не говоря уже о современности. Информационные технологии позволяют многократно увеличить количество способов репрезентации музейных объектов, виртуальности которых может бояться лишь столичный житель, пресыщенный окружающими его подлинниками и потому свысока глядящий на любую репродукцию. Использование в музейной экспозиции виртуальных и предметных моделей, технически проецируемых изображений, различных научных реконструкций позволит сделать ее более динамичной и привлекательной для зрителя, вовлекаемого в различные интерактивные познавательные игры. Преобразованное таким образом музейное пространство позволит постепенно отказаться от принципа постоянных экспозиций: жестких, неизменных, доносящих до зрителя только один взгляд на мир, взгляд неизбежно догматизированный и ограниченный. Новый музей позволит привлечь и удержать значительное количество посетителей, одни из которых придут развлекаться, другие — учиться, а третьи — заниматься исследовательской работой. Преобразования в работе с коллекцией требуют внесения изменений в деятельность музея как учреждения.

Музей, как социокультурный институт представляет собой организованный коллектив сотрудников, объединенный выполнением определенной функции. Макрофункция музея — сохранение наследия — задана ему изначально, в момент возникновения самой социокультурной системой, но эта глобальное предназначение вовсе не всегда явно даже музейным сотрудникам. В конкретных ситуациях она нередко заслоняется более частными функциями, которые предписываются музею его создателями и работниками, властью, общественностью, публикой. Количество этих функций ограничено, но все же достаточно велико, особенно если учитывать их различные варианты. Просветительская функция задается музею прежде всего общественностью, которая собственно и стоит у истоков российского регионального музея, но после огосударствливания музеев советской властью просвещение постоянно подменя-

ется агитацией и пропагандой⁴, характер и содержание которых зависят от конкретного периода. Сама просветительская работа (в те периоды, когда музейным сотрудникам позволялось ей заниматься) была в значительной степени идеологизирована и формализована. Будучи фактически образовательным учреждением, музей не получил этого статуса. В глазах сотрудников и общественности трудоемкая и однообразная экскурсионная работа стоит низко, и только распространение в 90-х гг. музейной педагогики позволило придать ей творческий характер, поднять ее уровень во многих региональных музеях. Однако до сих пор количество сотрудников, профессионально работающих с разновозрастными группами посетителей, недостаточно велико, а большинство музеев не оказывает им по тем или иным причинам достаточной поддержки.

Сегодня все большее значение для регионального музея приобретает научно-исследовательская функция. В последнее десятилетие и в провинции стало очевидно: какую бы должность не занимал сотрудник, в каком отделе бы не работал — он прежде всего исследователь. Научное творчество на исторической, педагогической, экспозиционной или любой другой ниве — это единственный вид деятельности, который способен преобразовать региональный музей, вывести его на новый уровень, поднять его статус и открыть ему дорогу в будущее. Сотрудники музеев должны осознать, что только творческая работа на полноценной научной базе может открыть перспективы развития как отдельному человеку, так и коллективу в целом. Эта работа неизбежно должна иметь междисциплинарный характер, что следует уже из самого многофункционального статуса музея и, кроме того, предполагается спецификой развития современной науки. Музею сегодня нужны сотрудники-универсалы, свободно ориентирующиеся в потоке информации, способные за короткий срок разработать и воплотить в виде экспозиций и экскурсий любую актуальную в данный момент тему. Для этого необходимо усовершенствовать работу с персоналом: сотрудников необходимо изучать, обучать и стимулировать. Немалое значение имеет преодоление комплекса неполноценности, который зачастую испытывают работники перед столичными коллегами или научными сотрудниками других

учреждений. Провинциальные комплексы могут быть разрушены только в ходе самой творческой работы, при достижении конкретных результатов.

Поскольку современный музей не может считаться носителем сакральной истины, постольку он должен учитывать многообразие точек зрения, имеющихся в нашем обществе, а, двигаясь по этому пути, следует перестраивать свои отношения с общественностью, публикой, бизнесом и властью. Очевидно, что стратегия выживания, которой придерживались многие музеи в постперестроечные годы, сегодня себя полностью исчерпала себя. Несмотря на то, что любое проявление активности связано с финансовыми затратами, музей должен постоянно эту активность наращивать по отношению ко всем обозначенным социальным группам и институтам, только таким путем можно отстоять не только право на существование, но и право на самостоятельность, позволяющее строить не сателитские, но равноправные партнерские отношения. Прежде всего это касается власти, относительно которой музей должен эмансипироваться в идеологическом, административном и финансовом планах. Государствливание музеев в свое время сыграло некоторую положительную роль — статус государственного учреждения помогал выжить в трудные годы революций, войн и перемен политического курса. Однако за этот статус приходилось платить утратой не только административной, но и идеологической, и научной независимости. В те периоды советской истории, когда музей был востребован для активного служения власти (как например, в конце 40-х — начале 50-х гг.), от него требовалось помпезно рекламировать ее достижения, торжественно представлять саму эту власть в зримо-материальных формах. В иные времена власть не обращала на музей особого внимания, весьма неохотно выделяя деньги на поддержание его существования, рассматривая его как почему-то необходимое, но в целом достаточно обременительное заведение. Ни в один из периодов существования советского государства от музея не требовалось сколь-нибудь объективно репрезентировать прошлое или настоящее, очевидно, поэтому требования к музейной науке всегда были минимальными, естественно, никаких особых средств для ее развития почти

никогда не выделялось — музейным сотрудникам полагалось не умничать, но действовать по утвержденной сверху программе. С первых лет советской власти общественность лишилась возможности сколь-нибудь серьезно влиять на развитие музея, в особенности это касается республиканских и областных учреждений. Любая общественная инициатива жестко контролировалась партийно-государственным аппаратом, который если ее и не пресекал с самого начала, то направлял в такое узкое русло, что она быстро формализовалась и угасала сама. Современный региональный музей должен обрести не только своего зрителя (состав реципиентов посещающих выставки может и должен постоянно меняться в зависимости от их характера и темы), но и свою общественность, которая будет не только посещать музей и активно участвовать в его мероприятиях, но и лоббировать его интересы, рекламировать музейные программы в регионе и за его пределами, привлекать к музею внимание всеми доступными способами. В идеале должно возникнуть неформальное сообщество, состоящее из различных категорий людей, объединенных вокруг музея. Однако прежде музей должен перестать быть закрытым корпоративным учреждением, скрывающим свои проблемы ради того, чтобы начальство могло беспрепятственно рапортовать об очередных достижениях. Независимость от чиновничьего каприза и открытость заинтересованному участию извне — вот два качества, которые должен обрести региональный музей в ближайшие годы. Для этого нужно не так уж много: стабильный бюджет, который обеспечивал бы не только сохранение, но и развитие музейных фондов; представители власти, способные видеть культурное развитие как целостный процесс, неподчиняющийся приказам, из какой бы высокой инстанции они не исходили; музейные сотрудники, открытые инновационным влияниям, готовые творчески работать и представлять свою работу на любых уровнях. Если все это будет подкреплено помощью российских и международных фондов, поддержкой общественности и благоприятными обстоятельствами, то успех обеспечен. Однако главным фактором, обеспечивающим успешную деятельность музея в новых условиях, является его активность как слаженного коллектива, ежедневно создающего единую структуру данного учреждения.

Опыт культурной истории показывает, что как бы тщательно люди не моделировали будущее, результат все равно будет очень сильно отличаться от желаемого образца. Конечно, нужно сегодня и сейчас пытаться провидеть то, каким станет музей следующих десятилетий, но не следует обольщаться такими прогнозами. Для того чтобы вписаться в систему новой культуры, необходимо не столько пытаться приспособиться к сегодняшним ли реалиям, к завтрашним ли иллюзиям, сколько самим созидать эту систему. Как свидетельствуют музейщики других стран, музей во всем мире переживает не лучшие времена в том, что касается его прежнего статуса, государственного финансирования, традиционных методов работы. В то же время многие музеи находят выход из трудной ситуации, осваивая новые для себя формы деятельности, доказывая обществу свою необходимость, демонстрируя свою жизнеспособность. Российский региональный музей находится в преимущественном положении по отношению как к западным, так и к отечественным центральным музеям, потому что, в отличие от них, он еще не познал «периода расцвета», следовательно, не испытал и не использовал всех возможностей для развития, причем не только качественного, но и количественного. Опыт прошлого столетия вполне можно считать подготовительной, зародышевой фазой, в ходе которой была заложена стандартная основа для всех региональных музеев России, теперь, отталкиваясь от этой базы, каждый музей в отдельности должен обрести себя в конкретных условиях своего региона. В региональной и общероссийской социокультурных системах каждый музей займет то место, какое он сможет для себя создать.

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЭСТОНИИ И КОМИ КРАЕ

Концепция построения музеев XXI века не может не базироваться на изучении истории музеев дореволюционной России, накопивших значительный опыт в научно-исследовательской, фондовой, экспозиционной, просветительской деятельности и являющихся носителями высокой культуры.

Начало формирования музейного дела в России относится к XVIII веку. Именно тогда возникли первые правительственные (частные появились раньше) музеи, получившие в дальнейшем широкое распространение и сыгравшие важную роль в просвещении граждан. Они создавались в соответствии с государственной политикой при различных министерствах, ведомствах, учреждениях. Наиболее научно организованными являлись музеи при высших учебных заведениях, в первую очередь в университетах. В каждом вузе действовало одновременно несколько разнопрофильных музеев.

Часто вузовские музеи оказывались первыми музеями региона и в дальнейшем играли большую роль в формировании местной музейной политики. Огромное влияние на развитие музейного дела в России, и в первую очередь в Эстонии, оказали музеи Тартуского (Дерптского-Юрьевского) университета. Как известно, вуз был основан в Дерпте (тогда город входил в состав Швеции) в 1632 г. как Академия Густавиана (действовал в 1632—1665 и 1690—1710 гг.). В 1721 г. эстонская территория стала российской. Воссоздание учебного заведения произошло в 1802 г. (к этому времени в России существовали университеты в Москве и Петербурге). В это же время возникли и первые его музеи. Музеи других ведомств в Эстонии были созданы значительно позднее. Например, Исторический музей Эстонии в Таллине (бывший Ревель) возник в 1864 г. как Провинциальный музей, Этнографический музей Эстонии в Тарту (тогда Юрьев) открылся в 1904 г. (первоначально на-

звался Эстонским народным музеем), а художественная галерея — в 1912 г.

Начало XIX века в России ознаменовалось усиленным стремлением правительства к развитию науки и культуры. В 1802 г. учреждено Министерство народного просвещения. Помимо Дерптского университета в России были созданы и воссозданы Виленский (1803), Казанский (1804), Харьковский (1805), Варшавский (1816), Гельсингфорский (1827) университеты. Они действовали в соответствии с российским общеуниверситетским Уставом (1804), созданным на основе уставов Дерптского и Виленского университетов. Этот первый Устав считался достаточно либеральным по своей сути (действовал до принятия второго Устава в 1835 г.). Он являлся законом для всех учебных заведений России и предусматривал следующие отделения (факультеты): нравственных и политических наук, физических и математических наук, медицинских наук, словесных наук. Университетам вменялось в обязанность вести исследовательскую деятельность и распространять научные знания. Во многом это удавалось осуществлять через музеи и кабинеты музейного типа. В соответствии с Уставом они обеспечивались штатами, финансированием (кстати, материальные средства российских университетов того времени значительно превосходили все остальные высшие школы мира). Пополнение коллекций и их сохранность курировал Совет вуза. Руководство музеями осуществляли, как правило, профессора, доктора наук. Так, кабинеты естественной истории состояли в ведении профессора естественной истории, который не «должен исключать из Кабинета испортившиеся животные, как по представлению Совета». Химическая лаборатория и минералогический кабинет находились в ведении и «под надзором» профессора химии, который имел «приспешника, или лаборанта, получающего жалование из суммы, на лабораторию определенной». Внутреннее устройство «учебных пособий» представлялось «надзирателям оных», которые «обязаны отвечать за их целость», а также «содержать их в порядке, иметь точные описи собраний и вещей им препорученных, и копии с описей представить Совету за своим подписанием». Помимо основных сотрудников предусматривались и другие: «для сих заве-

дений и других нужд, встретиться могущих, полагается один живописец и один резчик на меди»¹.

Музеи, часто называемые в вузах кабинетами («камо-рами»), помимо учебного процесса осуществляли научную и просветительскую деятельность. Эффективность работы музея напрямую зависела от личности его заведующего, а также качественных и количественных характеристик фондового материала, который комплектовался главным образом через пожертвования, покупки, обмен. Но наиболее ценные, научно обработанные экспонаты были собраны в различных экспедициях, в том числе по территории Коми края, который привлекал внимание многих европейских исследователей своей неизученностью и территориальной близостью. Экспедиции расширяли кругозор ученых, обогащали музеи ценными коллекциями, знакомили студентов с естественными богатствами и особенностями России. Это оживляло научную работу в стенах самого университета и повышало качество преподавания.

Первыми вузовскими музеями России стали музеи комплексного характера со смешанным составом коллекций — музеи естественной истории или кунсткамеры («каморы натуральных и курioзных вещей»). Значение подобных музеев было велико: «Ничто толико чувств наших не поражает, как зрелище природы. Великолепное естественных вещей хранилище представляет нам картину, на которую воззрев усматриваем в едино мгновение ока все, что ни есть в ней прелестнейшего, редчайшего и древнейшего... Знание натуральной истории придает блеск и красу всем другим наукам... Не хранилищам ли естественных вещей сия наука должна тем степенем совершенства, до которого она ныне достигла», — отмечал академик И. Бакмейстер еще в XVIII веке.²

Демократичность, характерная для них, стала основной чертой многих вузовских музеев последующих поколений. В 1805 г. каждый из существовавших университетов имел Музей естественной истории. На начальной стадии их становления отмечалось много общего, но в то же время каждый развивался особым образом, отличительным от других.

В Дерптском (Юрьевском, Тартуском) университете усиленный интерес к музеям наблюдался на протяжении всей

его истории — как до 1917 г., так и после. На приобретение коллекций, оборудования, организацию экспедиций, экспозиционное построение выделялись щедрые суммы. Музеи размещались в удобных и светлых помещениях. Именно в Дерпте появились первые в российских университетах музеи Сельского хозяйства, Муляжей, Искусств, Отечественных древностей, Предметов библейской и церковной археологии. К числу крупнейших в России относились музеи Зоологический, Минералогический, Палеонтолого-геологический, Изящных искусств и древностей. В Дерптском университете зарождались наиболее передовые научные концепции построения музеев, использовались прогрессивные методы музейной работы, активнее привлекались студенты для организации различных выставок.

Первые музеи Дерптского университета, возникшие одновременно с самим вузом, явились тем фундаментом, на основе которого формировались и развивались музеи в дальнейшем. Именно в первой трети XIX века сложились в вузе музейные традиции. Это касается руководства музеями, как правило, докторами наук, профессорами, а также планомерного и целевого правительственного финансирования, комплектования экспонатов как через экспедиции, так и щедрые пожертвования людей самых различных сословий — от царствующих особ до студентов, крестьян, священников, организации на базе музейных коллекций научных исследований, доступности публике.

Самым первым музеем Дерптского университета стал Музей естественной истории, основание которому было положено пожертвованием Великого Князя Константина Павловича собрания минералов, раковин, кораллов и «небольшого числа древних произведений из царства животных»³. В 1808 г. в Музеум (так он именовался в те годы, а не кабинет, как большинство вузовских музеев России того времени) поступила коллекция минералогических и зоологических предметов от директора российско-американской компании М. Булданова. Были и другие поступления. Таким образом, в музейных фондах сформировались коллекции ботанические, минералогические, зоологические и т.д. Все поступления регистрировались в специальной шнуровой книге. К 1814 г. в фондах состояло 2135 номеров. В 1802—1809 гг. Музеем заведовал профессор Готфрид Альберт Герман (?—1809 гг.), который занимался устройством

Ботанического сада, часто выезжал в экспедиции, где собирал зоологический, ботанический, геологический материал.

Музей естественной истории просуществовал до 1822 г. (в ряду других вузов России они продолжали действовать и далее, но это являлось показателем низкого уровня развития науки и музейного дела), затем на его основе были созданы отраслевые музеи.

Минералогический музей возглавил профессор М. Ф. Энгельгардт (1780—1842 гг.), родоначальник школы минералогов-петрографов, первый профессор-геолог университета. До него минералогические собрания в составе Музея естественной истории формировались довольно спонтанно, в основном через дары и попутные сборы в экспедициях. При Морице Федоровиче комплектование фонда было поставлено на научную основу, число предметов увеличилось в три раза и в 1835 г. составило 11370 экз., был составлен первый систематический каталог.

Формировались коллекции главным образом за счет целенаправленных экспедиций ученых университета. Так, в 1826 г. под руководством профессора М. Ф. Энгельгардта была совершена одна из многих экспедиций на Урал, западный склон которого относится к территории Коми края. В ней принял участие также Григорий Петрович Гельмерсен (1803—1885 гг.), в будущем крупный ученый, автор первой геологической карты Европейской России (1841), член-учредитель Русского географического общества (1845), один из создателей и первый директор Геологического комитета (1882), выпускник Дерптского университета. За результаты этого путешествия, посвященного изучению золотоносности Урала, М. Ф. Энгельгардт был представлен к награждению орденом Святой Анны II степени⁴.

Его ученик профессор А. И. Шренк (1816—1876 гг.), один из основателей Дерптского общества естествоиспытателей, продолжил комплектование материалов в экспедициях. Александр Иванович стал одним из первых исследователей Большеземельской тундры. В 1837 г. им совершена 7-месячная поездка на Север, в том числе на территорию Коми края (бассейн рек Печора, Цильма), Урал. Он изучал не только геологические, ботанические, зоологические особенности региона, но также историю, этнографию, фольклор, промыслы и тор-

говлю, собирал различные коллекции. В 1850 г. результаты исследования А. И. Шренка были удостоены самой почетной научной награды России — Демидовской премии. В 1855 г. материалы экспедиции были опубликованы в его книге «Путешествие к северо-востоку России через тундры самоедов к северным уральским горам в 1837 г.» (в 2-х томах).

В 1847, 1848, 1850 гг. геологические экспедиции в Коми край совершил уроженец Дерпта, студент, а затем профессор Дерптского, позднее Киевского и Петербургского университетов, Петербургского горного института Э. К. Гофман (1801—1871 гг.), один из самых усердных учеников профессора М. Ф. Энгельгардта, сумевшего пробудить в своих студентах глубокий интерес к науке. Современники об Эрнесте Карловиче говорили, что он принадлежал к числу замечательнейших людей, но более ученостью, чем преподаванием. Экспедиционный опыт Э. К. Гофман приобрел еще в 1823—1826 гг. во время морского кругосветного плавания на корабле «Предприятие» под руководством капитана первого ранга О. Е. Коцебу (за это награжден орденом Святого Владимира IV степени). В 1840 г. он составил ценнейшее руководство по минералогии «Общая ориктогнезия, или учение о признаках минералов».

Члены экспедиции, прибывшие в Коми край под руководством профессора Э. К. Гофмана, изучали западный склон Урала, вершины Уральского хребта, территории вдоль Печоры, Усы, Воркуты и других рек. Ученым помогали местные жители, в том числе Филипп Рочев, Андрей Терентьев. По результатам экспедиции Эрнест Карлович был награжден Золотой медалью Русского географического общества. В 1856 г. им в Петербурге издана работа «Северный Урал», в которой отражены наблюдения не только геологические, но и исторические. Известно, что эстонцы и коми-зыряне, населяющие край, относились к единой финно-угорской группе.

Помимо геологических исследований ученые вузов осуществляли изучение животного мира как части природы. Подаренные коллекционерами и собранные в экспедициях материалы оседали в музеях, где тщательно атрибутировались и систематизировались. В начале XIX века зоологические коллекции входили в состав музеев естественной истории. Однако по мере увеличения накопленного материала в некоторых ву-

зах, главным образом в университетах, стали создаваться новые структурные подразделения — зоологические музеи, в 1835 г. официально узаконенные следующим (вторым) университетским Уставом.

Основателем и первым директором Зоологического музея Дерптского университета стал профессор И. Ф. Эшшольц (1793—1831 гг.), уделявший серьезное внимание развитию музейной деятельности через экспедиции⁵. В 1823—1826 гг. из кругосветного плавания под руководством О. Коцебу Иван Фридрихович привез уникальную коллекцию, состоящую из 2400 видов животных (награжден за это орденом Владимира IV степени). Именем директора Музея назван открытый во время экспедиции коралловый остров. Возглавивший Музей в 1831 г. профессор М. Г. Ратке (1793—1860 гг.) продолжил традиции, в 1832 и 1835 гг. совершив поездки в Крым, где изучал и собирал морскую фауну. Следует отметить, что в первые десятилетия XIX века при сборе зоологических материалов не наблюдалось каких-либо географических ограничений, что было характерно и для музеев других профильных групп. Однако созревала необходимость упорядочения все возрастающих коллекций. В формировании вузовских музейных фондов помогали учебные заведения среднего и низшего звена, для которых составлялись специальные методические пособия с правилами по сбору и обработке материала. При такой серьезной постановке работы один сотрудник музея был не в состоянии решать поставленные задачи, и в зоологических музеях постепенно заговорили о необходимости включения в штат таксидермиста и профессора-зоолога, который бы не отвлекался на другие естественнонаучные дисциплины.

Зарождение научной ботаники в России относится к началу XVIII века. Однако только с развитием высших учебных заведений изучение флоры приобрело действительный размах. Каждый университет и отраслевой вуз естественного и технического направления имел ботанические коллекции (гербарии), сформированные главным образом в составе музеев естественной истории. С введением преподавания ботаники как самостоятельной дисциплины (начало XIX века) в вузах появились профессора, возглавившие ботанические музеи.

Ботаническим музеем Дерптского университета заведовал профессор К. Ф. Ледебур (1785—1851 гг.), при котором (в Дерпте в 1811—1836 гг.) ботанические исследования приобрели европейскую известность. С юношеской энергией и глубокой верой в себя и свое дело ученый принялся за организацию Музея, Ботанического сада и изучение в то время почти неизвестной растительности обширной России. В 1826, 1827 гг. профессора К. Ф. Ледебур и А. А. Бунге совершили путешествие в Сибирь, где изучили флору Алтая и сопредельных территорий, собрали обширную коллекцию, обработали ее и издали четырехтомник «Флора Алтая» (1829—1831 гг.), содержащий около 1600 видов, из которых 400 были ранее неизвестны. Ученые привезли материалы также в Зоологический музей: коллекции млекопитающих, птиц, ящериц, змей, черепах, рыб, насекомых. Кроме того, они собрали минералогические коллекции и древности из чудских могил (под именем «чудь» известны предки современных эстонцев, вепсов, карелов, коми-зырян и коми-пермяков).

Развитие сельского хозяйства в России повлияло на учреждение в 1833 г. особого Комитета по улучшению сельского хозяйства. В университетах потребность в изучении проблем, связанных с земледелием, хлебопашеством, выращиванием скота, появилась раньше.

Первый в России университетский Музей сельского хозяйства был создан в Дерпте еще в 20-е гг. профессором Иоганном Вильгельмом Краузе (1757—1828 гг.), приглашенным в вуз для организации кафедры сельского хозяйства, технологии и гражданской архитектуры. Коллекция Музея формировалась за счет как отечественных, так и зарубежных поступлений. Так, например, в 1849 г. из Дрездена поступила модель машины для сжинания хлеба и сенокосения, а из Казани — улучшенные модели сельскохозяйственных орудий. По примеру Дерпта с 1835 г. при российских университетах тоже стали создаваться музеи и кафедры сельского хозяйства.

Вторая половина XVIII и начало XIX веков исследователями характеризуются как время стремительного развития культуры. В России возникли такие крупнейшие музеи, как Эрмитаж, Оружейная палата. Однако в целом Россия продолжала

отставать от развитых стран. Перед высшими учебными заведениями стояла задача восполнить этот пробел.

Гуманистическая направленность образования, характерная для дореволюционного времени, предусматривала разностороннюю подготовку студентов. В число предметов, изучаемых по Уставу 1804 г., входили теория изящных искусств, восточные и европейские языки, история, основы живописи, нумизматика и геральдика — дисциплины, диктовавшие необходимость создания и развития соответствующих музеев-кабинетов. Поэтому в вузах — вначале в составе музеев естественной истории, а затем самостоятельно — стали формироваться музейные фонды живописи, графики, скульптуры, архитектуры, древностей, нумизматики. Они предназначались прежде всего для воспитания в студентах чувства прекрасного, изысканности вкуса, разнообразных познаний. Меценаты, поддерживая политику государства в этом вопросе, приобретали и дарили великолепные коллекции, способные украсить любой музей мира.

Большую роль в формировании музеев изящных искусств России сыграл Музей Дерптского университета, который первым во всех регламентирующих документах (причем — с момента основания) стал называться Музеем (Музеум). Он состоял «под управлением и главным смотрением профессора истории искусств и эстетики», который имел помощников — «рисовального учителя и гравера университетского»⁶. Предполагалось составить коллекцию Музея «из вещей в своем роде изящных, или в каком-либо отношении отличных и характеристических»: собраний лучших эстампов, хороших рисунков, живописных картин, дактилотеки, монет⁷. Еще в 1802 г. начата переписка с разными художниками, коллекционерами и антикварами, а к 1804 г. в Музее хранилось уже собрание эстампов из 1200 листов (в основном итальянские и другие известные школы), несколько подлинных рисунков и картин, более 700 древних монет и медалей, дактилотека из 3000 экз. в серной массе, небольшое число гипсовых фигур. Основателем Музея являлся «наиболее выдающийся и влиятельный» человек в первые три десятилетия существования вуза профессор Карл Моргенштерн (1770—1852 гг.). В 1825 г. он передал в Музей все лично ему принадлежавшие художественные произведе-

ния — гравюры, рисунки, художественные полотна, копии гемм. К середине 30-х годов XIX века Музей искусств считался лучшим среди себе подобных и послужил образцом при формировании в других вузах России музеев изящных искусств, предусмотренных вторым университетским Уставом.

В формировании фондов этого Музея принимали участие многие россияне. Так, в 1824 г. отливков золотой медали Василиевой подарил митрополит Киевский Евгений (в быту Евфимий Алексеевич Болховитинов, 1767—1837 гг.) — выдающийся историк, археолог, археограф⁸. В 1808—1813 г. он пребывал на посту епископа Вологодского и Устюжского, занимался изучением истории Коми края, его народа. Им написан на эту тему ряд трудов: «О зырянском народе и зырянских монастырях», «Замечания о зырянах и их просвещении» и т.д. Неоднократно он бывал в Коми крае. Так, в 1808 г. епископ Евгений совершил чин освящения в г. Усть-Сысольске Спасской холодной церкви, надстроенной над Покровским собором с его разрешения⁹.

Выпускник Дерптского университета, в будущем академик, Андрей Михайлович Шегрен (1794—1855 гг.) в 1824—1829 гг. побывал в экспедиционной поездке по северу европейской части России, в том числе в Коми крае, где изучал лингвистические особенности финно-угорских языков, а также собирал археологический и этнографический материал для музеев.

Наряду с Музеем искусств в университете существовала Рисовальная школа, созданная в 1803 г. До 1838 г. ее возглавлял воспитанник Дрезденской Академии художеств профессор К. А. Зенфф. В 1809 г. он основал особый кабинет, в котором формировались коллекции школы черчения, для которого было отпущено 600 руб. единовременно и 300 руб. ежегодно. Многие предметы в коллекции были сделаны его руками. О качестве работ можно судить по такому факту: в 1818 г. Александр I пожаловал К. А. Зенффу бриллиантовый перстень за выгравированный на меди портрет генерала-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толли.

Кроме того, в университете формировалось Собрание моделей военного искусства. В 1810 г., например, в нем зна-

чилося 63 предмета. Эта коллекция позднее вошла в состав музея изящных искусств.

В нашей работе затронута деятельность только некоторой, наиболее характерной, части университетских музеев в Дерпте, возникших в начале XIX века и оказавших определенное влияние на весьма высокий научный подъем, славу и процветание университета в первые десятилетия его воссоздания.

Удивительные раритеты прошлых веков сохраняются в современных, оформленных на высоком художественном уровне, музейных экспозициях Тартуского университета. На основе коллекций продолжается активная научная работа ученых, аспирантов и студентов. Экспонаты оказывают сильное эмоциональное воздействие на формирование культуры молодежи, бережное отношение к наследию. Научные контакты, зародившиеся между эстонским и коми-зырянским народом, нашли продолжение также в экспозициях музеев современной Республики Коми — Национального музея и Музея истории просвещения Коми края при Сыктывкарском государственном университете.

1. Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 733, оп. 151, ед. хр. 629, лл. 140—156.
2. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук. — СПб., 1779. С. 109.
3. РГИА: ф. 733, оп. 155, ед. хр. 774, л. 232 об.
4. Исторический архив Эстонии: ф. 402, оп. 5, ед. хр. 139, л. 243.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского университета. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 260.
6. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № 4. С. 101.
7. Сборник материалов по истории просвещения в России, извлеченный из архива Министерства народного просвещения. — СПб., 1902. Т. 4. С. 155.
8. Исторический архив Эстонии: ф. 402, оп. 5, ед. хр. 21, л. 154.
9. Вологодские епархиальные ведомости. 1908. № 15. С. 371—372.

Г. А. СТАРЦЕВ: ЭТНОГРАФ И МУЗЕЙНЫЙ РАБОТНИК

Судьба Георгия Афанасьевича Старцева, первого профессионального коми этнографа, очень показательна для первого поколения советской национальной интеллигенции. Он родился в 1902 г. в д. Катыдпом на Выми (современный Княжпогостский р-н) в крестьянской семье. Способный мальчик сперва закончил Онежскую церковно-приходскую школу, затем — Гамское 2-х классное училище. Для большинства крестьянских детей это был максимально достижимый уровень образования.

Революция дала возможность «выходцу из трудового крестьянства» реализовать свое стремление к образованию. Георгий Старцев поступил в Усть-Вымскую учительскую семинарию, но в мае 1919 г. ушел в Красную армию, откуда уже в ноябре того же года был демобилизован как несовершеннолетний. Затем он учился на педагогических курсах в Яренске, недолго (с осени 1920 по январь 1921 г.) работал секретарем в Коми представительстве при Наркомнаце, поступил в Усть-Сысольский учительский институт.

В октябре 1921 г. Старцев был направлен на учебу в Петроградский университет, который и закончил в 1924 г. по общественно-педагогическому отделению. Одновременно он состоял вольнослушателем Археологического и Географического институтов, где учился у блестящих этнографов Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Учеба в одном из ведущих научных центров страны оказала на провинциала Старцева огромное воздействие. Он не только набирается знаний, но и приобщается к исследовательской работе. В итоге коми юноша решает связать свою жизнь с наукой.

После окончания университета Старцев был оставлен ассистентом по этнографии финно-угорских народов при географическом факультете ЛГУ. Короткий период с 1925 по 1932 гг. — самый плодотворный в его жизни. Он преподавал этнографию и языки хантов, манси и ненцев в Институте народов Севера,

был преподавателем Коми секции Ленинградского педагогического института, заведовал Урало-Поволжской кафедрой Историко-лингвистического института при ЛГУ, сам учился — теперь в аспирантуре (в 1927 г. был послан на трехмесячную стажировку в Германию и Финляндию).

В эти же годы Старцев каждое лето отправлялся в этнографические экспедиции. Он побывал в родном Коми крае, Карелии, у коми-пермяков, хантов и ненцев, собрал огромный материал по этнографии и языкам этих народов. Уже в 1924 г. в сборнике студенческих работ он опубликовал первую статью — «Революция и зыряне». Затем последовали новые статьи и книги «Финно-угорские народы (совместно с Н. Н. Поппе), «Остяки», «Самоеды», «Прежде и теперь: Очерк по истории и этнографии народа коми» (на коми языке).

Работы Г. А. Старцева очень разнообразны по тематике. Он занимался не только этнографией, но и лингвистикой, в том числе брался за составление словарей ненецкого и хантыйского языков, которые плохо знал. Такая разбросанность, «всеядность» весьма характерна для молодых ученых того времени. Им не хватало знаний и умения, но было желание сделать как можно больше, был огромный интерес к самому широкому кругу научных проблем и был спрос на их работу. Однако качество от этого страдало — большинство из работ Г. А. Старцева довольно поверхностны.

Старцев не был аналитиком. Он ограничивался изложением различных точек зрения на проблему либо брал готовую теоретическую схему и «наполнял» ее конкретным материалом. Большинство его этнографических работ — чисто описательные. Их ценность — в изложении конкретного этнографического материала, собранного автором. Возможно, в будущем Г. А. Старцев создал бы более глубокие самостоятельные исследования. Ведь ему еще не было и 30 лет.

Однако в 1932 г. судьба Старцева круто изменилась. В связи с открытием Коми государственного педагогического института были ликвидированы коми отделения в педагогических институтах Ленинграда и Вологды, а их преподаватели и часть студентов переведены в Сыктывкар. 16 января 1932 г. Г. А. Старцев был зачислен в штат КГПИ в должности зав.

учебной частью и зав. кафедрой истории. Старцев не хотел переезжать в Сыктывкар, полагая, что там не будет условий для научной работы. Однако его мнение никого не интересовало. Советское государство полагало, что вправе полностью распоряжаться судьбой своих граждан, что и убедительно доказало на примере Старцева.

Работа по принуждению была малоэффективной. Старцев составлял программы учебных курсов, работал над несколькими научными темами. Но ни одной значительной работы им больше опубликовано не было. Заниматься преподавательской работой у него желания не было. Отсюда — выговоры за пропуски занятий, за то, что не проводил заседания кафедры, не вел методической работы. В конце концов, в сентябре 1935 г. доцент Старцев был уволен «за невозможностью загрузить его по специальности».

Еще в июле 1933 г. Г. А. Старцев был по совместительству назначен директором областного музея. После увольнения из института эта работа стала для него основной. За свою недолгую деятельность на посту директора Г. А. Старцев пытался улучшить работу музея — организовать научные экспедиции, увеличить число выставок. Возможно, он вырос бы в крупного музейного работника — знания и навыки у него были. Но уже 25 августа 1936 г. Старцев был снят с должности директора музея (предварительно его исключили из ВКП(б)).

Старцев стал жертвой кампании по борьбе с «национал-шовинизмом», набиравшей силу в середине 30-х гг. Как этнограф и активный деятель краеведческого движения он просто не мог не попасть в число «националистов». Старцев, вероятно, это понимал. Пытаясь отвести от себя беду, он активно включился в обличение «национал-шовинизма» и «троцкизма», опускаясь до абсурдных «разоблачений» своих коллег. Однако компромисс с собственной совестью был безрезультатным. В сентябре 1937 г. Г. А. Старцев был арестован, а в августе 1939 г. осужден Военным трибуналом войск НКВД Уральского округа по ст. 5 8-4 У К РСФСР на 10 лет лишения свободы. Однако ему удалось добиться почти невероятного — пересмотра дела и оправдания. Но на свободу его не выпустили. НКВД провел «научную экспертизу» этногра-

фических работ Старцева и без труда «обнаружил» в них «национализм», что позволило возбудить новое дело. 10 сентября 1940 г. ОСО при НКВД СССР осудило Г. А. Старцева по ст. 58-10 УК РСФСР на пять лет ссылки, которую он отбывал в Красноярском крае. Дальнейшая судьба Г. А. Старцева точно не установлена. По непроверенным данным, он ушел добровольцем на фронт и погиб в 1942 г. под Сталинградом.

МУЗЕЙ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Становление музейного дела в Республике Коми пришлось на самое трудное время и, как это ни парадоксально прозвучит, в какой-то мере связано... сталинским лагерям. Вернее, когорте людей, которые даже за колючей проволокой остались настоящими исследователями, интеллигентами. Музейные коллекции не дали кануть в небытие и именам их собирателей.

УХТПЕЧЛАГ... Один из бесчисленных островков архипелага ГУЛАГ. Закрученный до упора механизм, сквозь жернова и горнило которого прошли миллионы людей. Своеобразное государство в государстве. В Ухто-Печорских лагерях было едва ли не всё, что было и по эту сторону колючей проволоки: свои промышленные предприятия, санатории, театры, газеты... Был в лагере и музей.

Он появился в Ухте накануне Великой Отечественной войны. Газета «За ухтинскую нефть» в апреле 1941 года сообщила не столько о создании музея, сколько описывала его богатства. Фонды музея к тому времени уже давали повод для гордости. Около 30 тысяч экспонатов! Многие — уникальны. Специфика музея определялась основным лагерным производством — разведкой и добычей полезных ископаемых. Геологи стали основными поставщиками материала. Образцы горных пород, минералов, ископаемых животных и растений стали сосредотачиваться в одном месте ещё с 1929 года. Но до них долго не доходили руки. А может, и не было людей, которые сумели бы из всего этого построить музей. Наконец энтузиасты отыскались, и музей распахнул свои двери.

Имена этих людей делают честь не только Ухте, но и всей стране. Хотя в газете «За ухтинскую нефть», в сообщении об открытии музея их фамилии отсутствуют. Это понятно — они заключенные.

Геолог и палеонтолог Григорий Боровка считал себя к тому времени ухтинским долгожителем. К началу войны он «отмотал» восемь из десяти лет, отмеренных ему по пресловутой 58 статье. Директора ухтинского музея Льва Бархаша осудили на восемь лет в 1940 году. Правда, эти восемь лет для него затем удвоились. И всё же его судьба сложилась более счастливо, если такое сравнение уместно в данном случае. Бархаш выжил в ухтинских лагерях. А Боровка погиб. Его расстреляли в июне 1942 года.

Между прочим, краткая биография Григория Иосифовича Боровка помещена в солидной «Антологии советской археологии». За свои 47 лет, десять из которых учёный провёл в лагерях, он успел оставить не просто след, а проторить в науке свою колею. В учёном мире его до сих пор продолжают считать одним из самых интересных и продуктивных специалистов в России по античному и скифскому искусству. В краткой автобиографии Боровка тесно от перечисления экспедиций и научных командировок. Тамань, Монголия, Германия, Австрия, Швеция, Англия... Целое созвездие имён, с кем рядом Григорий Иосифович работал. Профессор Вальдгауер, академики Марр и Ольденбург... Ещё в 1928 году 34-летний учёный издал на английском языке книгу «Скифское искусство». В начале 30-х его назначают председателем одной из комиссий при Эрмитаже. Каких высот достиг бы этот блестящий учёный, можно только догадываться. Арест и лагеря поставили крест на будущем.

Сколько талантливых, незаурядных людей за последнее время вызволено из плена времени! Но по всему видно, это лишь малая толика тех, кто исчез, пропал, сгинул бесследно. Помнит ли кто сегодня, к примеру, первого директора Ухтинского геологического музея Льва Львовича Бархаша? Вряд ли. А ведь его судьба — тоже из разряда необыкновенных, штучных. В водовороте 20-х годов успел закончить и Московский университет, и побывать в лапах недремлющих органов. В середине 20-х он активно сотрудничает с «Комсомольской правдой». Экспедиции на Кавказ и Алтай, красоты, увиденные там, заставляют впрягаться в новое не только для него, но и для молодого советского государства дело — организацию первых

туристских маршрутов и баз отдыха. И одновременно успевает делать научные открытия, выступать с докладами. Из бурной жизни Льва Бархаша стоит упомянуть ещё несколько эпизодов. В 1925 году он участвует в военно-испытательном пробеге на лыжах по маршруту Архангельск — Москва. Это 1400 километров. К тому же в специальной амуниции красноармейца, с комплектом вооружения. За этот пробег Бархаш был удостоен звания «Заслуженный лыжник РСФСР». Он же занимал первые места на различных международных соревнованиях по легкой атлетике.

Двух людей с такими разными и яркими судьбами свела Ухта. Вернее, геологический музей, который, может быть, хоть ненадолго погружал в другую стихию, близкую и дорогую обоим учёным. К началу 40-х годов в геологическом музее были представлены не только образцы местных ископаемых. Здесь можно было увидеть горный хрусталь с Урала и воркутинский уголь, точильный камень с Печоры и цилемский барит, халцедон с берегов Баренцева моря и позвонок кита с отрогов Северного Тимана... В музее нашлось место и для «Уголка юного геолога», экспонаты в который принесли юные ухтинцы. В газетной статье упоминается Алёша Артеев из деревни Пожня, ухтинские мальчишки Игорь Сергеев и Шура Тырин. (Увидит кто из них заметки — быть может, откликнется.)

Уже в самом начале войны лагерная неволя как перекрестила пути двух учёных, так и разминула их. Григорий Боровка снова пострадал за свою национальность. Теперь он, по отцу и наполовину по матери, был не просто недруг, а враг. Завести дело на немца только за одно то, что он немец, не составило никакого труда. Он был приговорён к высшей мере наказания.

Лев Бархаш ещё какое-то время продолжал заведовать музеем и технической библиотекой Ухтокомбината. В конце 40-х годов его назначили главным геологом конторы бурения треста «Войвожнефтеразведка». Но в 1954 году за мнимые преступления он получил третий срок. Ему милостиво разрешили остаться в Коми крае на бессрочное поселение. Лишь подоспевшие перемены в стране и последовавшая за ними реабилитация дали возможность возвратиться в Москву.

В ответ на свои запросы в Прокуратуру Республики Коми о Григории Боровке в числе прочих бумаг я получила справку о его реабилитации. Григорий Иосифович был реабилитирован ещё в октябре 1991 года. Но так до сих пор за этой справкой никто не обратился. Видимо, сейчас из его родственников в России никого нет. Ещё до войны все близкие переселились в Германию, жили в Потсдаме. Трудно сказать, уцелел ли кто в войну из бывших питерцев с необычайной фамилией — Боровка.

Начатое двумя заключёнными подхватили другие их собратья. Освободившись из лагерей и оставшись жить в Коми, настоящими энтузиастами в краеведческом и музейном деле стали Кирилл Фёдорович Седых, Альберт Иванович Шеренас, Анатолий Антонович Смилингис. Каждое из этих имён сродни своего рода легенде, они гордость нашей северной республики. Настоящий краеведческий музей создал в Усть-Вымлаге, в посёлке Вожаель, бывший заключённый Виктор Андреевич Голуб.

Настало время воздать дань памяти всем, кто проторил дорогу к нашей общей памяти.

1. Автобиография Боровка Г. И. 3.10.1940 г. Архив УИН МВД г. Ухты.
2. Автобиография Бархаш Л. Л. Архив автора.
3. Справка об освобождении Боровка Г. И. из Ухто-Ижемского исправительного трудового лагеря от 21.10.1940г. Архив автора.
4. Справка Коми республиканской прокуратуры о реабилитации Боровка Г. И. 27.05.2002г.
5. Газета «За ухтинскую нефть». 22.02.1941г. Архив КРГАОПДФ.
6. Газета «За ухтинскую нефть». 30.04.1941г. Архив КРГАОПДФ.

КОРНИ И КРОНА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ЦЕНТРА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современная культурно-информационная интеграция ставит этнические сообщества перед необходимостью переосмысления своего будущего в современном прогрессе, принятия точки зрения, что национальное развитие не может идти по пути этнической самоидеализации и замкнутости от общекультурного контекста всего мирового сообщества. Одновременно характерным признаком современных процессов по сохранению культурного наследия становится возрастающая роль информационных технологий. Во всем мире, в том числе и в России, интенсивно идет процесс создания информационных ресурсов по этнокультуре, которые являются результатом как централизованных (со стороны профильных учреждений) мероприятий, так и различных общественных и частных инициатив¹.

В Республике Коми значимым шагом на пути культурно-информационной интеграции явилось создание электронной фольклорно-этнографической энциклопедии «Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России», работа над которой велась с 1998 г. в отделе этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН под руководством Н. Д. Конакова. В гипертекстовой энциклопедии представлены систематизированные материалы по этнической истории и традиционной культуре коми-зырян, коми-пермяков, а так же народов, исторически проживающих в сопредельных регионах (северные русские, ненцы). Энциклопедия включает в себя более 1000 статей, посвященных различным аспектам этнографии и фольклора коми и русского старообрядчества Усть-Цилемского района Республики Коми. Большое внимание уделено истории изучения традиционной культуры и народного мировоззрения².

Следующим этапом по развитию информационных ресурсов по этнической проблематике стала разработка сотруд-

никами отдела этнографии ИЯЛИ в 2000 г. при поддержке Финской Академии наук гипермедиа «Традиционная культура коми» (руководители международного проекта – профессор А. Л. Сиккала и доктор П. Хаккамисс).

Структура мультимедийной энциклопедии состоит из следующих разделов: этнолингвистический атлас, этническая история, традиционное природопользование, поселения и жилища, традиционная пища, народная одежда, семейная обрядность, традиционное мировоззрение, магия и колдовство, мифология, народное православие, фольклор, народное изобразительное искусство, народные знания, этноархив³.

Разработчики проектов особо подчеркивают, что данные проекты, гипертекстовая энциклопедия и гипермедиа, являются не статическими описательными моделями, а динамической базой данных, которая может дополняться, корректироваться, изменяться по структуре.

В ходе разработки энциклопедических проектов по традиционной культуре были разработаны программы-генераторы (для создания визуальных и текстовых баз данных и последующей их презентации), которые получили высокую оценку российских и зарубежных программистов и дизайнеров на международной конференции «EVA-2001: Электронные изображения и визуальные искусства», состоявшейся в Третьяковской галерее в Москве в декабре 2001 года⁴. О положительных результатах проектов можно судить по статистике обращений к ресурсам гипертекстовой энциклопедии, размещенной для открытого доступа в сети интернет (<http://www.komi.com/folk>) - около 1000 посетителей в день.

Проекты, осуществленные сотрудниками Коми научного центра в 1998 по 2000гг. в области создания электронного банка данных на материалы по традиционной культуре, стали основой для проекта «Древо жизни» (руководитель — И. Н. Котылева, разработка структуры, программирование — Д. Г. Костылев, В. Э. Шарапов, Е. А. Томских), предполагающего создание на базе Национального музея Республики Коми (НМРК) этнокультурного информационного центра.

Для разработки проекта были обозначены следующие задачи:

- объединение в единой информсистеме гипертекстовой энциклопедии, гипермедиа, электронной базы данных по экспозициям и коллекциям Национального музея, музеям республики и музеям финно-угорских народов;

- обеспечение свободного доступа к созданной информсистеме учащихся, преподавателей, деятелей культуры и науки к этнографической экспозиции НМРК «Традиционная культура коми в обрядах жизненного цикла»;

- расширение информационного поля экспозиций НМРК;

- продолжение работ по созданию единой гипертекстовой, интерактивной, общедоступной и постоянно пополняемой электронной базы данных по этнографии, фольклору и мифологии финно-угорских и славянских народов, исторически проживающих на территории Европейского Северо – Востока;

- представление в созданной информсистеме материалов по музеям финно-угорских народов;

- обеспечение свободного доступа всех заинтересованных лиц к информационным ресурсам по традиционной культуре народов Европейского Северо-Востока России через сеть Интернет;

- подготовка основы для создания единой информационной сети музеев республики.

Проект получил название «Древо жизни». По замыслу авторов проекта, созданная система метафорически может быть представлена как древо, где корни — это музейные коллекции, уже накопленный опыт изучения и представления материалов по истории и культуре народа коми, а крона — перспективные программы, которые станут основой для дальнейшего представления музейных фондов, исследовательских и научно-просветительных материалов в едином информационном ресурсе. Одной из определяющих целей проекта было создание многоуровневой информационной системы, которая бы позволяла представить любой предмет, явление, персону в сложной системе взаимосвязей, что, в свою очередь представляло бы новые возможности в изучение и представление тех или иных объектов традиционной культуры коми-зырян и самой истории изучения этой культуры. Именно возмож-

ность многоаспектного поиска позволяла создать основу для осуществления Диалога культур: культур Прошлого и Настоящего, что и определялось в концепции как один из наиболее потенциально значимых результатов проекта. Прослеживающиеся сопоставление информсистемы с универсальной мифологемой «Древо жизни» также неслучайно. Проект в первую очередь был нацелен на поиск новых подходов в представлении наследия традиционной культуры в условиях современной культурно-информационной интеграции и глубинной взаимосвязи прошлого-настоящего-будущего, то, что во многом и символизирует мифологема «Древо жизни», определяет потенциальную значимость проекта как для музея, так и для развития социокультурной ситуации в республике.

Проект «Древо жизни» получил поддержку Института «Открытое общество» и во многом осуществлялся за счет грантовых средств (грант № 1В4105).

Ключевым моментом проекта являлось представление для посетителей музея созданной информсистемы непосредственно в пространстве этнографической экспозиции (кроме представления в системе Интернет). Тем самым осуществлялось взаимное дополнение двух «текстов», компьютерного и экспозиционного. Именно рассмотрение компьютерной системы и экспозиционного пространства как «текста», т.е. определенного смыслового пространства, когда «основу текста составляют не его замкнутая структура, поддающаяся исчерпывающему изучению, а его выход в другие тексты», позволяет определить новые подходы в научно-просветительной деятельности. Экспозиция с ее богатым этнографическим материалом, где каждый предмет можно рассматривать как некий текст, обладающий множественностью смыслов, позволяет не только усилить информационную емкость электронной энциклопедии, но и выявить ее исследовательский и образовательный потенциал.

Разработанная электронная версия этнографической экспозиции «Традиционная культура коми-зырян в обрядах жизненного цикла» (авторы концепции: Т. А. Пьянкова, О. Н. Смирнова, В. Б. Липин) включает в себя как этнографические материалы, так и фольклорные. Соединение этнографического и фольклорного материала в рамках единого выставочного

пространства было заложено уже в концепции экспозиции, сама драматургия экспозиции была выстроена экспозиционерами на основе сказки К. Ф. Жакова. В рамках электронной версии удалось соотнести этнографическую и фольклорную параллель экспозиции что достаточно полно отразило своеобразие разделов экспозиции: «Коми в семье финно-угорских народов», «Выбор пары», «Свадьба», «Материнская любовь», «Мужчина коми в своих охотничьих угодьях», «Дом — полная чаша», «Смерть — завершение жизненного цикла», «Рождество и Святки», «...а жизнь продолжается... Студия «Древо счастья».

Разработанные гиперссылки в материалах по каждому разделу экспозиции на электронную фольклорно-этнографическую энциклопедию «Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России» позволяют посетителю осуществить более глубинное погружение в традиционную культуру коми-зырян, при этом уровень погружения зависит от уровня подготовки и заинтересованности «ищущего». Представление в перспективе в рамках единой программы материалов по музеям Республики Коми и музеям финно-угорских народов (пока в программе представлены материалы только по отдельным музеям) позволяет наметить и дополнительные смысловые линии. Созданная инфорсистема представлена в Интернет. По адресу: www.komi.com/nmrk, <http://www.komi.com/folk>.

Проект стал предметом обсуждения во время работы «круглого стола» «Национальный музей РК в системе ценностей региональной культуры» с участием зам. Главы Республики В. И. Скоробогатовой, представителей министерств культуры, образования и по социальным вопросам, представителей Коми научного центра и высшей школы, музейных работников. При обсуждении результатов работы над проектом было отмечено, что в рамках проекта была продолжена работа по подготовке материалов по традиционной культуре ненцев и русских для представления материалов в гипертекстовой энциклопедии по традиционной культуре народов Европейского Северо-Востока России и для размещения в сети Интернет; обновлена структура и информация в web-сайте «Национальный музей Республики Коми», включающем в себя информацию по истории музея и экспозициям, характеристику

основных направлений в деятельности музея, фондов и библиотеки, представляющем основные коллекции, программы по просветительной работе, новости. По итогам «круглого стола» принята рекомендация о республиканской поддержке по дальнейшему развитию проекта «Древо жизни». Особо было отмечено, что необходимо создание единой базы данных на коллекции республиканских музеев. Именно это направление было определено как первоосновное при формировании концепции развития информационного центра при НМРК. Предоставление посетителям музея через использование объединенных информационных программ возможности более глубокого знакомства с коллекциями музея, с традиционной культурой коми, русских, ненцев было оценено участниками круглого стола как одно из перспективных направлений в дальнейшем развитии образовательных и просветительных программ по национальной проблематике. Проект «Древо жизни» убедительно продемонстрировал, что использование компьютерных технологий на этнографических выставках/экспозициях предоставляет заинтересованному человеку возможность многоэтапного погружения в материал, что и было подчеркнуто музейщиками при обсуждении проекта.

Предполагается, что проект «Древо жизни» получит развитие по следующим направлениям:

- постоянное обновление web-сайта Национального музея РК (раздел новости, коллекции музея, выставки и экспозиции).

- включение информационной системы в региональные образовательные программы по истории и культуре Коми.

- дополнение базы данных на этнографические коллекции музеев Республики Коми.

- пополнение электронной энциклопедии «Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока».

- установка программы «КАМИС» на базе информационного центра Национального музея РК.

- создание интерактивных программ (обучающих и исследовательских) по проблемам региональной культуры.

1. Эта проблема является одной из ключевых на конференциях EVA / «Электронные изображения и визуальные искусства», ежегодно проводимые в Москве с 1998 г. Сконцентрировано эти идеи были обозначены в выступлении Тихомировой С. В. «Роль информационных ресурсов по культурному многообразию России в сохранении современного культурного наследия». (Тихомирова С. В. Роль информационных ресурсов по культурному многообразию России в сохранении современного культурного наследия. // Eva 2001. Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах» (Москва, 2001, 3—8 декабря).
2. О результатах и перспективах проекта см.: Шарапов В. Э. *Ethnographic and Folklore Web-Encyclopedia of the Traditional Komi Culture* // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999; Шарапов В. Э. Гипертекстовые и Гипермедийные проекты по фольклору и этнографии Коми. // Eva 2001. Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах» (Москва, 2001, 3—8 декабря).
3. Более подробно см.: Шарапов В. Э. Гипертекстовые и Гипермедийные проекты по фольклору и этнографии Коми. // Eva 2001. Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах» (Москва, 2001, 3—8 декабря).
4. Результаты работы над проектом были представлены на конференциях «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции» (Петрозаводск, 2001, 11—13 сентября), «На рубеже веков: Музей в системе ценностей современной культуры.» (Сыктывкар, 2001, 17—19 октября), «Eva 2001. Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах» (Москва, 2001, 3—8 декабря), «Музей, традиции, этничность. XX—XXI вв.» (Санкт-Петербург, 22—24 января 2002).

СОБИРАТЕЛЬСКАЯ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ И КОМИ-
ПЕРМЯЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Одним из важнейших направлений деятельности Российского Этнографического музея, с самого начала его создания (в начале как этнографического отдела при Русском музее), стала собирательская, исследовательская деятельность по изучению культуры и быта народов России. В числе собирателей, внесших значительный вклад в комплектование коллекций по народам коми, были такие известные исследователи, как С. И. Сергеля, С. И. Руденко, Л. Л. Капица, Т. А. Крючкова, М. А. Браун.

Первые годы существования Этнографического Отдела (ЭО) Русского музея коллекции по коми в основном пополнялись за счет отдельных поступлений, приобретенных у коллекционеров-собирателей, не имеющих подробной этнографической и собирательской аннотации. В 1906 г. ЭО откомандировал в Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии для сбора материала С. И. Сергеля,¹ незадолго до этого принятого в музей в качестве корреспондента. В результате этой поездки С. И. Сергелем был собран значительный материал различных предметов материальной культуры и быта коми-зырян (всего 414 экспонатов), которые включают предметы охоты и рыболовства; сельского хозяйства; различные предметы транспорта и средств передвижения; предметы народной медицины (№№ 1001, 1012, 1020, 1057, 1067, 1071, 1164).² Все они были приобретены в Помоздинской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (в настоящее время Усть-Куломский район Республики Коми).³ Составной частью этой поездки С. И. Сергеля в Коми край стала коллекция выполненных им во время экспедиции фотоснимков. Собранный им фотографический материал включает различные стороны жи-

зни и быта коми-зырян: общий вид сел; хозяйственные занятия; жилище; одежду (Фототека РЭМ (далее ФРЭМ). Кол. № 984. — 156 фотографий); антропологические типы коми-зырян (ФРЭМ. Кол. № 1056. — 29 фот.).

В 1909 г. экспедицию к зауральским коми (коми-ижемцы — Березовский уезд, Тобольская губ.) совершил С. И. Руденко, в то время студент Петербургского университета, впоследствии известный советский археолог и этнограф. В результате этой поездки им были приобретены различные предметы, связанные с оленеводством у коми-зырян: коллекция мужской одежды; обувь; предметы оленьей упряжки (Кол. № 1910 — 14 предметов).⁴ В ходе экспедиции им также были выполнены ряд фотоснимков, связанных с темой его собирательской деятельности — с оленеводством (ФРЭМ. Кол. № 1835. — 10 фот.): общие фотографии зырян и оленьих стад (с. Обдорск, Обская губа); зырянские *каюки* (крытые лодки — с. Саранпауль, Березовский уезд, Тобольская губ).

В эти же годы (на рубеже первого-второго десятилетия XX века) поступили две коллекции из районов проживания коми-пермяков. Они были собраны В. А. Плотниковым (1908 г. — Кол. 1468 (162 пред.)) и А. Ф. Теплоуховым (1912 г. — Кол. 2895 (43 пред.)) в ходе экспедиций, выполненных по заданию и на средства Этнографического отдела Русского музея, в Соликамский и Чердынский уезды Пермской губернии. Коллекции включают мужскую и женскую одежду, головные уборы, пояса, женские украшения (серебряные и металлические), домашнюю утварь.⁵ Яркий иллюстративный материал представлен и фотоматериалами, выполненными этими собирателями в ходе экспедиционных работ: фотоколлекция В. А. Плотникова (ФРЭМ. Кол. № 2855 — 50 фот.) и А. Ф. Теплоухова (ФРЭМ. Кол. № 2794 — 71 фот.). Они включают: фотографические снимки общих видов поселений и типов домов; религиозные процессы — молебен на улице с хоругвями (с. Кудымкар — 2855-8), молебен у берега речки (д. Большая Коча) (2794-7), жертвенные котлы у церковной ограды (д. Большая Коча — 2794-9), заклание жертвенного быка д. Большая Коча (2855-32; 2794-8); дележ жертвенного быка между родственниками (д. Коча — 2855-33) и др.; одежду; хозяйственные занятия. Часть этого фотографического материала, из коллекций В. А. Плотникова и А. Ф. Теплоухова

(молебён возле д. Большая Коча, жертвенные котлы у церковной ограды, похороны, заклание жертвенных животных) включена в экспозиционные разделы зала народов Поволжья и Приуралья. В качестве иллюстративного материала они, в частности, привлекались также на выставку «Христианство в быту и культуре народов России XIX—XX».

Дореволюционная коллекция фотоматериалов по коми-пермякам представлена еще небольшой коллекцией И. К. Зеленова (ФРЭМ. Кол. № 3515 — 6 фот.), выполненных в ходе поездки (1909 г.) по заданию Этнографического Отдела Русского музея в Глазовский уезд Вятской губернии. Она включает фотографии различных типов одежды, фотоснимки хозяйственных занятий (бортничество).

В 1926 г. этнографическую поездку в Усть-Куломский район Коми автономной области (в современном административном делении — Усть-Куломский и Троицко-Печорский районы Республики Коми), по заданию Этнографического отдела Государственного Русского музея, совершил сотрудник музея Л. Л. Капица.⁶ В ходе экспедиции им была собрана разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян: предметы охоты, рыболовства, скотоводства, промыслов, народной медицины (Кол. 4466 — 44 предмета).⁷ Яркий иллюстративный материал представляют фотоматериалы исследователя, собранные в ходе экспедиции (ФРЭМ. Кол. № 4860 — 54 фот.): фотоснимки типов домов; предметы охота и рыболовство; фотоснимки различных типов одежды; верования — изба-молебенья «истинно православных христиан» (странническое согласие — А. Ч.) с. Покча, руководитель общины (наставник) «истинно православных христиан» и др.

В 1934 и 1935 гг. две экспедиционные поездки в Автономную область Коми совершила Т. А. Крюкова, незадолго до этого (1932 г.) ставшая сотрудником музея, впоследствии заведующая отделом Поволжья и Приуралья.⁸ В результате этих поездок в Сторожевский, Сысольский, Прилузский, Ижемский, Усть-Куломский районы были собраны две большие коллекции по этнографии коми-зырян (Кол. 5670 — 119 пред.; Кол. 5775 — 76 пред.). Коллекции включают мужскую и женскую одежду, головные уборы, пояса, домашнюю утварь, предметы промыслов.⁹ Важным дополнением к собранным коллекциям вещей

твенных материалов являются фотоматериалы, выполненные Т. А. Крюковой в ходе экспедиционных работ (ФРЭМ. Кол. № 5686 — 72 фот.; ФРЭМ. Кол. 6055. — 45 фот.). Тематика данных фотоматериалов разнообразна: охота; общий вид селений; сельское хозяйство; типы населения; средства передвижения; лесозаготовки и лесопромышленность; кустарные промыслы; жилище; пути сообщения; воспитание детей (приспособление для начинающего ходить ребенка, дети из детдома (с. Усть-Нем); верования (обетные кресты (сс. Усть-Нем, Дон) — 2 фот.).

Собирательская и исследовательская деятельность сотрудников Государственного музея народов СССР на территории Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа возобновилась в конце 1950-х годов. В 1959 г. была совершена совместная экспедиция Т. А. Крюковой и М. А. Браун в Коми АССР (Ижемский, Усть-Цилемский, Сыктывдинский районы). В результате этой поездки были собраны две коллекции различных предметов культуры и быта коми-зырян, включающие мужскую и женскую одежду, орнаментированные пояса, одежду и обувь из оленьего меха, домашнюю утварь, прялки (Кол. № 7191 — 85 пред.; Кол. № 7192 — 46 пред.). Значительный интерес представляет и коллекция фотоснимков, выполненных в ходе этнографической и собирательской работы в Ижемском, Усть-Цилемском, Сыктывдинском районах (ФРЭМ. Кол. № 9136/ф. 374. — 54 фот. (нег. — 78)), включающая фотоснимки различных типов домов и хозяйственных построек; одежды; пейзажные фотоснимки; средств передвижения; считаемых различных объектов (обетные кресты — с. Ижма). В 1960-е гг. собирательская деятельность Государственного музея народов СССР в Коми АССР и Коми-Пермяцком национальном округе РЭМ связана с именем М. А. Браун. Тематика ее научных интересов затрагивала различные аспекты народной культуры коми: локальные особенности народного костюма коми; узорное ткачество коми; народное искусство.¹⁰ За период 1959—1968 гг. ею были обследованы все основные районы расселения народов коми: Удорский, Ижемский, Летский, Ухтинский, Прилузский, Усть-Куломский, Интинский, Троицко-Печорский, Усть-Цилемский районы Коми АССР; Коми-Пермяцкий национальный округ; Афанасьевский район Кировской

области. Маршруты ее экспедиционных поездок включали ранее необследованные сотрудниками РЭМ районы, в частности северные районы Коми АССР и по еще слабо изученной группе коми-пермяцкого населения — зюдинским коми, по которым в собраниях музея не было ни одного экспоната. За время экспедиционных работ было собрано 10 коллекций (№ 7242, 7307, 7366, 7578, 7766, 7777 — коми-зыряне (402 пред.); № 7367, 7579, 7701, 7818 — коми-пермяки (348 пред.)), включающих различные предметы хозяйства, культуры и быта народов коми: мужскую, женскую и детскую одежду; одежду из оленьего меха; предметы быта и воспитания детей на кочевках, женскую нарту и оленью упряжь, орудия сельского хозяйства, предметы охоты и рыболовства, вязаные изделия, пояса, домашнюю утварь, образцы народного искусства. Сбор этнографического материала проводился по трем крупным темам: «Одежда», «Жилище», «Народное искусство». Заполнялись имевшиеся пробелы и в ряде других этнографических тем. Значительный интерес представляет и коллекция фотоснимков, выполненных собирателем в ходе этнографических экспедиций. Тематика фотообъектов в значительной степени отражает круг научных и собирательских интересов М. А. Браун. Среди фотографий представлены следующие сюжеты: оленеводство, охота; типы жилищ и одежда, хозяйственные постройки, транспорт, общий вид селений, антропологические типы (ФРЭМ. Кол. № 9139/ф. 377; ФРЭМ. Кол. № 9138/ф. 376; ФРЭМ. Кол. № 9137/ф. 375; ФРЭМ. Кол. № 9140/ф. 378; ФРЭМ. Кол. № 9102/ф. 340; ФРЭМ. Кол. 3141/ф. 379; ФРЭМ. Кол. 9283/ф. 521; ФРЭМ. Кол. ф. 9379/ф. 617; ФРЭМ. Кол. № 9441/ф. 679;). В фотоколлекции есть и достаточно редкие фотографии, связанные с этномызыкой коми: фотоснимки процесса изготовления свирелей (чипсан), фотографии отдельных исполнителей и различных коллективов чипсанистов (Прилузский район Республики Коми — ФРЭМ. Кол. 9289/ф. 527). Уникальная фотоколлекция, выполненная М. А. Браун во время командировки в Афанасьевский район Кировской области, к зюдинским коми-пермякам 1968 г. (№ 9454/ф. 692). Наряду с традиционными сюжетами (общий вид селений, типы одежды и жилищ, антропологические типы) интересную группу составляют фотогра-

фии, связанные с религиозными верованиями (деревянная скульптура Христа (д. Малмыж), лопоть-оберег и др.).

В 1984 г. была осуществлена этнографическая командировка сотрудников РЭМ Л. Л. Добрачевой и Л. М. Лойко в Прилузский и Сысольский районы Республики Коми. Значительную часть собранных ими экспонатов составляют изделия современных мастеров, образцы продукции, выпускаемые предприятиями художественных промыслов (Кол. 10586).

Планомерные этнографические исследования РЭМ на территории Коми республики возобновились в середине 1990-х гг., что связано с приходом группы новых исследователей, чья тематика исследований связана с народом коми. В 1995 г. была осуществлена совместная этнографическая экспедиция РЭМ и НМРК в Ижемский район. Программа сбора этнографического материала включала разнообразную тематику: традиционная семейная обрядность, этнопедагогика коми и т. д. Научное сотрудничество РЭМ и НМРК продолжается и в настоящее время. Так, в 2001 г. была осуществлена совместная экспедиция РЭМ и НМРК в Усть-Куломский район. Исследовательская программа, осуществляемая в период экспедиционных работ, касалась различных сторон духовной и материальной культуры вычегодских коми, в том числе и таких малоисследованных тем, как почитаемые ландшафтные объекты (священные камни, родники, обетные кресты), престольные и заветные праздники, рукописная традиция вычегодских коми и др.

Таким образом, в результате многолетней исследовательской работы в РЭМ образовалась широкая коллекция этнографических предметов и фотоматериалов, характеризующих различные стороны культуры и быта народов коми. Регионально гораздо лучше оказались изучены южные районы (Усть-Куломский, Сысольский, Сыктывдинский, Прилузский районы), что объясняется тем, что в условиях бездорожья, характерного для Коми республики в предшествующие десятилетия, эти районы были более доступны. Наиболее полно в собранных коллекциях представлена материальная культура и значительно слабее — духовная, что было связано как личными собирательскими интересами исследователей, так и идеологическими требованиями той эпохи. Исследования пос-

ледних лет в определенной мере направлены на восполнение этих пробелов в области духовной культуры коми.

1. С. И. Сергель — сотрудник Этнографического отдела Русского музея с 1906 г. Занимался собирательской деятельностью и этнографическим изучением русских, коми-зырян, саамов. Репрессирован в середине 1930-х гг.
2. Более подробно о коллекциях С. И. Сергеля см.: Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А. Каталог-указатель (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного Музея этнографии народов СССР) // Музей и современность. Проблемы совершенствования экспозиций по истории Советского общества. — М., 1975. С. 235—236; Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Финно-угорские народы. Составители Л. Л. Добрачева, А. Ю. Заднепровская, Е. Н. Котова. — Л., 1990. С. 15—35.
3. Свою этнографическую поездку в Помоздинскую волость С. И. Сергель описал в монографии «В зырянском крае». — Сергель С. И. В зырянском крае. — М., 1928.
4. Более подробно о коллекции С. И. Руденко см. — Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 236
5. Более подробно о коллекциях В. А. Плотнокова и А. Ф. Теплоухова см. — Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 241
6. Сотрудник Этнографического отдела Русского музея с 1916 г. (с 1914 г. — корреспондент ЭО). Занимался комплектованием экспонатов и изучением русских, карел, вепсов, ненцев, коми, саамов. Репрессирован в начале 1930-х гг.
7. Более подробно о коллекции Л. Л. Капицы см. — Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 237—238.
8. О научной биографии Т. А. Крюковой см. статьи Заднепровской А. Ю., Решетова А. М., Томазовой О. В., Ивановской Н. И. в сб. Личность и творчество. К 95-летию Т. А. Крюковой. — СПб., 2000.
9. Более подробно о коллекции Л. Л. Капицы см. — Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 238.
10. Браун М. А. Изучение народной одежды коми в Советские годы (по коллекции ГМЭ народов СССР) // Ленинская национальная политика в действии (тезисы докладов и сообщений на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР). — Сыктывкар, 1971, С. 194—195; Браун М. А. Узорное ткачество коми-пермяков. Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. — М., 1976. С. 144—147.

К ИСТОРИИ СОВМЕСТНОЙ
СОБИРАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭСТОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
И НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ:
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОМИ (ЗЫРЯН).

Данное сообщение является попыткой изложить историографический обзор экспедиционно-собирательской деятельности этнографического материала на территории современной Республики Коми сотрудниками Эстонского Национального музея (далее ЭНМ) и Национального музея Республики Коми (далее НМРК).

Интерес ЭНМ к традиционной культуре народа коми неслучаен. Широко известен тот факт, что эти два народа являются родственными в общей финно-угорской языковой семье. В глубокой древности далекие предки коми, финнов, венгров, эстонцев и ряда других народов составляли единую общность. Об этом свидетельствуют сходные черты в языках, на которых они говорят. Лингвисты называют эту общность уральской языковой семьей. Изучение различных географических названий и отдельных сведений из исторических документов позволяет считать, что древние коми жили не только на Вычегде, Выми, Сыsole и Лузе, но значительно западнее современной границы Республики Коми. В ходе этнической истории народа коми происходило сложение этнографических групп, которому способствовал ряд факторов, таких, как многочисленность пришлого населения, особенности географического положения, конкретная местная этническая ситуация и социально-экономическое положение. В результате этого сформировалось несколько этнических групп коми: вымичи, сыsoleццы, прилузцы, удорцы, верхневычегодцы, ижемцы, печорцы, у которых выработались и закрепились в традиционной культуре региональные отличия в отдельных ее элементах, языке, одежде, орнаменте и хозяйственной деятельности. Некоторые из групп стали объектом совместных научных исследований ЭНМ и НМРК.

Экспедиционно-собираТЕЛЬская и исследовательская деятельность двух музеев на территории коми активно велась на протяжении нескольких десятилетий. К сожалению, в Научном архиве НМРК имеются лишь отрывочные сведения о совместной работе эстонцев и коми. Восполнить частично отсутствующую информацию помогли информаторы, участники экспедиций, научные сотрудники НМРК Н. А. Митюшева, Н. В. Титова и В. Б. Липин.

Внимание первых экспедиций было сосредоточено на изучении материальной культуры народа коми. Последующие экспедиции характеризуются изучением более широкого круга вопросов, связанных с традиционным бытом коми.

Совместная работа эстонцев и коми началась в 1967 г. на территории Коми-Пермяцкого национального округа. Ставя своей задачей собрать материал, характеризующий этнологические особенности края, участники экспедиции сосредоточили свое внимание на сборе традиционной одежды и тканых изделий коми-пермяков. Хотелось бы подробно остановиться на этапе экспедиционно-собираТЕЛЬской работы, которая проходила на 70-е годы. В обширную программу экспедиций этого периода входило изучение традиционного быта вычегодских и сысольских коми.

Первый этап изучения — накопление фактов и вещественных данных был осуществлен представителями ЭНМ и КРИКМ в начале 70-х годов. Методологической базой конкретных исследований в этот период была идея этнокультурного единства двух народов. Интересны результаты работы совместных экспедиций, которые состоялись в 1976 и в 1989 гг. в Сысольский, Прилузский и Усть-Куломский районы. СобираТЕЛЬская деятельность этих экспедиций проводилась в двух направлениях — приобретение предметов материальной культуры для музея Эстонии и для музея Коми. В составе этих экспедиций с эстонской стороны работали художник и фотограф. Маршрут экспедиций, вероятно, был предложен сотрудниками КРИКМ — это южные районы республики, или территория проживания вычегодских и сысольских коми. Работа по сбору вещевого материала, в котором преобладали части традиционной одежды коми, образцы вышивок, женские головные уборы: сороки, сборники, полотенца,

вязанные чулки, орудия труда: швейки, прялки, веретена, сопровождались фотофиксацией и зарисовкой отдельных фрагментов.

На мой взгляд, наиболее результативной следует считать экспедицию в Усть-Куломский район. В задачи этой экспедиции входило изучение природных ресурсов края, состояние промыслов, выявление мастеров, особенностей материальной и духовной культуры. В составе этой экспедиции работало 9 человек: 5 сотрудников из Эстонии, в их числе фотограф и художник, 2 сотрудника ИЯЛИ Коми научного УРО АН СССР, и сотрудник Коми Республиканского историко-краеведческого музея. Экспедицией были обследованы селения, расположенные в бас-сейне реки Верхней Вычегды: Усть-Кулом, Дон, Пожег, Помоздино.

Большая этническая смешанность переселенцев, изменение природных условий проживания, существенная изоляция от других районов проживания коми способствовали сложению в течении XVII—XVIII вв. языковой и культурно-бытовой специфики верхневычегодских коми. В антропологическом типе этой группы преобладают черты вятскокамского сублапоноидного типа. Участники экспедиции отметили, что в культуре верхневычегодских коми сохранились многие черты древних традиций, обусловленные высокой ролью в хозяйственной деятельности занятий охотой и рыболовством. В жилых постройках верхневычегодских коми преобладал трехраздельный дом, нередко с маленьким окном над печью. Застройка была беспорядочной, иногда прибрежно-рядовой, с зачатками уличного положения. В результате беседы с местными жителями участники экспедиции пришли к выводу, что в промысловой среде верхневычегодцев сохранилось большое количество древних анимистических представлений (вера в духов-хозяев леса, воды и животных), существовали строгие правила поведения во время добычи зверя и рыбы. Ставя своей задачей собрать материал, характеризующий этнологические особенности вычегодских коми, участники экспедиции сосредоточили также внимание на фотофиксации и видеозаписях современности.

В селе Дон удалось приобрести полный комплект женского праздничного костюма, также несколько экземпляров вышитой одежды, верхней одежды и обуви. У старожилов немало сохранилось бытовой утвари из дерева (туеса, пестери, лубяные короба, прялки). В этом же селе был отснят фрагмент видеофильма (интерьер жилого дома, хозяйственные постройки, внешний вид усадьбы). Кроме того, художник Аннем Сере выполнила акварельный рисунок с изображением общего вида села.

В Коми Республиканский историко-краеведческий музей поступило несколько орудий труда с традиционной верхне-вычегодской росписью: веретено с пряслицем, скально, трепало. Один из предметов принадлежал Тимушевой Надежде Катуновне. Интерес вызывает тот факт, что такие «нехорошие» имена, как Катун, Пуд, Сила, Дода давались попами при крещении незаконнорожденным детям.

В коллекции Эстонского национального музея появилась интересная прялка, лопасть которой декорирована росписью с изображением солярных знаков. Перед нанесением узора красками лопасть и ножка прялки украшались контурами резного орнамента, и вся поверхность прялки покрывалась яркосиним или киноварным фоном. После этого элементы резного орнамента заполнялись красками определенных цветов. На лопасть прялки наносился орнамент в виде концентрических кругов, многолучевых розеток, спиралей и зигзагов. Солярная символика достаточно широко была разработана у верхневычегодцев, прилузцев (резная), имела свои особенности, что указывает на ее самостоятельное происхождение.

Участники экспедиции в селе Пожег зафиксировали интересный факт использования при переносе тяжестей крошней (нопа). Следует заметить, что ноп — это архаичный предмет, который бытовал на всей территории края, и используется в некоторых районах по сей день. Делали его из цельнопластовой бересты и можжевельных корней. Подобные приспособления были характерны и для других народов.

В селе Помоздино участники экспедиции зафиксировали на старых кладбищах, расположенных между деревнями,

семейные родовые знаки — пасы. Никто из старожилов не смог объяснить значение этих знаков. Все они вырезаны на старых могильных крестах, уже почти разрушившихся, т.к. они относятся к захоронениям начала XX века. Как отметили информаторы, в настоящее время таких знаков уже не ставят. На швейках, приобретенных в селениях Верхней Вычегды, декорированных контурно-прорезной резьбой, с двух сторон на стыке стойки и донца также проставлены пасы (знаки) мастера или владельца. В прошлом, очевидно, была большая необходимость в использовании пасов в качестве отличительных знаков собственности. На одной из швеек стоит знак в виде «гусиной лапки». Если бы этот знак был повторен неоднократно, мы бы его приняли за обычный орнаментальный мотив. При определенных условиях возможен переход его в орнамент. Данное пояснение относится к вопросу о происхождении геометрического орнамента. Многие исследователи отмечают близость геометрических узоров коми к орнаменту поволжских финнов, народов Северо-Восточной Европы (эстонцев, карел, населения русского Севера) и Северо-Западной Сибири (хантов, манси). Вероятно, близость мотивов орнамента различных народов была обусловлена их общей древней основой. В ходе исторического развития в каждом регионе сложилась своя орнаментальная специфика, свойственная той или иной этнической культуре.

Основная масса вещественных памятников, собранная в результате работы этой экспедиции (свыше 200 предметов), хранятся в ЭНМ и НМРК. Их анализ позволяет сделать вывод, что они обладают тематической разносторонностью, хронологические рамки коллекции дают серьезный сравнительный материал, отмечают как архаичные, так и временные (переходные) явления.

Высокой оценки заслуживает следующий этап совместной работы, организованный по инициативе двух музеев. В нем участвовали, научный сотрудник ЭНМ Арт Леете и научный сотрудник отдела этнографии НМРК Липин В. Б. Их деятельность проходила на территории Усть-Куломского района и в северо-западной части Республики Коми в 1996—2000 гг.

Экспедиционные работы проводились с целью сбора этнографического материала для пополнения фондов двух музеев. В 1996 г. экспедиция побывала в следующих населенных пунктах Усть-Куломского района: с. с. Усть-Кулом, Помоздино, Деревянск, Носим, Большая и Малая Кужба, Бадельск. В ходе экспедиционных работ для фондов ЭНМ было приобретено более 40 предметов традиционной материальной культуры верхневычегодских коми (домашняя утварь, одежда, обувь и охотничье снаряжение). Кроме того, были собраны сведения по традиционным занятиям верхневычегодских коми, в частности по охотничьему промыслу. С этой целью экспедиция выезжала на охотничьи угодья в урочище Пармачурк (окрестности д. Парма) и урочище Пыжаель, где произведены съемки на видеопленку с моментами устройства и расчистки охотничьих троп — путиков, устройства деревянных ловушек и силков на зверей и боровую дичь. Собрана также информация по ориентированию на местности, охотничьей этике и родовым знакам пасам.

В 1997 г. состоялась совместная этнографическая экспедиция в Усть-Вымский район, где коми и русские жили в тесном контакте. Были обследованы с.с. Жешарт, Гам и д. Римья. Участники экспедиции отмечают тот факт, что русское влияние значительно отразилось в ряде заимствований в материальной сфере. В хозяйственной деятельности вымские коми достаточно широко сочетали земледелие, животноводство, охоту. В промысловом деле у них сохранились многие древние коми традиции. Путем массового опроса были выявлены особенности техники браного ткачества. Общее количество экспонатов, собранных на территории этого района, составляет более 70 предметов.

В июне 1998 г. проводились экспедиционные работы этнографического характера в Удорском районе Республики Коми. В работе экспедиции принимали участие научный сотрудник отдела этнографии НМРК Липин В. Б., заместитель директора по научной работе ЭНМ Арт Леете и видеооператор Янно Синн. Экспедиционной работой были охвачены следующие населенные пункты: с.с. Кривое, Важгорт, Пучко-

ма, Верхозерье и д. Вендинга. Для ЭНМ собрано 16 предметов (одежда, бондарные изделия, бытовая керамика, прялки). Кроме того, эстонскими коллегами был отснят значительный видеоматериал с характерными для удорцев жилыми и хозяйственными постройками. Было отмечено, что избы построены на высоком подполье, амбары и бани расположены группами, немного в стороне от селений. Для остальной территории Коми края все это нетипично. Большинство домов имеет охлупни, которые украшены резными изображениями конских голов и птиц. Были также отсняты фрагменты старообрядческого кладбища.

В результате работы экспедиции нашел подтверждение тот факт, что на Удоре имела распространение единая русскокоми мезенская традиция росписи по дереву, особенностью которой является использование краски зеленого цвета.

В 1999 г. экспедиция (в том же составе) побывала на средней Печоре в селениях Конецбор, Аранец, Медвежская. Позднее время формирования, участие в нем представителей уже нескольких сложившихся этнографических групп коми, а также иноэтнического компонента обусловили смешанный характер культуры печорцев. Существенную роль играли и природные условия. Итогом этой экспедиции стала фотосъемка рыбного промысла, который по сей день играет главенствующую роль в хозяйственной деятельности местного населения.

Осенью 2000 г. были проведены совместные полевые исследования в Княжпогостском районе. Участники экспедиции работали в с. Турья, д. Кони, д. Луг, д. Онежье и Средняя Отла. В результате этой экспедиционной деятельности фонды ЭНМ пополнились ткаными и вязаными изделиями, орудиями труда и предметами быта.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что в результате совместной работы фонды ЭНМ пополнились более на 400 единиц хранения предметами традиционной культуры и быта коми народа, сделано около тысячи фотографий, незначительное количество рукописного этнографического материала и несколько экспедиционных дневников.

Результаты совместной экспедиционной работы воплотились в выставке «Коми хингус» («Дыхание коми»), которая состоялась в г. Тарту в 1997 г. Подготовка данной выставки проходила под знаком совместной работы обоих музеев. Устроители выставки считают, что действительные связи эстонцев с коми можно сравнить не с объятиями и рукопожатиями, а с легким дыханием, которые почти неуловимыми, но все же связывают эти народы.

В заключении следует отметить, что культура народа коми исторически распространилась на большой территории в различных природных зонах, что способствовало становлению узколокальной специфики каждой этнической группы. Поэтому в силу разных объективных обстоятельств имеет место неравномерность собранного фактического и вещевого материала. Исходя из этого, следует высказать предположение о дальнейшем сотрудничестве эстонцев и коми и восполнение пробелов в собирательской деятельности ЭНМ и НМРК.

1. Акты приема на постоянное хранение НМРК (1967—2000 гг.).

2. Книги поступления НМРК

3. Традиционная культура народа коми. Сыктывкар, 1994 г.

Автор статьи благодарит научного сотрудника НМРК В. Б. Липина за предоставленную им информацию.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ,
КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕМЫ
«ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА»
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.)

Великая Отечественная война советского народа наиболее очевидно доказала, что исход любой войны в конечном итоге определяется людьми. Генералы немецкой армии вынуждены были признать, что до войны с СССР войска фашистской Германии и её союзников нигде не встречали такого *человеческого* сопротивления. Бывший начальник 4-й немецкой армии генерал Г. Блюментрит написал в своих мемуарах: «Это была тяжёлая школа. Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать»¹.

Мощное сопротивление фашизму оказали не только комбатанты («комбатант» в переводе с французского означает «воин, боец, сражающийся»), но и гражданское население, собравшее воедино волю и силы для работы в тылу. Сюда же следует отнести и «детей войны», на плечи которых наравне со взрослыми легли все тяготы экстремальной ситуации. Таким образом, *социально-психологический феномен человека* в годы Великой Отечественной войны, безусловно, явился самым значимым фактором в достижении Победы над врагом.

Антропологический аспект истории войны совсем недавно стал объектом внимания отечественной науки, но интерес к нему быстро растёт, и в настоящее время уже поставлен вопрос о целенаправленном и систематическом его изучении. В апреле 2000 г. в Челябинском государственном университете состоялась международная научная конференция «Человек и война (Война как явление культуры)», в ноябре 2000 г. в Институте российской истории РАН был организован постоянно действующий круглый стол по вопросам военной антропологии, в мае 2002 г. в Омске проходила Всероссийская

научно-практическая конференция «Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории».

Отличительной особенностью современной науки является постепенный отход от дробления гуманитарных знаний, проведение исследований по одной проблеме на стыке разных наук. Изучение темы «Человек и война» также требует транснаучного подхода. Это предполагает возможность исследования её несколькими науками: историей, социологией, психологией, военной медициной, культурологией, этнографией.

На сегодняшний день единственной обобщающей работой в данном направлении в области отечественной истории является монография Е. С. Сениявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (1999)². В книге, ставшей значительно расширенным и дополненным переизданием двух вышедших ранее монографий автора³, положенной в основу защищённой Е. С. Сениявской докторской диссертации, «человек воюющий» рассматривается как особое явление не только социальное, но и психологическое. По мнению автора монографии, в отечественной науке, «в отличие от человека «гражданского», человека в мирной жизни, «человек воюющий» изучался явно недостаточно. В гуманитарном ракурсе военных дисциплин изучались преимущественно проблемы агитации и пропаганды, методы усиления их эффективности, тесно связанные с идеологией и политико-воспитательной работой в войсках»⁴. Историк Е. С. Сениявская впервые затронула такие вопросы как психология боя и солдатский фатализм, героический порыв и паника, особенности фронтового быта, роль идеологии и пропаганды, феномен участия женщин в боевых действиях. Автор книги считает, что актуальность и особая практическая значимость постановки проблемы обусловлена главным образом тем, что «в России, для которой весь XX век явился чередой больших и малых вооружённых конфликтов, психология «человека с ружьём» оказалась преобладающей и в мирной жизни, решающим образом повлияла на весь ход её истории»⁵. С данным утверждением нельзя не согласиться. Книга Е. С. Сениявской, новаторская по своему замыслу, закладывает основу для дальнейшего изучения роли человека в войнах XX века

и влияния психологии участников событий на послевоенную жизнь гражданского общества.

Среди социологических исследований по изучению воздействия войны на человека следует назвать монографию В. В. Серебрянникова «Социология войн» (1997)⁶. В одной из глав книги, названной «Человек и война», раскрываются вопросы влияния вооружённых конфликтов на эволюцию человека, выявляются порождённые войной изменения в социальных качествах человека, в различных сторонах его жизни, деятельности и поведения.

Изучению менталитета фронтовиков посвящён ряд работ фольклориста-фронтовика Л. Н. Пушкарёва⁷. В его работах рассматриваются формы бытования фольклора на фронте, исследуются вопросы верований и суеверий в солдатской среде. Этнограф Л. Н. Пушкарёв подчёркивает, что многостороннее изучение данной темы только начинается, «до сих пор не установлена та совокупность мыслей, чувств, настроений, предрассудков народа-воина, которая повлияла на мышление (а в значительной степени на поведение!) в годы войны, т. е. не раскрыт менталитет фронтовика»⁸.

Помимо исследования самоощущения человека-воина в годы Великой Отечественной войны предметом изучения должны стать и такие проблемы, как «война в детском сознании», «ментальное измерение войны тружениками тыла» (на сегодняшний день эти проблемы не затрагивались в отечественной науке).

В особую категорию «людей войны» можно выделить фронтовиков, в предвоенные годы подвергшихся политическим репрессиям, людей, прошедших по двум кругам ада — лагерям и войнам. Для нашей республики изучение названной социальной категории тем более важно, поскольку по данным редколлегии «Книги Памяти Республики Коми» из 170 тыс. призванных военкоматами республики в действующую армию в годы Великой Отечественной войны 100 тыс. человек были призваны на фронт из числа осужденных, находящихся в лагерях ГУЛАГа на территории Коми АССР⁹. Сюда же следует отнести и участников Великой Отечественной войны — спецпереселенцев, волею судеб оказавшихся в Коми крае в результате репрессивных мер по «ликвидации кулачества как класса».

Выжив в условиях ада кулацкой ссылки, эти люди в годы военного лихолетья встали на защиту своей Родины, несмотря на то, что государство жестоко и несправедливо обошлось с ними. Специальных исследований по проблеме участия репрессированных в событиях Великой Отечественной войны не выявлено. Однако в этой связи следует назвать статьи Н. А. Морозова, М. Б. Рогачёва, Н. М. Игнатовой, Л. А. Кызырова, В. Н. Копытина, И. Ю. Моисеевой и Е. Н. Боле¹⁰, в которых затрагиваются вопросы отношения к войне и участия в ней репрессированных из Коми.

Какую же роль могут оказать музеи в исследовании проблемы человека в экстремальных условиях войны? Прежде всего, музеи являются источниковедческой базой по изучению проблемы. Сохраняя память о нашем трагическом и одновременно героическом прошлом, музеи стали поистине кладовыми уникальных памятников, в том числе источников по созданию *социально-психологического образа «человека войны»*.

Сотрудники Коми республиканского краеведческого музея (КРКМ) (раньше так назывался Национальный музей РК) ещё в 1941 г. начали целенаправленно комплектовать материалы, относящиеся к военным событиям: письма коми бойцов с фронта, письма командиров и бойцов Красной Армии трудящимся организаций и учреждений, пионерам, школьникам и воспитанникам детских садов Коми АССР, материалы выступлений на антифашистских митингах молодёжи, по сбору средств для строительства звена самолётов-истребителей «Коми пионер», танковой колонны «Коми комсомолец» и множество других. Национальный музей является обладателем плакатов и агитокон военных лет, портретов фронтовиков, рабочих, колхозников, шахтёров, геологов, деятелей культуры времён Отечественной войны, выполненных мастерами изобразительного искусства республики В. В. Поляковым, Н. А. Жилиным, М. П. Безносковым, В. Г. Постниковым, Г. А. Стронком¹¹. Известно также, что в годы войны сотрудники музея Н. Н. Лучкина и А. А. Вязова собирали и систематизировали материалы периодической печати и сводок из сообщений Совинформбюро о событиях на фронте. Их картотеки сохранились в собрании НМРК.

С началом войны её события сразу же нашли отражение и в экспозиционно-выставочной работе КРКМ. Уже в конце 1941 г. в музее была сформирована выставка «Борьба великого русского народа против иностранных интервентов». Один из разделов выставки был посвящён Великой Отечественной войне. Кроме того, была организована небольшая выставка «Коми республика в дни Отечественной войны», отражающая работу трудящихся республики в тылу и подготовку будущих бойцов Красной Армии. В научном архиве музея есть свидетельства того, что в 1943 г. была создана портретная галерея знатных людей Коми АССР. Созданию галереи предшествовала особая рекомендация Народного Комиссариата РСФСР, предписывающая отразить в экспозиции музея «участие района в современной войне (особенно по работе тыла)», а также роль молодёжи в Великой Отечественной войне» (к 25-летию ВЛКСМ)¹². В отчёте музея за 1943 г. упоминается о 60 портретах, входящих в «Комнату знаменитых людей», изображающих уроженцев Коми края, прославившихся на фронтах и в тылу¹³. Среди них портрет Нади Рудаковой (один из самых любимых посетителями портретов)¹⁴, портрет Героя Советского Союза Н. В. Оплеснина, героев тыла — шахтёров-навалоотбойщиков Я. Е. Ветошкина, Ванды Барсуковой, машинистки Ани Ладановой, стахановок лесозаготовительной промышленности М. И. Мининой, А. С. Горбуновой и др.

В дальнейшее время тема военного подвига, подвига тружеников тыла стала ведущей темой для сотрудников КРКМ. Комплектование музейных коллекций позднее велось в основном по следующим направлениям: «Важнейшие боевые операции Красной Армии», «Партизанское движение», «Перестройка тыла на военные рельсы», «Штурм Берлина», «Боевой путь 28-ой Невельской Краснознамённой стрелковой дивизии», «Герои Советского Союза и кавалеры ордена Славы трёх степеней — наши земляки». Результатами активной собирательской работы являлись выставки, организовывавшиеся к юбилеям крупнейших сражений — битвы за Москву, Сталинградской и Курской битв. Определённым итогом длительной научно — поисковой работы стала стационарная экспозиция «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Она была построена в 1975 г. и просуществовала до 1983 г.¹⁵

Следует отметить, что в 1930—1980-е гг. место музеев в системе науки и образования определялось тем, что они являлись своеобразным материальным дополнением к единственному общепринятому учебнику истории. Методология построения экспозиций диктовалась методологией марксистско-ленинского исторического познания¹⁶. Так, в 1985 г. Центральный музей Революции СССР в свете Постановления ЦК КПСС «О 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» выпустил методические рекомендации об отражении темы войны в музеях исторического профиля. Музеям предписывалось: «В экспозициях раскрыть деятельность КПСС и Советского правительства по мобилизации всех сил и средств на борьбу с фашистскими агрессорами; важнейшие события Великой Отечественной войны; массовый героизм советских воинов; вклад в победу партизан и подпольщиков; трудовые подвиги рабочих, колхозников, советской интеллигенции по материальному обеспечению Советских Вооружённых Сил; освободительную миссию Советской Армии; торжество Победы Советского Союза и бесславный конец фашистских агрессоров. Важно отразить в экспозиции слагаемые Победы: Коммунистическую партию — руководящую, организующую и вдохновляющую силу; Советские Вооружённые Силы — основное средство Победы советских воинов — защитников Родины и освободителей поработанных народов; советский народ — создатель материальной базы Победы. Экспозиция по Великой Отечественной должна оказывать на посетителя сильное эмоциональное и идеологическое воздействие, должна быть предельно убедительной и научно-обоснованной, политически целеустремлённой»¹⁷. В процитированных рекомендациях нетрудно заметить отсутствие формулировки об отражении войны как *человеческой трагедии*. Становится очевидным то, что узость подхода в изучении и представлении в музейном пространстве темы войны была, в первую очередь, обусловлена идеологической заданностью целей.

В соответствии с этими и другими рекомендациями к 40-летнему юбилею Победы советского народа в Великой Отечественной войне в КРКМ была построена новая стационарная экспозиция, отразившая события 1939—1945 гг. Эта экспозиция, постоянно пополняясь, обновляясь и совершенствуясь, сохраняется и по сей день. В экспозиции представлен документаль-

ный, вещевой, фотоматериал, боевые награды, боевые знамена чафтей и соединений, прославившихся на полях сражений.

В последние годы в результате целенаправленной работы, связанной с развитием военно-исторической науки, попыткой ликвидации множества лакун в истории Великой Отечественной, экспозиция пополнилась новыми экспонатами, рассказывающими о событиях, предшествовавших началу войны (в экспозицию включены тексты Пакта Риббентропа — Молотова, секретных дополнительных протоколов о разделе сфер влияния в Польше и Прибалтике, материалы о советско-финской войне 1939—1940 гг., событиях на р. Халхин-Гол в 1939 г.), о репрессиях против крупных советских военачальников конца 1930—1940 гг., работе учреждений ГУЛАГа в годы войны, о судьбах трудармейцев, военнопленных, депортированных, о работе учреждений культуры в этот период.

Однако в экспозиции «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» в Национальном музее РК (также как и в экспозициях по войне в большинстве региональных музеев) отражение событийной стороны войны преобладает над представлением *социально-психологического феномена «человека войны»*.

Отражение в музейном пространстве субъективной стороны войны должно сопровождаться наличием соответствующей экспонатурной базы, в основе которой должны лежать, соответственно, *источники личного происхождения — заявления на фронт, автобиографии, мемуары, письма*. Это требует как дополнительного их комплектования, так и анализа уже имеющихся коллекций писем и заявлений. Дело в том, что ранее из этих источников брали лишь то, что соответствовало идеологическим установкам, т. е. только те факты, которые говорили о патриотизме фронтовиков и советского народа, его вере в партию Ленина — Сталина, его готовности к подвигам во имя Родины. Все эти факты действительно имеют место, но вместе с тем в них присутствует и много другого, мимо чего, как правило, раньше проходили музейные исследователи. В частности, не анализировались мысли, настроения, мнения, впечатления, установки сознания, вроде бы незаметные на первый взгляд, но на самом деле исподволь управляющие человеком и определяющие его поведение¹⁸. Солдатские письма являются важнейшим историческим источником для раскрытия темы.

Однако цензура изымала из переписки «ненужные умствования», и эта переписка превращалась в обычный обмен фактической информацией: «Жив, здоров, громим фашистов...» Встречаются, хотя и не часто, письма — раздумья, письма оценочного характера. Их писали люди, которые в экстремальной ситуации старались сохранить в себе качества «человека мыслящего».

К источникам личного происхождения относятся и *материалы «устной истории» или «воспоминания-интервью»*. «Качественное» интервью, полученное в ходе личной беседы, проведённое по заранее разработанному «мягкому» опроснику, позволяет получить фактическую информацию о событиях человека в прошлом из первых уст, а не в интерпретации, а также учесть индивидуальные особенности респондентов. Документы «устной истории» необходимо записывать на аудио- и видео кассеты, расшифровывать их и создавать еще один вид письменных источников — записи «воспоминаний-интервью». Создание записей «воспоминаний-интервью» на сегодня является чрезвычайно актуальным, поскольку с каждым днём участников событий Великой Отечественной войны — носителей памяти об исторических событиях — остаётся всё меньше и меньше.

В экспозициях, отражающих тему «Человек и война», необходимо использовать и *официальные источники* трех видов. Первый из них носит в основном пропагандистский характер: это *листовки и военная печать (фронтовая, армейская, дивизионная)*, которые не столько отражали реальную атмосферу на фронте, сколько выполняли задачу формирования стереотипов массового сознания. Этой же категории источников принадлежит ведущая роль в создании героических символов как феномена общественного сознания в определенный исторический период. Ко второму виду источников, дополняющему картину пропагандистских представлений эпохи более объективными данными, относятся *наградные материалы (представления к наградам в форме наградных листов, переписка различных инстанций по вопросам о награждениях)*, которые помимо описания подвигов помогают проследить эволюцию представлений о том, что считалось героическим поступком. К третьему виду официальных источников относятся *аналитические документы: материалы воен-*

ной цензуры, боевые донесения и доклады, политсводки и политдонесения, анализирующие настроения в армии.

Включение в музейную экспозицию вышеперечисленных источников наряду с фотографическими и вещественными материалами позволит отобразить истинное лицо войны, войны как человеческой трагедии.

Попыткой представить «войну в человеческом измерении» через людские судьбы, семью, детство, юность в НМРК явилось создание в 1995 г. выставки «Цена Победы».

20 июня 2001 г. в музее состоялось мероприятие, посвящённое трагической дате, 60-летию начала Великой Отечественной войны. К этому мероприятию была подготовлена выставка «Завтра была война...». 22 июня 1941 г., в час испытаний для советских людей, проявились истинные качества человека, обострились сыновние, материнские, отцовские чувства, чувства между мужчиной и женщиной. Каждому пришлось мгновенно оценить себя, свою прежнюю жизнь, о которой, быть может, раньше не задумывался. На экскурсиях, проводимых по выставке «Завтра была война...», мы как раз и пытались раскрыть слушателям конкретное историческое событие — начало Великой Отечественной войны, войну в целом через призму человеческих отношений, показать, чем стала война для человека, а не кем стал человек для войны.

Современные музеи, имеющие огромный источниковый потенциал, находятся в ситуации, когда от интерпретации ими наследия прошлого зависит качество исторического знания в будущем веке. Предметный показ подлинных памятников в музейном пространстве должен предоставить посетителю возможность сопереживания человеческой трагедии и ощущения сопричастности человека «человеку войны», возможность получения объективного исторического знания.

1. Роковые решения. — М., 1958. С. 72—73.
2. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999.
3. Сенявская Е. С. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. — М., 1995. Человек на войне: историко-психологические очерки. — М., 1997.
4. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999. С. 5.
5. Там же.

6. Серебрянников В. В. Социология войны. — М., 1997.
7. Пушкарёв Л. Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109—121. Его же. Письменная форма бытования фронтового фольклора // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. Его же. По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. — М., 1995.
8. Пушкарёв Л. Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 110.
9. Котельников В. М. О некоторых итогах уточнения фронтовой судьбы защитников родины в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и участников афганских событий // Защита Отечества: история и современность. Сыктывкар, 2001. С. 13.
10. Морозов Н. А. Призыв контингента «архипелага» ГУЛАГа в действующую армию (1941—1945 гг.) // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы научно-практической конференции. 21 июня 2001 г. — Сыктывкар, 2001; Рогачёв М. Б. Лагерь Коми АССР в годы войны // Там же; Игнатова Н. М. Формы протеста спецпереселенцев в Коми АССР в период Великой Отечественной войны // Там же; Кызьжуров Л. А. Немцы — спецпоселенцы в годы Великой Отечественной войны // Немцы в Коми: история, современность, перспективы. Материалы научно-практической конференции «Немцы в Коми: история, современность, перспективы». 16 ноября 2000 г. — Сыктывкар, 2001; Копытин В. Н. Призыв спецпереселенцев в действующую армию в годы войны (1941—1945 гг.) по Республике Коми // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. / Сост. Н. М. Игнатова. — Сыктывкар, 2001; Копытин В. Н. Призыв на воинскую службу в системе ГУЛАГ в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. 7—8 декабря 2000 г. — Сыктывкар, 2001; Моисеева И. Ю., Боле Е. Н. «Виноватые» защитники Отечества // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. / Сост. Н. М. Игнатова. — Сыктывкар, 2001.
11. Сова В. А. Республиканский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Защита Отечества: история и современность. — Сыктывкар, 2001. С. 74.
12. Научный архив НМРК. Д. 2481. Л. 1.
13. Там же. Д. 2481. Л. 26.
14. Научный архив НМРК. Д. 2482. Л. 28.
15. См. об этом подробнее: Моисеева И. Ю. Отражение темы Великой Отечественной войны в экспозиционно-выставочной и научно-просветительной работе Национального музея Республики Коми // Защита Отечества: история и современность. — Сыктывкар, 2001. С. 98—101.
16. Скрипкина Л. И. Значение теоретического наследия А. М. Разгона для решения современных проблем развития музейного дела России // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX — XXI веков / Труды ГИМ. Вып. 127. — М., 2001. С. 40.
17. Отражение в экспозициях музеев исторического профиля Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Методические рекомендации Центрального музея Революции СССР. — М., 1985. С. 3.
18. Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕМЫ
«ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ»
В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ.
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Мертвым выдана индульгенция в утешение нам, живым.
Совесть зека — интеллигенция — деться некуда, это мы.
На Лубянке к стенке поставленные, и вернувшиеся с Колымы,
И сплавившие гимны Сталину, и молчавшие — всё это мы.
Кем мы были и чем мы стали? Мы, которых из года в год
Приучали жить по уставу: «Кто чихнул? Два шага вперёд!».
Краснобаи и неврастеники с анекдотцами про запас,
Именами поставленных к стенке окликают эпоха нас.*

(Виктор Поляков)

Тема репрессий была закрытой для общества до конца 1980-х гг. В Коми республиканском историко-краеведческом музее (так тогда назывался Национальный музей РК) впервые публично заговорили об этой теме в июне 1988 г. на мероприятии, организованном по поводу 70-летнего юбилея Коми областной организации КПСС. Может быть, несколько неожиданно для собравшихся мероприятие, инициатором которого выступил музей, по сути явилось мероприятием, посвящённым теме репрессий, поскольку многие люди, стоявшие у истоков создания парторганизации в Коми области оказались впоследствии репрессированными (Д. И. Селиванов, Я. Ф. Потапов, А. А. Семичев, В. П. Юркин и др.). На мероприятии присутствовали работники горкома партии, ветераны парторганизации, в т. ч. И. Г. Коюшев (председатель облисполкома в 1929—1930 гг., в августе 1937 г. арестован и приговорён «как буржуазный националист» к восьми годам лишения свободы, вновь арестован в июле 1950 г. и сослан на вечное поселение в Новосибирскую область, реабилитирован в июле 1956 г.) и Ф. Г. Тараканов (в 1930—1933 гг. — председатель облиспол-

кома, в августе 1937 г. арестован по обвинению в том, что являлся активным участником контрреволюционной организации правых и буржуазных националистов, осуждён на пять лет, вновь арестован в ноябре 1950 г. и сослан на вечное поселение в Сибирь, реабилитирован в декабре 1955 г.).

С этого времени (с конца 1980-х гг.) тема политических репрессий становится одной из ведущих научных тем для сотрудников отдела истории (тогда ещё отдела истории советского общества). Именно в этот период, период активизации интереса к теме репрессий в советском обществе в целом, сотрудникам КРИКМ, как впрочем и сотрудникам других музеев, впервые представилась возможность реально заняться сбором материалов в данном направлении. Следует отметить, что указанная тема ранее практически не комплектовалась в музее, не могла быть она и приоритетной для изучения. Тем не менее, в фондах музея отложились коллекции по указанной теме, поступившие в 1940—1970-е гг. Большой частью — это коллекции по определённым персоналиям, людям, проживавшим в нашей республике после периода массовых репрессий, коснувшихся их лично и их семей. В большинстве таких коллекций материал, связанный непосредственно с указанной темой, отсутствует. Большой интерес представляет также коллекция образцов продукции предприятий республики, основная масса которых входила в то время в систему лагерей — Воркутстрой, Ухтижемстрой, Севжелдорстрой. Изделия этих предприятий, в т.ч. предметы, изготовленные руками заключённых (изделия из кости, керамики, дерева, наборы слесарных инструментов и др.), демонстрировались в 1946 г. на выставке «XXV лет Коми АССР» и впоследствии были переданы в фонды музея.

В июле 1989 г. сотрудниками отдела истории была осуществлена экспедиция в п. Вожаель (с августа 1937 г. по январь 1960 г. здесь располагалось одно из крупнейших лагерных управлений на Северо-Европейской части СССР — Устьвымский ИТЛ), где в нескольких лагерных пунктах сохранились и были привезены предметы лагерного быта (металлические решётки, двери, колючая проволока следственного и штрафного изолятора, котелки, миски, умывальник, форма для выпечки хлеба, вывески («Запретная зона. Вход воспрещён»)

и др. Из экспедиции был привезён богатый фотоматериал, в т. ч. фотографии, запечатлевшие бесчисленные безымянные могилы на бывшей территории Устьвымлага (через Устьвымлаг прошли маршал Рокоссовский, писатель Лев Разгон, жена М. И. Калинина Екатерина Калинина, художник Борис Маевский, дирижёр Дмитрий Караяниди и многие другие известные люди). Эта экспедиция положила начало комплектованию темы с позиции нового, критического осмысления истории страны.

Сотрудничество с обществом «Мемориал», созданным в Сыктывкаре в конце 1989 г., дало возможность выйти на конкретных людей. Кроме того, сотрудниками отдела истории во время поездки в г. Москву во Всесоюзном обществе «Мемориал» была проведена работа по выявлению имён репрессированных, находившихся в лагерях Коми АССР. Были разосланы письма в разные уголки страны с просьбой предоставить материалы. Люди откликнулись. Так в собрании музея появились коллекции о Ф. Г. Воропаеве (автобиография, справка об освобождении, письмо из лагеря, фотографии — все материалы подлинные), об А. Н. Голонском и др., а также воспоминания репрессированных.

Одновременно сотрудниками отдела истории активно изучались рассекреченные фонды Национального архива РК (тогда Центрального государственного архива Коми АССР). Было изучено более трёхсот дел, хранящихся в фондах СНК Коми АССР, Коми облисполкома, треста «Комилес», объединения «Коминнефть», комиссии по лишению избирательных прав нетрудоспособного элемента. Наиболее интересными материалами, потрясающими своим содержанием и отражающими дух той эпохи, являются спецсправки о политической обстановке в районах республики, доносы, протоколы обыска, описи имущества, протоколы судебных заседаний, докладные записки, личные дела раскулаченных, документы делегатуры Польского посольства о поляках, материалы о спецпереселенцах — бывших военнопленных (немцах, румынах, литовцах, латышах, итальянцах, финнах и др.), распоряжения о закрытии церквей, карты-схемы расположения лагерей НКВД на территории Коми АССР, акты о расстреле и предании земле. С этих документов были изготовлены ксерокопии и муляжи. В конце

1980-х гг. ещё был закрыт доступ в архивы МВД. Однако при поддержке политотдела МВД Коми АССР сотрудникам музея удалось получить для копирования личные дела двух заключённых — Л. П. Карсавина — учёного-философа, погибшего в Минлаге, и А. А. Маегова — участника гражданской войны и установления советской власти в Коми крае, члена первого правительства Коми области, писателя, отбывавшего заключение в Ухтпечлаге (Ухтижемлаге).

Активную помощь в сборе материала и консультировании по вопросам, связанным с историей репрессивной политики в регионе, оказали преподаватель Сыктывкарского университета Н. А. Морозов, преподаватель Абезьской средней школы В. В. Ложкин, председатель Сыктывкарского общества «Мемориал» М. Б. Рогачёв, предоставивший материалы о польских гражданах, которые были сосланы на территорию Коми республики и в невероятно тяжёлых условиях работали здесь в первой половине 1940-х гг., воспоминания спецпереселенцев-раскулаченных крестьян, фотоматериалы из дела «о четырёх контрреволюционерах» — священнослужителей и коми крестьян, пострадавших за веру, коллекцию негативов с видами объектов Локчимлага, разрушенных церковью Корткеросского района, а также ветеринарный врач г. Сыктывкара А. И. Шеренас, высланный в десятилетнем возрасте вместе со своей семьёй из Литвы, который передал в музей материалы о генерал-майоре Красной Армии Юудишусе, высланном в июле 1941 г. на «курсы» в Россию, погибшим в лагере п. Абезь Интинского района, материалы о Л. П. Карсавине, в т. ч., его подлинное письмо-открытку дочери Сусанне.

Результатом активной собирательской и научно-исследовательской работы стала выставка «Политические репрессии 1930—начала 1950-х гг.» (авторы — Э. А. Ананьина, Т. А. Пьянкова), открывшаяся в одном из залов музея в декабре 1990 г. Эта выставка была первым большим, ярким, значимым выставочным проектом республиканского музея, посвящённым теме политических репрессий в нашей стране. В экспозиционной деятельности музея был сделан первый шаг в данном направлении. Большое количество материалов выставки, вызвавшей огромный интерес посетителей, в даль-

нейшем было включено в постоянную экспозицию отдела истории НМРК.

Следующей попыткой представления темы политических репрессий в выставочном пространстве стала передвижная фото-документальная выставка «ГУЛАГ в Коми», подготовленная сотрудником музея Э. А. Ананьиной и художником С. Е. Дмитриевым. Выставка была открыта в музее В. И. Ленина в г. Тампере (Финляндия) в 1994 г. Во время официальной презентации выставки, один из разделов которой был посвящён непосредственно репрессированным финнам, состоялась пресс-конференция. На выставке были представлены личные дела репрессированных финнов из архива УФСК по РК (УФСБ по РК), фондовые документы и фотографии. Кроме того, на выставке экспонировались материалы о репрессированных по делу Софин.

В 1999 г. по инициативе И. В. Сажина в отделе истории НМРК была организована выставка «10 лет Сыктывкарскому «Мемориалу» (экспозиционер — И. А. Безносикова, художник — Л. В. Мишарина). Среди экспонатов выставки были личные вещи, рукописи учёного, правозащитника Р. И. Пименова, предоставленные М. Д. Игнатовым. Впервые на выставке жители нашего города увидели самиздатские материалы.

28 августа 2000 г. в музее открылась выставка «Немцы в РК» (автор — Э. В. Роттэ, художник — Л. В. Мишарина). Её открытие было приурочено к дате, которую российские немцы отмечают как День памяти и скорби: 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Надо отметить, что до начала 1990-х гг. проблемы истории российских немцев не являлись специальной темой музейного исследования. Потребность в их изучении стала ощущаться с момента активизации немецкого движения в г. Сыктывкаре и в Республике Коми. Об этом говорилось на первой республиканской конференции немцев в мае 1995 г., и эта идея нашла поддержку и понимание её участников. Выставка «Немцы в РК» раскрыла некоторые аспекты российско-германских отношений, связи Коми края с Германией и выходцами из германских земель, показала историю немцев, которые составляли и составляют значительную группу населения респу-

блики и внесли определённый вклад в её развитие. Большая часть выставки была посвящена истории российских (советских) немцев в новейший период времени, в т. ч., период политических репрессий, связанный с трагедией немецких семей после их раскулачивания в 1930-х годах и насильственного переселения в годы Великой Отечественной войны (материалы о немцах-спецпереселенцах, трудармейцах, немцах-узниках сталинских лагерей)¹. Выставочный проект «Немцы в РК» был задуман и реализован автором как передвижной вариант. К настоящему времени эта выставка побывала практически во всех районах республики. В процессе экспонирования в других музеях она дополняется своим «местным» материалом. Подобная форма работы стимулирует научное изучение и сбор материалов по теме сотрудниками музеев, а также повышает заинтересованность посетителей. Следует также сказать, что материалы из фондов Национального музея, связанные с историей политических репрессий, и в частности немцев как части репрессированного населения, постоянно используются для создания видеоряда на мероприятиях, посвящённых теме репрессий (конференциях, Днях памяти), в т. ч. Дне памяти и скорби, который ежегодно отмечают российские немцы в РК. Фотоколлекции из собрания НМРК также привлекаются в качестве иллюстративного материала при подготовке различных изданий по указанной теме.

В 2000 г. музей выступил инициатором проведения первых чтений, посвящённых Ф. Г. Тараканову. По материалам чтений был подготовлен сборник статей.

Сегодня уже традиционным в музее стало ежегодное проведение Дня памяти жертв политических репрессий (30 октября). В 2001 г. к этому дню в музее было организовано очередное мероприятие, к которому была подготовлена экспресс-выставка с материалами, рассказывающими об А. П. Попове (в феврале 1935 г. пятнадцатилетний учащийся Усть-Вымского педтехникума был осужден по 58 ст. УК РСФСР на 5 лет за распространение контрреволюционных стихов собственного сочинения). Тетрадь со стихами, ранее подшитая к делу А. П. Попова, хранящегося в архиве УФСБ по РК, передана в фонды музея его сестрой Л. П. Старцевой. Приведу одно из стихотворений из этой тетради.

Тиран

Эй, слышишь злой тиран,
Где ж та сулимая свобода,
Ведь ты ж нанес немало ран
Для труд любящего народа.

Они под лапой властелина
Мрут с голоду и мрут от ран,
А ты как идол, распростерши
Берешь последний грош крестьян.

Недавно ты свободных гениев
Сто двадцать душ перестрелял.
И чтоб народ не знал про это мщение
Ты их врагами называл.

Ты лжешь бесстыже,
словно сивый мерин.
Ты кровь сосеешь,
Моришь крестьян.

Ты обманул народ свободный
И говоришь, что волю дал.
Нет, это ложь, ты врешь, проклятый.
Ты не уйдешь от них, тиран, шакал.

Ты будешь пред судом народным
Ты им отплатишь за их-кровь,
За ихний труд, за ихню волю,
И за свой, полный деньгами карман.

Ты им морочишь темну голову,
Поешь про заграничных стран,
Повшь не верно, перевернуто,
Для вашей выгоды, тиран.

Наказание А. П. Попов отбывал в Верхнечовской тюрьме. 22 июля 1942 г. он был мобилизован на фронт, 13 февраля 1944 г. погиб в бою.

21 февраля 2002 г. в музее состоялось расширенное заседание Учёного совета, посвящённое 110-летию со дня рождения коми этнографа, преподавателя, директора Коми

областного музея Г. А. Старцева, в 1938 г. осужденного по «политической статье» на 10 лет лагерей. К заседанию Ученого совета в музее была подготовлена экспресс-выставка. Выставка, посвящённая Г. А. Старцеву, открылась и в с. Онежье Княжпогостского района РК, где Г. А. Старцев окончил церковно-приходскую школу.

В апреле 2002 г. в стенах Национального музея РК состоялась выставка Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» при поддержке фонда им. Конрада Аденауэра «В мире двух диктатур. Россия и Германия в XX веке». Выставка вызвала огромный интерес посетителей, особенно школьников старших классов. Тема данной выставки, основанной на идее сопоставления двух тоталитарных диктатур двух европейских государств России и Германии в XX веке, судя по реакции посетителей, была новой, была откровением для многих слушателей. Некоторые посетители, несмотря на большую подготовленность к восприятию темы, начитанность, наслышанность о репрессиях, не знали многих фактов, истории конкретных лагерей, человеческих судеб. «Об этом не прочтёшь в школьных учебниках», — так отзывался о проведённой экскурсии по выставке один из учеников русской гимназии г. Сыктывкара. Многие дети, как выяснилось в ходе экскурсий по выставке, сегодня плохо знают историю Второй мировой войны, не знают об истоках нацизма, фашизма. Надо сказать, что современных школьников это очень интересует, волнует, они хотят знать и говорить об этом, на экскурсиях они задавали массу вопросов. Каждая экскурсия длилась не менее часа. Говоря о сущности фашизма, экскурсовод пытался вывести школьников на серьёзный разговор о сегодняшних попытках возрождения фашизма в нашей стране. Мы побуждали детей говорить и рассуждать. Возникали даже дискуссии. Мы доказывали детям, что человек не имеет права совершать какое-либо насилие по отношению к другому человеку. Разговор получался. И уже не мы, а дети объясняли своим сверстникам, к чему могут привести попытки возврата к прошлому. Выставка, благодаря удачному художественному решению, логической выстроенности, предоставила возможность сопоставления двух, по сути, одинаковых диктатур — России и Германии. На выставке дети сами проводили аналогии, думали и размышляли над тем,

к чему приводит политика подавления личности, политика диктатуры.

Выставка «В мире двух диктатур» стимулировала дальнейший интерес к теме сотрудников отдела истории, способствовала дальнейшему изучению и сбору материалов. Так, в 2003 г. в музее появилась коллекция депутата Сыктывкарского горсовета Н. Д. Есина (документы о работе с репрессированными), внутрилагерная переписка и фотографии из частного архива Е. В. Марковой (письма профессора Б. С. Баскова, актера А. А. Маркова, болгарского подданного Валентина Олигера, поэта Георгия Ронталя, актрисы воркутинского театра Клавдии Александрович). Е. В. Маркова, передавшая эти уникальные материалы, родилась в 1923 г. в Киеве, в семье учителей. В 1941 г. окончила школу. В 1943 г., когда Красноармейск был временно освобожден от немцев, работала в медсанбате. При новом захвате города немцами благодаря знанию немецкого языка спасла советских раненых бойцов. При новой оккупации города по заданию работала на немецкой бирже труда. В конце 1943 г. она была арестована, осуждена по 58 ст. и приговорена к 15 годам каторжных работ «за измену Родине». В Воркуте работала на шахтах № 9, 11, 2. В ноябре 1953 г. была освобождена от каторги, но осталась в ссылке на поселении в Воркуте. В июле 1960 г. она была полностью реабилитирована. В настоящее время Е. В. Маркова является доктором технических наук, главным специалистом Российского центра испытания и сертификации «Ростест-Москва», профессором Академии стандартизации, метрологии и сертификации.

В октябре 2002 г. экспозиционером Е. И. Морозовой была подготовлена выставка «Я разделил судьбу страны...», посвящённая детям ГУЛАГа (художники — Л. В. Мишарина, Е. А. Горчакова). Выставка была развёрнута на постоянной экспозиции «Коми край (АО, республика) в 1917—1941 гг.». Автором выставки был выявлен ряд документов в Национальном архиве РК (разрешение эвакуатору Архдетприёмника на выдачу и доставку Фрица Тарайковского, запрос о розыске детей и подростков и др.), в Республиканском архиве Министерства образования и высшей школы (списки детей Серёговского, Вомынского и Межадорского детских домов). В фон-

дах НМРК выявлены личные учётные карточки А. Слесаренко, Ю. Сазонова, материалы об В. И. Уборевич-Боровской. Дополнительно для выставки были собраны материалы о Н. А. Морозове, Е. П. Кисенко, М. М. Цуберт. Эти и другие материалы, а также детские игрушки 1940-х гг., сделанные заключёнными Севжелдорлага, детская фуфаячка, переданная для экспонирования Печорским историко-краеведческим музеем, были представлены на выставке.

Проблемы, связанные с историей репрессивной политики в регионе, были также освещены на выставке «В поисках Эльдорадо» (экспозиционер — С. В. Бандура, художники — Л. В. Мишарина, Е. А. Горчакова), посвященной 80-летию Общества изучения Коми края (ОИКК) и 110-летию со дня рождения А. С. Сидорова. Благодаря деятельности членов общества в Коми крае началась масштабная краеведческая, научноисследовательская работа. А. С. Сидоров — один из основателей ОИКК, арестованный в 1937 г. за «участие в антисоветской организации», как и многие другие ученые, краеведы (В. И. Лыткин, А. А. Чеусов), писатели (В. А. Савин, В. Т. Чисталев) стали жертвами сталинских лагерей. Выставка открылась в октябре 2002 г.

Важнейшим этапом в научно-исследовательской деятельности отдела истории явилась разработка в 2002—2003 гг. научной концепции музейного проекта «Между строк»: история в письмах, дневниках, воспоминаниях. 1929—1959 гг.» (авторы — И. Ю. Моисеева, И. Н. Котылева, С. В. Бандура). Идея проекта родилась во время проведения Первого международного симпозиума памяти В. В. Иофе «Мир после Освенцима и ГУЛАГа». Цель проекта — попытка на основе подлинных документов личного происхождения (писем, дневников, воспоминаний) воссоздать через экспозицию атмосферу эпохи тоталитаризма в советском государстве, попытаться понять и осознать Человека в этой Эпохе и Эпоху в Человеке. Выставка предполагает электронный вариант. Проект проработан в научном и художественном плане, подготовлена научная документация. Однако в настоящее время у музея нет финансовых средств на его осуществление.

Совсем недавно в музее родилась идея создания выставки «Репрессированные художники в Коми республике» (ав-

тор — Е. И. Морозова). Этот проект планируется осуществить совместно с Национальной галереей РК.

Таким образом, сегодня в рамках темы «История политических репрессий» сотрудниками НМРК исследуется целый круг вопросов, связанных с этой проблемой. Следует отметить, что наиболее изученным является период 1930—1950-х гг., период массовых репрессий, пик политических репрессий в России, в отличие, например, от периода 1950—1980-х гг.

История инакомыслия 1950—1980-х гг. практически не отражена в музейных коллекциях в силу того, что деятельность диссидентов скрывалась от широкой общественности. Эта тема не так давно была запрещённой, и изучение её могло иметь последствия для сотрудников музея. Мы надеемся, что выставка «Воркута — Ленинград: история сопротивления в зеркале Коми в 1950—1980-х гг.» — подарок музею Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» — во многом восполнит пробел в комплектовании темы.

Сотрудники отдела истории Национального музея РК видят своей дальнейшей задачей углубление научно-исследовательской, поисково-собирательской, экспозиционно-выставочной работы в указанном направлении. На сегодняшний день имеются творческие планы по созданию новых проектов.

1. См. Роттэ Э.В. Опыт музейного исследования истории российских немцев // Немцы в Коми: история, современность, перспективы. Материалы научно-практической конференции «Немцы в Коми: история, современность, перспективы». 16 ноября 2000 г. — Сыктывкар, 2001.

«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»

(По материалам выставки «Я разделил судьбу страны...»,
посвященной детям ГУЛАГа)

29 октября 2002 г. в Национальном музее Республики Коми была открыта выставка «Я разделил судьбу страны...». Ее открытие было приурочено ко Дню памяти жертв политических репрессий, ежегодно отмечаемого в нашей стране с конца 1980-х гг. Основным экспозиционным материалом выставки являлись документы, фотографии и воспоминания тех людей, которые в 30—50-е гг. XX столетия были детьми.

Политические репрессии 1930—1950-х гг. — одна из самых трагических страниц в истории Коми края. Советской властью он был определен как одно из основных мест политической ссылки, высылки на поселения, размещения ГУЛАГ-овских лагерей.

К сожалению, репрессивная политика, проводимая в нашей стране, коснулась не только взрослых. Сталинский лозунг «Дети за отцов не отвечают» в реальности означал, что вместе с родителями «врагами народа» «членами семей изменников Родины» стали и дети. Они, лишившись своих родителей, пройдя через унижение и насилие, пополнив детские дома и детприемники, стали сиротами по вине государства. Сотрудниками Национального музея РК было решено показать репрессивную политику советского государства через судьбы детей. Именно детские воспоминания стали основой всей выставки. А найденные в архивах Республики Коми немногочисленные документы — справки, докладные, данные статистики — стали подтверждением этих воспоминаний.

Сбор воспоминаний малолетних узников ГУЛАГа оказался, пожалуй, самым сложным этапом при подготовке выставки. Люди охотно отдавали документы, редкие и очень ценные для них фотографии, но еще раз пройти через боль воспоминаний о тех страшных днях хотели не все. Практи-

чески не сохранились у этих людей личные вещи того периода — слишком много прошло времени.

В конце 1920-х годов среди основных задач, поставленных партией большевиков, была коллективизация сельского хозяйства. Процесс раскулачивания охватил десятки миллионов крестьян.

Серафима Петровна Рогова (Дитятева) была совсем еще ребенком, когда их семья была раскулачена. В своих воспоминаниях она рассказала о причине раскулачивания: «Как-то к празднику мама решила нас побаловать, взяла свое обручальное кольцо и мой крестик, и все это отнесла в Торгсин. Пришла с магазина с полной сумкой: кулечек риса, кулечек муки, сахара, растительного масла, а для меня радостная покупка — сапожки из кожи. Вскоре для нас наступила страшная пора. То папу, то маму стали вызывать в НКВД, требовали от них золота. Мама собрала все серебро, которое было дано с приданым: вилки, ложки, чайник, — но этого было мало, требовали золота. Как-то ночью пришли, все описали и распродали, вернее раскулачили. Папу в тюрьму, маму — на сельхозработы на опытную станцию. Когда все продавали, у меня на ногах были торгсиновские сапожки, их с ног сняли...»

В конце 1920-х гг. Коми край стал крупным районом спецпереселения — массового, насильственного выселения раскулаченных в отдаленные районы страны.

Михаил Петрович Бессонов попал в Коми край вместе со своими родителями в 1930 г. Он вспоминает, как их семью везли в Коми: «Родителей раскулачили за то, что отказались вступать в колхоз. Помню, как обложили невыносимыми налогами, и нечем было платить, как все забрали, из дома выгнали. Как везли в вагонах, набитых как селетки, не выпускали даже в туалет. Еще хуже из Котласа. Везли в барже, даже не открывали люки, народ умирал от удушья, их выбрасывали прямо в Вычегду...»

Уже в 1930 г. в Коми область было выселено 5272 семьи — 18971 человек, из которых трудоспособных — 7367. К январю 1932 г. общая численность кулацкой ссылки в Коми области выросла до 39184 человек, из них трудоспособными было 12922 (38,35%), детей до 14 лет — 10545 (31,29%).

В 1932 г. спецпоселенцы составляли 22% общей численности населения Коми края.

Для спецпереселенцев создавались специальные колонизационные поселки. Однако суровые климатические условия, отсутствие нормального жилья, отсутствие медикаментов приводили к высокой смертности в спецпоселках.

В начале 1930-х гг. в связи с высокой смертностью в спецпоселках и массовыми побегам из них остро встал вопрос о необходимости создания специальных детских домов для детей спецпереселенцев. Уже в июле 1933 г. было принято решение о создании в Коми области пяти детских домов на 260 человек. На конец января 1934 г. их было уже 23. Детские дома создавались в спешке, часто для их размещения выделялись малоприспособленные для этого помещения. Плохой была и материальная база детских домов.

На выставке рядом с фотографией первого слета детдомовцев-активистов Коми области был помещён акт обследования одного из детских домов — Ручевского детского дома Усть-Куломского района: «Помещение грязное, по кубатуре малое, оборудование отсутствует, дети поголовно спят на полу, на 56 человек имеется одеял 15 шт., простыней нет, наволочек 48 шт. Зимней одежды нет, ходят в рваной одежде, обуви. Посудой ни в коей мере не обеспечены, имеется только столовых чашек 7 шт., ложек 40 шт., стаканов 20 шт».

Тяжелое положение в детских домах остается осенью и зимой 1934 г. Лишь в 1935 г., в связи с увеличением финансирования, положение в детских домах немного улучшается.

Семья поляков Цубер была вывезена в Коми край из Львовской области в 1937 г. В пути хозяин занемог, и его высадили на какой-то станции. Мать с детьми довели до спецпоселка Кузьель Сысольского района. Когда мама заболела, детей отправили в детский дом. Братья попали в Вомынский детский дом, а трехлетняя Марыся — в Пыелдинский. Девочка плохо говорила даже на родном языке. И, конечно, совсем не знала русского и коми. Не помнила она и своего дня рождения. Мария Цуберт вспоминает: «Когда воспитатели объявили, что те ребята, у кого нет дня рождения, могут его выбрать, я выбрала 1 мая. В это время зацветают первые

цветы...». Накануне своего 16-летия Марыся пошла получать паспорт. Девушку спросили, какой она национальности. «Я — коми», — ответила бойко Марыся. Произвольно указанная дата рождения, самостоятельно выбранная национальность, ошибочно добавившаяся в фамилию буква «Т» — всё это затруднило поиск Марыси её братьями. Их разлука затянулась почти на 60 лет.

1930-е гг. коренным образом изменили социально-экономический облик Коми области. В этот период в кратчайшие сроки начали создаваться новые отрасли топливно-энергетического комплекса, была развернута добыча угля и нефти. Но нельзя забывать о цене, какой были оплачены эти народохозяйственные успехи — это сотни тысяч загубленных жизней. Именно в эти годы была создана империя ГУЛАГ, которая по данным историков насчитывала 165 лагерей. С 1930 по 1957 гг. в Коми крае действовало, по данным историка Н. А. Морозова, 18 лагерей. За эти годы через них прошло около трех с половиной миллионов заключенных. Только в Ухтокомбинате в 1933 г. насчитывалось свыше 33 тыс. заключенных. Из них женщин — свыше 6 тысяч. К 1937 г. численность женщин — заключенных возросла до 6306 человек.

Особой категорией жертв ГУЛАГа невольно стали дети, рождённые в лагерях. В 1920—1930-е гг. они в возрасте до одного года содержались вместе с матерью, а затем их отправляли в детские дома. В конце 1940-х гг. Министерство внутренних дел разрешило оставлять детей с матерями до двух лет, после чего их всё также неминуемо ждал детприемник.

В двухлетнем возрасте попал в Нолинский детский дом Николай Алексеевич Морозов, родившийся в 1948 г. в Печорлаге. В этом детском доме содержались дети «врагов народа». Это была та же зона. Николай Алексеевич вспоминает: «...забор, за которым нет выхода. Летом выводили к реке, и это были праздничные дни: цветущий луг, речка, яркое солнце. Очень многие дети болели...»

Освободившиеся родители, если удавалось определить, в каком детском доме находится их ребенок, имели право его забрать. Из воспоминаний Н. А. Морозова: «Выстраивалась группа детей, и отец, или мать, обходили строй

с кулками конфет и печенья. И каждый брал невиданные доселе сладости. А потом, когда родители увозили своего ребенка, у оставшихся детей была истерика и слезы. Но была и вера, что в следующий раз и его заберут домой. Забирали, конечно, не всех...»

На выставке рядом с фотографией семьи Морозовых, на которой пятилетний Коля выглядит от недоедания двухлетним, экспонировались списки детей-детдомовцев. В списке детей Вомынского детского дома в графе «социальное происхождение» у большинства детей записано «мать в заключении». В списках детей Зеленецкого детского дома из 90 детей-детдомовцев лишь 16 были сиротами или имели мать. У остальных запись типична: «родители в заключении».

В числе экспонатов выставки были детские игрушки, созданные руками заключенных Севжелдорлага МВД Коми АССР. Производство игрушек должно было свидетельствовать о заботе государства о детях, многих из которых оно осиротило.

Выставка «Я разделил судьбу страны...» рассказала лишь о судьбах нескольких человек. Истории их жизни непохожи. Они из разных городов и районов, разных национальностей и вероисповеданий... И все же судьба каждого из них типична для судеб многих детей, прошедших через репрессии. Государство целенаправленно сделало их частью своей репрессивной политики.

В ходе работы выставки выяснилось, что она заинтересовала, в первую очередь, учащихся старшего школьного возраста, студентов средних и высших учебных заведений, которые, узнавая о судьбах своих ровесников, сами осмысливали прошлое нашей страны, давали самостоятельную оценку репрессивной политике государства в 1930—1950-е гг.

В заключение хочется отметить, что реабилитация людей, прошедших через репрессии — это не просто необходимый юридический шаг, отменяющий осуждение человека, это, прежде всего, результат понимания государством своей истории. Нашей истории...

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ НМРК

В октябре 2001 г. НМРК отметил своё 90-летие. Родившись в 1911 г., музей постоянно выполнял одну из важных социальных функций — просветительскую.

Однако, несмотря на солидный возраст музея, специализированный просветительский отдел появился в музее в 1957 г., когда была введена в штат должность заведующего сектором научной пропаганды. Возглавила эту работу Кузнецова Евгения Степановна. Комиссия, проверявшая работу музея за 1957 г. отмечала, что «...много сделано в области массовой работы... В 1957 г. силами работников и активистами музея было прочитано 105 лекций (в 1956 г. — 41 лекция), организованы комсомольско — молодёжный лекторий, передвижные выставки и т. д.»

Однако наиболее часто используемым видом просветительской работы был традиционный осмотр экспозиции с экскурсоводом.

Документы 1958 г., хранящиеся в научном архиве музея, констатируют, что с созданием сектора по научной пропаганде (с 1958 г. его возглавляла Цивилёва Тамара Алексеевна) «...массовая работа приняла более плановый характер». Стали проводиться совещания с преподавателями, пионервожатыми, конференции, семинары... Было положено начало заключению договоров на проведение экскурсий; впервые стали проводить экскурсии по городу, пионерские сборы, встречи с участниками Гражданской войны; методические экскурсии со студентами педучилища. 50 различных тем экскурсий проводили научные сотрудники музея.

Из-за сильно возросшего числа экскурсий решено было готовить экскурсоводов из хранителей залов, окончивших 9—10 классов, для проведения экскурсий с дошкольниками и учащимися 1—4 классов. Вот как об этом писала хранитель музея Аня Морозова в новогодней стенной газете (январь 1959 г.): «Идея, подсказанная нам, что мы можем и должны быть не

только простыми хранителями залов, но и экскурсоводами, хотя бы для младших классов, нам очень понравилась. Хорошо также объяснять посетителям, что им непонятно. Сейчас мы уже готовимся к этому. Хочется, чтобы наша работа была полезной для посетителей и нас самих».

С 1959 г. впервые в музее началась разработка тем учебных и внеклассных экскурсий, применительно к учебным программам, а так же планов обслуживания детей в каникулы.

В конце 50-х, начале 60-х годов интерес посетителей вызывали экскурсии под названием «Наш двор». Суть их состояла в том, что ребята одного или нескольких домов приходили в музей на экскурсии под руководством родителей или старших учащихся. Часто родители изучали (с помощью научных сотрудники) экспозицию и сами проводили экскурсию. В этой работе участвовал и женсовет города.

С начала 60-х годов основным видом экскурсий в музее стали тематические экскурсии.

Особой популярностью пользовались экскурсии по темам: «Город, в котором ты учишься», «Человек в борьбе за преобразование природы Севера», «Наука и религия о происхождении жизни на земле», «Любовь, брак, семья в социалистическом обществе» и др.

В 1965 г. была введена в музее должность заведующего отделом массовой работы. Именно в 60-е годы, когда возглавляли отдел Э. С. Логинова, а затем Л. В. Маланина, было введено немало новых (для той поры), интересных форм научно-просветительной работы.

Так, музеем совместно с Управлением железной дороги был организован вагон-музей, обслуживались жители маленьких железнодорожных поселков. Впервые организованы два тематических вечера: «Революционной, боевой и трудовой славы» (на базе СМЗ), на котором присутствовало 500 человек, а в его организации участвовало 117 человек, и «Славься, ленинский комсомол», в котором было занято 140 человек учащихся КПУ, музучилища, артисты театра, ансамбль Сыктывкарского воинского гарнизона. В период летних каникул школьников в детском парке демонстрировались передвижные выставки, по ним проводились экскурсии и т. д.

В 1970-е годы отдел расширился, были введены новые единицы научных сотрудников, и, конечно же, появились новые формы работы: был создан в музее клуб советско-болгарской дружбы, работал кружок по изучению болгарского языка. В 1977 г. при музее был открыт «Клуб ветеранов войны и труда г. Сыктывкара». В составе клуба было три секции: ветеранов гражданской и Великой Отечественной войны, ветеранов труда и секции военно — патриотического воспитания молодёжи. Долгое время бессменным председателем клуба был Д. И. Михайлов. Немало интересных дел клуб осуществлял совместно с работниками музея: пионерские сборы, уроки мужества, встречи со знаменитыми людьми города и т. д. Кроме того, был создан хор ветеранов, которым руководила научные сотрудники музея Е. С. Самарина.

И это сотрудничество продолжается и сегодня, хотя уже давно клуб получил отдельное помещение и существует самостоятельно.

И, конечно, все нововведения это дело рук и души людей, работавших в отделе: В. С. Поповой, И. С. Шейной, Н. А. Зинченко, В. И. Лузяниной, А. И. Андриановой, И. А. Пасынковой и других.

Восьмидесятые годы принесли в научно-просветительную работу музея новые формы работы, новые требования, новые задачи.

В эти годы основным посетителем музея остаётся местное население, большая часть которого — воспитанники детских садов, учащиеся школ, студенты.

И хотя музей имел давние традиции контактов с учебными заведениями, чаще всего ребята посещали музей бессистемно (заказали — пришли). С 1985 г. в НМРК началась работа по созданию первой программы взаимодействия музея — детского сада — школы, которую первоначально мы называли музейным всеобучем, а с течением времени она получила новое название «Музей и культура». (Хотя до сегодняшних дней продолжали и продолжаем проводить по заявкам посетителей традиционные формы работы).

Программа была рассчитана на ребят от 4 до 17 лет. Она делилась на 4 возрастных раздела: дошкольники, начальная, средняя и старшая школа. Для каждой ступени музейного

образования предполагалась своя методика обучения. Программа ставила своей целью объединение усилий музейных работников, воспитателей дошкольных учреждений, школьных учителей в деле воспитания эстетически развитого, обогащенного историческим опытом и знаниями человека.

Тогда были сделаны самые первые попытки проведения игр-экскурсий, экскурсий с элементами игр, театральных праздников.

Именно в это время появились такие интересные игры-экскурсии (они, порой переработанные, изменённые, существуют и пользуются популярностью и сегодня): «Как жили древние люди?», «Деревянных дел мастера», «Как рукодельница семью одевала», «Животные строят» и другие. Основой для их проведения является музейная экспозиция. Т.к. основная масса детских садов, школ города находится далеко от музея, то многие игры-экскурсии были (и есть) и стационарные, и выездные.

Ежегодно программа дополнялась новыми занятиями и музейными праздниками, расширяла свои границы.

И хотя самой разработанной частью её является тематика для дошкольников и начального звена школьников, появились интересные игры-экскурсии для среднего и старшего звена учащихся, например, «Без труда и мастерства — изба крестьянская пуста», «Дело в шляпе», «По следам первобытного человека», «Мы — археологи», «Свадьба народа коми» и др.

Органично влились в программу и театрализованные музейные праздники (которые сегодня стали традиционными): «Путешествие в страну знаний» (праздник первоклассников); новогодние познавательные утренники, которые ежегодно проводятся по экспозициям разных отделов музея; «Масленица»; «Пасха в Усть-Сысольске»; «Рождественские посиделки»; «Игры народа коми»; «Святки» и даже «Свадьба после ЗАГСа» (для молодожёнов).

Музей поддерживает связь с методобъединениями педагогов Управления образования г. Сыктывкара. Ежегодно в музее проходят городские олимпиады по: краеведению, истории, литературе.

Несмотря на ту огромную работу, которая была проведена, сегодняшняя жизнь, изменения, произошедшие в стране, выдвинули новые требования к просветительной работе

музеев. Сегодня педагоги школ республики используют в своей работе 12 различных программ и музей не может не учитывать их особенностей. Поэтому в музее сегодня ведётся работа по созданию новой программы взаимодействия музея — детского сада — школы — ВУЗа, которая будет качественно отличаться от той первой программы, отработавшей на сегодняшний день своё, принеся качественные изменения в научно-просветительную деятельность музея.

Да и сам научно-просветительный отдел изменился. Он делится на два сектора: сектор музейной педагогики и экскурсионно — массовый. В штат отдела влились новые, молодые, энергичные и талантливые научные сотрудники. Планы отдела велики: это и создание в музее кукольного театра и подготовка цикла занятий для молодых родителей по воспитанию детей; уже сегодня ведётся работа с детьми с ограниченными физическими возможностями; проведена большая работа (совместно с отделами маркетинга и информационных технологий) по созданию компьютерной программы учёта научно-просветительной работы музея (по всем параметрам: категориям, тематике и т. д.). А сам отдел в 2002 г. будет отмечать своё 45-летие со дня официального образования в составе музея. И мы планируем впервые в музее организовать праздник, посвящённый этому событию.

Л. В. Познянская
Айкинский центральный краеведческий музей
с. Айкино
Е. М. Лаптева
Институт биологии КНЦ УрО РАН
г. Сыктывкар

ЛЕТНИЕ ЭКСКУРСИИ КАК ФОРМА РАБОТЫ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СО ШКОЛЬНИКАМИ

Экологическое образование школьников, формирование ответственного отношения к природе и рациональному использованию её богатств — важнейшая проблема современности. Одной из форм экологического образования, неформализованного школьным учебным процессом, может стать разработка маршрутов экологических троп (ЭТ), предусматривающих проведение экскурсий, полевых практикумов, краткосрочных наблюдений за объектами живой природы для ребят, принимающих участие в работе выездных экологических лагерей и детских школьных площадок в летнее время.

Нами предложено несколько маршрутов ЭТ, учитывающих уровень знаний и возможностей всех возрастных ступеней школьников. Цель данных маршрутов — познакомить учащихся с видовым разнообразием и условиями жизни растений луга, продемонстрировать различия во внешнем облике растений, близких систематически, а также виды адаптации, показать хозяйственную значимость лугов, дать им оценку. Использование разработанных нами маршрутов ЭТ призвано решить следующие задачи:

- ознакомить со строением долины реки и современными русловыми процессами (водораздел, долина реки, пойменная и надпойменные террасы, прирусловая, центральная, притеррасная части поймы, особенности отложения паводкового аллювия на поверхность пойменной террасы, связь строения пойменных почв с поемностью и аллювиальностью);

- ознакомить учащихся с природным биоразнообразием растительного и животного мира пойменных экосистем, их связью с экологическими условиями местообитаний (в процессе экскурсий и полевой практической работы должны быть

усвоены такие понятия, как экосистема, биогеоценоз, вид, популяция, плотность популяции, учет численности популяции; доминанты, содоминанты, редкие и охраняемые виды, ксерофиты, мезофиты, гигрофиты, агроботанические группы растений: злаки, разнотравье, бобовые, осоки, хвощи; длиннокорневидные, рыхлокустовые, плотно кустовые злаки);

- оценить современное состояние растительного покрова в пойме р. Вычегды и предложить рекомендации по охране и рациональному использованию растительных сообществ.

В процессе подготовки маршрутов для ЭТ выделены и описаны в пойме р. Вычегда все типы луговых фитоценозов и ивняков, установлены закономерности их распределения по генетическим областям пойменной террасы с учетом поемности, аллювиальности, дренированности территории и типа почвы, составлена карта растительности поймы р. Вычегда в окрестностях с. Айкино. При разработке мероприятий по рациональному использованию и охране естественных лугов первостепенное значение приобретают флористические критерии, когда кормовые угодья оцениваются не только по количеству зеленой массы и сена, получаемых с единицы площади, но и по видовому составу растений. В качестве оптимального способа сохранения уникальных и типичных луговых экосистем предлагается организация заказников и памятников природы с регламентируемым режимом использования травостоя. В работе со школьниками преобладают экскурсионные формы занятий (однодневные экскурсии) с целью ознакомления детей с природными объектами самых крупных лугов Шежамским и Няшинским в окрестностях с. Айкино, а в средних и старших классах — многодневные летние практикумы. Исследования школьников, проводимые в ходе экскурсий и практикумов, направлены на более полное выявление видового состава растений пойменных лугов, мест произрастания уникальных и типичных луговых фитоценозов, на определение современного состояния и направленности антропогенной трансформации растительного покрова, а также имеют образовательно-просветительское значение для краеведения и природоохранных целей.

МУЗЕЙНЫЙ АБОНЕМЕНТ «ШКОЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВЯТКИ» В КИРОВСКОМ МУЗЕЕ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В 2001—2002 учебном году с целью повышения эффективности музейной деятельности, ее социальной значимости Кировским Областным музеем истории народного образования в план просветительной и воспитательной работы был введен музейный абонемент «Школьные традиции Вятки», рассчитанный на разные возрастные группы (младшие школьники, учащиеся среднего звена, старшеклассники, студенты лицеев и колледжей). Его задачей ставится попытка создать у учащихся целостное представление о развитии системы народного образования в Вятском крае, специфике учебных заведений, содержании учебного процесса, преемственности традиций школ прошлого и современности.

Непосредственное общение с памятниками истории и культуры, музейными и личными архивами, документами способствует появлению интереса к феномену «школа», уважения к учительскому труду и памяти предшествующих поколений, а также знакомит с судьбами выдающихся земляков, связанных с делом народного просвещения.

Структура музейного абонемента предполагает цикл занятий, проводимых ежемесячно в течение учебного года. Намечающаяся тематика музейных уроков предварительно оговаривается с педагогом, может варьироваться по его выбору и желанию учащихся, дополняться уроками-экскурсиями по школьной программе, насыщаться учебно-познавательными экскурсионными поездками по городу, области, стране.

Введению музейного абонемента в учебный процесс предшествует его презентация на родительском собрании (для учащихся школ). При беседе акцент делается на развивающие (эмоционально-познавательную сферу, творческую деятельность ребенка) и воспитательные возможности данного типа музея, уникального по своей природе и в своей экспозиции тесно

связанного с вопросами школы, образования. Раскрываются ставшие насущными проблемы восприятия визуально-пространственной среды и степени подготовленности детей к усвоению языка культуры, в частности предметного. Музейный абонемент направлен на снятие комплекса «ненужности, скучности» музея, развитие музейной культуры личности, понимание ее необходимости. Оговаривается план занятий, массовых мероприятий, условия их проведения.

Цикл занятий для любого возраста начинается с урока-презентации, в ходе которого раскрываются основные цели музейного абонемента, неповторимость музея истории народного образования, совершается экскурсионная прогулка по залам с показом наиболее интересных экспонатов. Рассказ по экспозиции оживляют проблемные вопросы (например: Какое изобретение для человеческой цивилизации стало самым важным и почему? В школу какого времени вам было бы интересно совершить виртуальное путешествие?), возможность полистать старинные учебники, подержать некоторые экспонаты в руках и привести их в действие. Экскурсионную прогулку делают запоминающимися минивикторины (например, о назначении вышедших из употребления канцелярских принадлежностей), отгадывание загадок школьной тематики из дореволюционных изданий, концерт-экспромт на старинном пианино, игры («Старый портфельчик»). Первое знакомство с музеем для учащихся среднего, старшего звена завершается анкетой-диагностикой:

1) Нужен ли мировому сообществу данный тип музея? Для чего? Кому именно? А для Вас?

2) Какую самую интересную информацию получили от музейного занятия?

3) Что больше всего привлекло Ваше внимание в ходе экскурсии?

4) Какие еще Вы знаете музеи города, имеющие отношение к делу просвещения?

Характер и содержание последующих занятий определяется для учащихся школьной программой, для студентов колледжей, училищ — планом массовой работы этого учебного заведения.

Занятия для младших школьников ориентированы на конкретное знакомство с подлинными вещами, материалами,

на самостоятельные действия с предметами. Тематика занятий также конкретна (например, «Из истории школьных вещей», «Мир детства прабабушек и прадедушек по книге Е. А. Ждан «Из далекого прошлого» (от круга чтения, игр до моды, увлечений)», «Семейные школьные реликвии»). Ведущими методами с детьми младшего школьного возраста остаются игра, выбор социальных ролей, практическое манипулирование с предметами, самостоятельная исследовательская деятельность, которые реализуются в проведении экскурсии-игры, викторины, командных соревнованиях, творческих заданиях, праздниках.

Детская аудитория с удовольствием откликается на игру «Крестики-нолики», с правилами которой хорошо знакома. Музейный вариант отличается тем, что, во-первых, итоги игры подводятся дважды (по первой диагонали-вертикали-горизонтали и по общему числу символов), во-вторых, за каждым игровым полем скрывается задание, основанное на использовании предметов фонда, экспозиции. К примеру:

- решение задачи из старого учебника;
- отгадывание загадок и шарад, опубликованных в журнале «Детский отдых» (кон. XIX века);
- расшифровка пословиц, представленных словами — «перевертышами» («Дилетант — чугунные ноги» — «Мастер — золотые руки»);
- определение какого-либо животного по описанию из «Моей первой естественной истории» и при помощи старинных иллюстраций;
- представление школьных предметов из старых портфелей пантомимой;
- составление расписания уроков, имевших место в дореволюционной школе;
- угадывание в «канцелярском магазине» (оформлен мини выставкой) вещи, невозможной в продаже 100 лет назад и др.

Интересно для младших школьников мероприятие «Мир детства наших прабабушек и прадедушек», героем которого является книга нашей землячки Е. А. Ждан (Спицыной) «Из далекого прошлого»¹. Подиум большого зала музея, где проводится мероприятие, оформляется тематическими мини-комплексами (игрушки, мода (фотографии, обувь, аксессуары), круг чтения (детские издания, журналы, беллетристика), детали детского интерьера (кресло-качалка, столик) рубежа XIX—

XX веков). Материал для беседы, взятый из книги, о детских увлечениях, играх, забавах, легендах, мечтах, особенностях моды для детей и даже о существовавших сладостях чередуется с выразительным чтением стихов, рассказов Екатерины Андреевны и создает атмосферу мира детства 150-летней давности.

Для учащихся же среднего звена практические занятия сочетаются с теоретическими. Их содержание затрагивает уже вопросы своеобразия учебных заведений старой Вятки, судьбу известных вятских учителей и педагогических династий. Формы учебных занятий разнообразны: от экскурсионной прогулки до лекции-концерта, от беседы до викторины. С этого звена начинается формирование умения работать с источниками краеведческой информации, творческие способности учащихся реализуются в написании эссе, мини-сочинений, составлении ассоциативного ряда, в заданиях по подготовке утренника, праздника. Некоторые практические задания выполняются в персональных тетрадях-альбомах.

Значительной творческой отдачей требует от ребят мероприятие «День открытых дверей в Вятском городском училище». Эта необычная по форме экскурсия, так как путеводителем ее является старинная книга учителя-инспектора И. Деренкова², совершается она не только по экспозиционным залам, но и по всему зданию и сочетается с элементами викторины, выполнением творческих заданий. В целом занятие вводит учащихся в историю данного типового учебного заведения дореволюционной России, разъясняет его специфику, знакомит с работавшими в нем педагогами, выпускниками, выявляет школьные традиции, дошедшие и до нашего времени.

Также на данной возрастной группе успешно апробирована игра-викторина «О, счастливчик!» по мотивам известной телепередачи. Участники проходят отборочные туры, обладают тремя подсказками (помощь зала, «звонок» другу (игрушечный мобильный телефон), исключение одного варианта ответа из трех предложенных). Круг вопросов отражает специфику музея и подразумевает ранее полученные на музейных занятиях знания.

Старшеклассникам, студентам колледжей материал по школоведению, истории становления системы народного образования, традиционных школьных праздниках, меценатах про-

свещения предлагается в форме лекций, экскурсий. На занятиях используются методы ассоциативных связей, ролевой игры, театрализации, самостоятельной поисково-исследовательской деятельности. Практически все эти методы реализуются в ярком музейном празднике «Бал в прозоровском доме»³. За театрализованным началом (встрече гостей «мажордомом» и ведущей вечера) следует концерт, в котором исполнение традиционной бальной музыки (полонез, вальс, мазурка), вокальных произведений — романсов — чередуется с рассказом о культуре и традиции бала. Проводится игра «Модная штучка» (по описанию предлагается отгадать бальный аксессуар (веер, колье и т. д.)). Далее «мажордом» приглашает гостей на чаепитие, после которого проводятся игры «Фанты», «Самый-самый», «Бальная почта» (послания и сюрпризы готовят сами учащиеся). Музей заинтересован в том, чтобы концерты камерной классической музыки, презентация краеведческих новинок для этой возрастной категории стали традиционно избираемыми.

При успешной реализации программы музейного абонемента с данным классом, группой возможно взаимное сотрудничество и на следующий учебный год. При составлении тематики занятий и учитываются пожелания самих учащихся. Им предлагается расширить знания о других музеях города, области, имеющих непосредственное отношение к делу народного образования, прослеживающих в своей истории сподвижничество вятских просветителей, ученых, исследователей. К примеру, интересно в этом плане будет посещение Музея истории крестьянства в Котельничском районе, Музея истории энергетики.

В плане дальнейшего становления музейного абонемента как ведущей формы массовой работы МИНО важны: разработка его рекламной подачи; дифференцированное составление плана занятий в соответствии со спецификой группы, ее профессиональной принадлежности, уровнем подготовленности к восприятию музейной культуры; сотрудничество в плане консультаций, лекций со специалистами музееведения, архивоведения, преподавателями ВУЗов для освещения дополнительных тем по истории российского просвещения; разработка психологической диагностики сформированности основ музейной культуры.

Музейный абонемент о школе универсален для внедрения в учебный план образовательных учреждений различных регионов страны, может быть взят в качестве основы для программ дополнительного образования. В плане совершенствования музейного абонемента аналогичной направленности необходим диалог педагогов, работающих по данному направлению.

1. Ждан (Спицына) Е. А. Из далекого прошлого. — Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 1999.
2. Деренков И. Вятское городское четырехклассное училище. Краткий очерк его жизни и учебно-образовательной деятельности. — Вятка, 1900.
3. Во 2-ой половине XIX века дом, ныне в котором располагается музей, принадлежал I-ой гильдии купцу, потомственному почетному гражданину, коммерции советнику Я. А. Прозорову.

«ОЛІСНЫ-ВЫЛІСНЫ ГОЗЬЯ...
ЖИЛА-БЫЛА ПАРА...»

(Новая этнографическая экспозиция Национального музея,
Лауреат премии Правительства РК за 2002 г.
в области культуры).

В конце 2001 г. в Национальном музее Республики Коми совершилось маленькое предновогоднее чудо — была достроена новая этнографическая экспозиция *«Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX—начале XX вв.»*¹ В ее основу был положен сказочный сюжет, по которому вся богатая духовная и материальная культура народа коми раскрывается через взаимоотношения Мужчины и Женщины, основных ее создателей. Созданные нами разделы и комплексы выстраиваются по принципу охотничьего путика, тропы, на которую охотник, главный герой сказок коми, ставит ловушки на зверей и птиц. В экспозиции — это жизненный путь пары. Условно-сценические комплексы — «Любовные игры», «Свадьба», «Рождение детей», «Охотничьи уголья», «Дом — полная чаша», «Святочные гадания» — отражают наиболее значимые события на этом пути.

В своей экспозиции мы стремились отойти от традиционного показа культуры народа только через ее материальную сторону (хозяйственные занятия, промыслы, одежда, утварь, предметы народного искусства и т. д.). Мы хотели показать ее через обряды жизненного цикла, которые определяли весь путь человека от его рождения до самой смерти. Еще одним новшеством, которое авторы попытались осуществить, стало создание условно-сценических комплексов по фольклорным сюжетам, описаниям обрядов. Естественно, что наряду с этим присутствовали и ансамблевый метод создания комплексов, и тематический, и коллекционный показ экспонатов. Мы всеми своими силами пытались построить такую экспозицию, в которой бы предметы, с любовью созданные нашими предками,

ожили, получили, выйдя из запасников, свою новую — музейную — жизнь. Авторы стремились создать экспозицию, обращение к которой помогало бы постичь мудрость и знания предков и превратить эти знания в мощь и силу будущих поколений.

Начинается наша экспозиция с раздела, рассказывающего о большой семье финно-угорских народов, в которую входит народ коми. Открывающая этот раздел карта показывает ареалы расселения финно-угорских этносов.

Основным хранителем языка, традиций, источником продолжения жизни любого народа является семья. Финно-угорские народы не являются исключением из этого правила. Каждый из них за время своей истории выработал свои специфические, только ему присущие формы народной культуры. Это наглядно демонстрируют уникальные «семейные портреты» — фотографии конца XIX—начала XX вв., размещенные в экспозиции.

Расположенные в витринах археологические находки (оружие и орудия труда, бытовые предметы и украшения) из раскопок памятников эпохи средневековья воссоздают образы наших пращуров — древних коми, свидетельствуют о том, что наши предки поддерживали оживленные этнокультурные контакты с другими народами финно-угорского мира, были его неотъемлемой частью. Наиболее ярко это проявилось в украшениях женского костюма, многие детали которого отражали общую моду финно-язычного населения эпохи средневековья.

Уникальным явлением в древней культуре финно-угорских народов Приуралья и Западной Сибири является «пермский звериный стиль». Представленные в витринах изображения медведей, птицы с человеческой личиной на груди, человека с головным убором в виде головы животного, семейной пары с ребенком вводят нас в мир языческих представлений наших предков. Традиции первобытного искусства, его образы нашли свое дальнейшее развитие в изображениях на металлических и костяных деталях поясов и оленьей упряжи, бытовых предметах XIX—XX вв.

Завершают первый раздел экспозиции фигуры деревянных идолов — мужчины и женщины, привезенные с берегов Северного Ледовитого океана. Длительное время они «помогали» коми и ненецким оленеводам в их нелегкой кочевой

жизни. В музейной экспозиции они обрели новую жизнь, символизируя «священный мир предков».

Второй раздел экспозиции «Выбор пары в традициях коми» рассказывает об одном из ответственных шагов в жизни любого человека — выборе своего суженого (суженой). Раздел состоит из двух комплексов. За основу первого из них взята игра сысольских коми «Жыйцм-вийцм» — «Охота». Игра проводилась после окончания сенокоса — в Ильин день. Суть ее заключалась в том, что парень должен был догнать девушку и выхватить у нее из рук платок, получив в награду поцелуй. Подруги с помощью стожар препятствовали «охотнику» в достижении цели. В музейном варианте этой игры участвуют представители разных уголков земли Коми. На манекенах, выполненных с учетом существующих антропологических типов коми народа, показаны традиционные костюмы конца XIX—начала XX вв. вычегодских, прилузских, вымских, удорских коми.

Еще один сюжет раздела раскрывается в условно-сценическом комплексе «Йиркап и голубой олень», созданном на основе легенды, записанной К.Ф. Жаковым. Юноша-охотник гонится за голубым оленем, который в ходе развития сюжета превращается в прекрасную девушку — невесту. Ученые полагают, что эта легенда является одним из вариантов мифа о «небесной охоте». В связи с этим комплекс-сцену «Йиркап и голубой олень» органично завершает символическое изображение «Млечного пути», который коми называли «Утиная дорога». «Млечный путь» символизируют рыболовные сети и солонки-утицы, выполненные коми мастерами в начале прошлого столетия.

Характеристике одного из важнейших событий в человеческой жизни — свадьбе посвящен третий раздел экспозиции «Свадьба народа коми. Заповеди духовного благополучия рода». Для раскрытия темы, на основе описания свадьбы удорских коми в конце XIX—начале XX вв., создан комплекс-сцена «Отъезд молодых к венцу». Показан свадебный поезд, в котором участвовали жених и невеста, их родители, крестные отец и мать, дружки, подруги. Перед отъездом родители благословляли молодых иконой и караваем хлеба. Красоту, яркость и значимость свадебного обряда передают иконы,

деревянные скульптуры ангелов, тканые полотенца, праздничные костюмы удорских коми, поддужные колокольчики, разноцветные шали, расписные свадебные сани. Прекрасным фоном для всего комплекса является изображение деревянной церкви. Все эти экспонаты создают атмосферу праздника, которая сопровождала весь свадебный обряд... Вот-вот экспонаты оживут и свадебный поезд тронется в дорогу, ведущую жениха и невесту к новой жизни.

Связан с этим разделом «пивной комплекс». Как известно без этого напитка (коми название «сур») не обходилось ни одно важное событие в жизни жителей сел и деревень. Размещенные здесь экспонаты (чан, глиняная корчага для варки пива, ковши, воронки и фильтры, бочонок для пива и кваса, пивные лагуны) повествуют посетителям о традициях пивоварения у населения Коми края. Привлекают внимание посетителей расписные братины, в которых сур подавался на стол.

«Материнская любовь в культуре коми. Дети — новые ростки крестьянской жизни» — так называется следующий раздел экспозиции, рассказывающий об отношении коми крестьян (прежде всего женщин — матерей) к детям, их воспитанию. Вводит посетителей в мир детства коллекция колыбелей из собрания НМРК, помещенная под мягкий полог из домотканых холстов.

Особую роль в родильной обрядности, в обрядах связанных с лечением больного ребенка играла баня, в которой по поверьям обитали особые банные духи. Этой теме посвящен комплекс «Баня в традиционной культуре коми». В созданной для экспозиции настоящей избушке-бане представлены банная утварь, мужская и женская одежда, тканые полотенца. Чаще всего женщины рожали детей в бане, которая по поверьям находилась на границе мира живых и мира предков, и в силу этого служила своего рода домашним святилищем. О бане как о домашнем святилище рассказывают набор оберегов роженицы и предметы, используемые при лечении детей (хомут, решето, серп, корыто, веник, топор). Эти предметы помогали знахарю при лечении детей магическими способами. Когда же магические предметы знахарства и колдовства не помогали, то коми крестьяне обращались к почитаемым христианским иконам и святыням, ставили в благодарность за избавление от

бед обетные кресты. Об этом обычае в музейной экспозиции рассказывают фотографии обетных крестов из сел Ижма, Дон, Усть-Нем, Усть-Кулом, Мыелдино.

Сценический комплекс «Женщина коми — полновластная хозяйка дома» дает посетителям представление о роли женщины в семье. В условиях, когда мужчины длительное время отсутствовали на промыслах в коми семье практически все заботы о доме, детях и стариках ложились на женские плечи. За основу раскрытия темы взят сюжет, записанный В. П. Налимовым сказки, о женщине и трех горшках, по которой женщина сама создает свой дом, семью, благополучие. Три горшка имеют, в соответствии с содержанием сказки, особое значение. Один из них наполнен деньгами — символ благополучия, достатка в доме, второй — холстами, являющимися символом нарядов, красоты. Третий — должен привлечь в дом мужчину-хозяина. Сюжет раскрывается при помощи коллекции глиняной посуды из собрания нашего музея.

Один из исследователей быта коми народа в XIX столетии писал, что «если бы нужно и можно было писать историю зырян, то надо бы было писать историю их охоты». На протяжении тысячелетий охотничье-рыболовческий тип хозяйства был господствующим на земле Коми, давал основные продукты для обеспечения жизнедеятельности людей. Знакомит с развитием охоты и рыболовства пятый раздел экспозиции «Мужчина коми в своих охотничьих угодьях». Экспозиционный материал скомпонован в три комплекса-сцены: «Речные угодья», «Угодья в лесу» и «Охотничья избушка». Экспонаты (лодка-долбленка, лоток для сетей; рыболовные сети, остроги, рыболовушки) первого из них рассказывают о занятиях коми крестьян рыболовством. В комплексе «Угодья в лесу» представлены снаряжение охотника (одежда, ружье кремневое, портупец с пороховницей и дробницей, с мерками для пороха и дроби), ловушки для зверей и птиц (слопец, кляпцы, силки, сеть для ловли горноста). Последний комплекс-сцена знакомит с устройством традиционной охотничьей избушки, ее интерьером, охотничьим и рыболовным снаряжением. Экспонируются охотничьи лыжи и сани, койбедь, капканы и ловушки, орудия для ботания, охотничьи трофеи, деревянная и медная посуда. О мировоззрении коми охотников рассказывают литая

икона-складень, амулеты-обереги из костей рыб и животных, призванные помочь в промысловой деятельности.

Дом — место, где рождается и формируется как личность человек, первые представления о родной земле связаны у любого человека с домом. Каждая семейная пара стремится создать свой дом, пространство любви и счастья для себя и своих детей. У коми крестьян в конце XIX—начале XX вв. таким пространством был большой срубный дом, с двумя, а то и с тремя жилыми избами и хозяйственным двором под одной крышей. Значение дома как центра духовной и хозяйственной жизни семьи раскрывает шестой раздел экспозиции «Дом — полная чаша. Духовные традиции крестьянской семьи коми». Создано три комплекса. Главный из них — «Зимняя изба». Воспроизведен интерьер традиционного жилого помещения народа коми. Оно разделено на мужскую и женскую половины, обе из которых дополняют друг друга и вместе характеризуют жизнь семьи. В красном углу размещены особо почитаемые населением края иконы — «Спас на убресе», икона «Казанской Божией Матери», «Святитель Николай». Перед ними — полотенце, свечи, лампадка. Интерьер избы воспроизведен в момент празднования Светлого Воскресения Христова — Пасхи, поэтому на залавке — форма для приготовления пасхи. Присутствие детей создает комплекс с колыбелью, детскими игрушками, одеждой. В углу — шкатулки для рукоделия, мужская и женская одежда. Рядом с печкой, на полке посуда, утварь. В комплексе «Сени» показаны фотографии традиционных жилых построек коми в конце XIX—начале XX вв. Чрезвычайно насыщен экспонатами, рассказывающими о хозяйственной деятельности коми крестьян, третий комплекс «Хозяйственный двор». Здесь представлены сани, орудия для обработки почвы и уборки урожая, льна, шерсти, ткацкий стан, коробка и кадки для хранения припасов, трепала и рубели, туеса и лукошки для сбора «даров леса», подойник, ножницы для стрижки овец, верстак с многочисленными столярными и плотничскими инструментами.

Седьмой раздел экспозиции «Рождество Христово у коми в конце XIX—начале XX вв. Смерть — завершение жизненного цикла. А жизнь продолжается...» Раздел состоит из трех комплексов. Первый из них дает представление о праздни-

вании в Коми крае одного из основных христианских праздников. За основу раскрытия сюжета взяты записанные К. Ф. Жакковым и А. С. Сидоровым легенды о святочных гаданиях с покойником. Воспроизведен интерьер старой, заброшенной избы, в которой выставлены иконы, традиционная мебель и домашняя утварь. На лавке с зеркалом в руках лежит колдун. Рядом три брата, ожидающие предсказаний. За стенами избы как символ рождественских праздников, света новой жизни развешены рождественские фонарики.

Напротив располагается фотокомплекс, рассказывающий о похоронно-поминальной обрядности народа коми. Он представлен подлинными фотографиями конца XIX—начала XX вв.

Комплекс «Рождество Христово ...» органично переходит как результат предсказания судеб в комплексы «А жизнь продолжается ...» и «Одинокий странник».

Небольшой комплекс «Одинокий странник» показывает душу мятущуюся между старым и новым, что лаконично передано в образе символического леса прялок и веретен, в котором заблудились и не могут найти друг друга Он и Она. Присутствие мужчины символически обозначено парой чулок с «мужским орнаментом», а женщины — верхневычегодским головным убором-сборником.

«А жизнь продолжается ...» — так называется комплекс, рассказывающий в нашей экспозиции о будущем крестьянской семьи. В воспроизведенном интерьере крестьянского дома в красном углу выставлены иконы конца XIX—начала XX вв., на залавках и полках размещены посуда и бытовые предметы. Здесь же — ткацкий стан, как символ «детей и внуков» на стенке вывешены вязаные детские рукавички. О коми народе, его будущем — детях рассказывают фотокомплексы «Семьи коми» и «Дети коми». Этот комплекс имеет свою особенность. Он предназначен для проведения занятий (в том числе по работе с берестой, ткачеству), поэтому он построен по принципу открытого доступа. Каждый присутствующий здесь предмет посетитель может, что называется, потрогать руками для того, чтобы понять технику его изготовления, поработать на ткацком стане.

Еще одной находкой нашей экспозиции является открытый показ коллекций тканых и вязаных изделий мастериц из различных уголков земли Коми. Теперь каждый посетитель, будь то ученый, студент или просто любознательный человек может познакомиться с секретами их мастерства не прибегая к бумажкам с «магическими разрешающими подписями».

«Священный мир предков» в народном искусстве коми представлен коллекцией прялок из собрания нашего музея.

Обращение к прошлому жизненно важно для любого народа. Каждый старинный предмет в экспозиции это особый рассказ о жизненном пути наших дедов-прадедов, их радостях и скорбях. Из мира предков нити сказочных сюжетов ведут в будущее, передавая мудрость человеческой души, умение жить в мире и согласии...

1. Сотрудники музея выражают свою благодарность нашим спонсорам «Институту Открытое Общество» и всем людям, которые внесли свою творческую энергию в создание экспозиции.

МУЗЫКА ЕГО ЖИЗНИ...

*(К 80-летию со дня рождения композитора
А. Г. Осипова)*

«Что касается... родственных с народной песнью приемов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства проникся неизъяснимой красотой характеристических черт... народной музыки...» — писал в позапрошлом веке всемирно известный русский композитор П. И. Чайковский.

Народная музыка на протяжении долгого времени являлась источником творчества многих выдающихся композиторов.

В XX веке на её основе начало формироваться профессиональное региональное музыкальное искусство Советского Союза. С 40-х гг. прошлого века начинается история профессионального музыкального искусства Республики Коми.

Время зарождения профессионального музыкального искусства Коми пришлось на 40—60-е гг. XX века. Это двадцатилетие было чрезвычайно насыщенным в истории нашей страны и республики: Великая Отечественная война 1941—1945 гг., тяжелые годы послевоенного восстановления, общественный и культурный «ренессанс» 60-х годов.

Казалось, жизнь в те годы складывалась вопреки: вопреки всем трудностям и преградам развивалась культура, появлялись личности, чьи имена вошли в историю музыкального искусства республики. Среди них имя первого профессионального коми композитора Александра Георгиевича Осипова (1923—1973).

15 марта 2003 года исполнилось 80 лет со дня рождения композитора А. Г. Осипова. Накануне этой памятной даты в Национальном музее Республики Коми открылась выставка «Музыка жизни», рассказывающая о жизни первого профес-

сионального композитора и о страницах истории профессионального музыкального искусства республики.

На выставке представлены подлинные документы, фотографии, уникальные личные вещи А. Г. Осипова. В коллекции музея они появились благодаря родственникам композитора. В ряду наиболее редких экспонатов можно назвать скрипку и печатную машинку А. Г. Осипова первой половины XX века, семейные фотоснимки довоенного периода.

Александр Осипов, пожалуй, самая неординарная фигура в коми профессиональной музыке. По воспоминаниям современников, он был очень беспокойным человеком. Вот крайние точки его жизни: место рождения — село Сторожевск Усть-Куломского (ныне Корткеросского) района Коми АССР, место смерти — город Москва. Начало жизни — воспитанник Усть-Куломского детского дома, финал — доцент Московской консерватории. Судьба вела его трудным, извилистым путем.

Александр рано вступил в самостоятельную жизнь. Отец оставил семью, когда Саша был совсем маленьким. В трудные 30-е годы на руках у матери осталось трое детей: Саша и две сестры Мария и Рая. В семье любили пение, поэтому все дети рано приобщились к музыке; хорошо играли на гитаре и балалайке.

В конце 1930-х годов Саша поступил в Вологодское музыкальное училище, где он обучался игре на домре. Параллельно он осваивал скрипку — один из самых сложных музыкальных инструментов.

Война резко повернула весь его жизненный путь. В 1941 году Александр Осипов ушел на защиту Родины, служил в саперном батальоне. На фронте Александр Георгиевич был тяжело ранен и уже не мог быть музыкантом-исполнителем (ранение повредило левую руку).

Для музыканта Осипова — это была большая трагедия, но желание состояться в музыке не покидало его. В 1947 году А. Осипов поступил учиться в Горьковскую консерваторию; продолжил свое образование дирижера-хоровика в Московском музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных; закончил его в аспирантуре Московской консерватории у профессора Клавдия Борисовича Птицы.

Одной из заслуг музыковеда А. Г. Осипова является то, что он открыл мир коми музыки для широкой публики; ввел

ее, а также коми-пермяцкую и удмуртскую музыку, в финно-угорский и российский контексты¹.

В 1965 году А. Г. Осипов защитил кандидатскую диссертацию «Песни народа коми». Годом раньше вышла книга с одноименным названием. В 1969 году увидела свет книга «О коми музыке и музыкантах». Эти книги стали результатом большой собирательской и исследовательской работы. В них Осипов — искусствовед впервые в истории коми музыковедения проанализировал вклад каждого коми композитора в развитие коми музыки, рассказал о первых исследователях коми народной музыки².

Собирание коми народной песни и музыки способствовало развитию композиторского таланта А. Г. Осипова. В 50—60-е гг. XX века его песни звучали в репертуаре многих коллективов. Одним из самых ярких и профессиональных среди них был Ансамбль песни и пляски Коми АССР (ныне — Государственный ансамбль песни и танца Республики Коми «Асья кыа»). В этом легендарном коллективе накануне войны музыкантом щипковой группы начинал свой творческий путь Александр Георгиевич Осипов.

В ансамбле получали первые уроки профессионального мастерства многие известные в будущем деятели коми музыкального искусства. Среди них Я. С. Перепелица — автор музыки первого национального балета «Яг Морт», В. В. Есева — на протяжении нескольких десятилетий «золотой» голос республики, А. Т. Исакова — педагог Республиканского училища искусств более чем с 30-летним стажем, руководитель Ансамбля народных инструментов училища и др.

На фотографиях и афишах 40—60-х гг. XX века из фондов Национального музея, представленных на выставке, — история Ансамбля песни и пляски Коми АССР, история людей ансамбля, первые шаги легендарного коллектива.

Важным этапом для формирования профессиональных основ коми музыкального искусства было создание первых музыкальных учебных заведений. В 1939 году в Сыктывкаре открылась музыкальная школа. Это было первое учебное заведение в республике, где можно было овладеть мастерством игры как на народных, так и на классических инструментах.

Заметным в истории культуры региона стал военный 1943 год: в республике появилось сразу два музыкальных уче-

бных заведения — Воркутинская музыкальная школа и Республиканское музыкальное училище.

В училище принимали детей с 7-го класса общеобразовательной школы. С 1943 по 1946 годы училась в училище по классу домры Аня Исакова. В 1950-е годы она закончила Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. Анна Трофимовна Исакова более 30-ти лет проработала преподавателем Сыктывкарского музыкального училища (ныне Республиканского училища искусств). С 1954 по 1989 год А. Т. Исакова руководила ансамблем народных инструментов при училище. Среди ее учеников были известные исполнители на народных музыкальных инструментах. Ансамбль народных инструментов Республиканского училища искусств и по сей день является хорошей школой для будущих профессиональных музыкантов.

Значительным этапом в становлении профессионального музыкального искусства республики стало создание музыкального театра. Открытие первого сезона Коми республиканского музыкально-драматического театра состоялось 26 августа 1958 года премьерой оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Открытие театра стало крупным событием в культурной жизни города и республики. Ежегодно труппой театра осуществлялось по несколько классических постановок. Вслед за «Евгением Онегиным» со сцены зазвучали другие шедевры мирового и русского оперного искусства: «Севильский цирюльник» Россини, «Фауст» Верди, «Русалка» Даргомыжского, «Травиата» Верди, оперетты: «Поцелуй Чаниты» Малютина, «Летучая мышь» Штрауса, «Белая акация» «Вольный ветер» Дунаевского и др.

Одновременно театр вел работу с композиторами и авторами-либреттистами над созданием своих оригинальных произведений. В 1961 году на сцене театра с успехом прошла премьера первого коми национального балета «Яг Морт».

Музыку к балету «Яг Морт» написал композитор Яков Сергеевич Перепелица. Я. С. Перепелица приехал в Сыктывкар в 1935 году, где получил образование сначала в музыкальной школе, потом в музыкальном училище как баянист. С 1942 по 1956 год он работал концертмейстером в Ансамбле песни и пляски Коми АССР. Частые гастроли по районам республики, записи народных песен способствовали пробуждению ком-

позиторского таланта Якова Сергеевича. Тогда же появились первые сочинения: обработки народных песен для хора, баяна, первые авторские песни.

В первый же год открытия театра в Сыктывкаре Я. С. Перепелице было предложено написать музыку к балету, в которой бы гармонично сочетались национальный колорит и профессиональная классическая подача материала.

Музыковед А.Г. Осипов, анализируя применение элементов коми народной музыки и песен в музыкальных произведениях крупных форм, писал о балете «Яг Морт» следующее: «Я. Перепелице удалось написать оптимистическую, жизнерадостную музыку. Мелодии балета очень «танцевальны». Здесь сказался опыт, накопленный за время работы в Ансамбле песни и пляски Коми АССР, где он был концертмейстером и нередко сочинял музыку для хореографических сцен, участвуя в концертных поездках по республике, он хорошо изучил народное творчество, собрал много песен. В балете широко претворены элементы коми фольклора»³.

Балет «Яг Морт» имел огромный успех. Оригинальный сюжет и колоритная музыка балета вызвали интерес у зрителей не только Коми АССР, но и таких крупных городов как Архангельск, Вологда, Киров, Ижевск. Пять спектаклей были показаны на сцене Кремлевского театра в Москве. «Яг Морт» транслировался по всесоюзному телевидению.

Балет «Яг Морт» на протяжении трех десятилетий шел на сцене музыкального, ныне Государственного театра оперы и балета Республики Коми. Первый балетный спектакль на национальную тему «Яг Морт» и по сей день остается одной из самых ярких работ театра.

По словам Я. С. Перепелицы «именно музыкальный театр активизировал композиторскую работу в республике, заставил обратиться к крупным музыкальным формам, вплотную заинтересоваться изучением истоков коми народного музыкального творчества»⁴.

25 декабря 1978 года в республике был создан Союз композиторов Коми АССР. В первый состав Союза композиторов республики вошло 5 человек: П. И. Чисталев, Я. С. Перепелица, А. А. Рочев, М. Л. Герцман, О. Меремкулов). Первым Председателем Союза композиторов Коми АССР был избран Прометей Ионович Чисталев — композитор и ученый,

исследователь коми музыки и коми народных музыкальных инструментов. На выставке представлены уникальные фотографии и документы из архива П. И. Чисталева: экспедиционные записи 1960-х гг., фотоснимки исполнителей на народных инструментах, выполненные Прометеем Ионовичем в районах Коми АССР в 60-е гг. XX века и др.

Прекрасным дополнением к материалам из фондов Национального музея РК стала коллекция коми народных музыкальных инструментов, собранная П. И. Чисталевым, и предоставленная для экспонирования институтом языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, где на протяжении нескольких десятилетий работал ученый. На выставке можно услышать звучание этих инструментов.

Одной из основ профессионального музыкального искусства является обращение к народной музыке. В 40—60-е годы XX века сбор коми музыкального фольклора был неотъемлемой частью развития коми профессионального музыкального искусства. Многие первые профессиональные коми композиторы, среди которых А. Г. Осипов, П. И. Чисталев, Я. С. Перепелица, совершенствовали композиторское мастерство, «прислушиваясь» к простым созвучиям народных песен.

История развития профессионального музыкального искусства в Коми показывает, что коми народная музыка являлась тем неисчерпаемым источником, из которого берет свое начало профессиональное музыкальное творчество первых композиторов нашей республики.

Национальный музей Республики Коми предлагает перелистать страницы профессионального музыкального искусства республики, вспомнить знаменательные события в музыкальной жизни региона, познакомиться с яркими эпизодами жизни и творчества первых профессиональных композиторов и музыкантов, посетив выставку «Музыка жизни».

1. В. Демин. А песня в памяти жива. // Красное знамя. 1983. 25 марта.
2. Там же.
3. А. Осипов. Первый коми балет // Советская музыка. 1962. № 3. С. 92.
4. Все о музыке / Интервью с Я.С. Перепелицей // Красное знамя. 24 дек. 1978. С. 3.

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 20—80-х ГОДАХ XX ВЕКА

Республика Коми имеет богатые традиции выставочной деятельности. Со второй половины XIX века и по настоящее время она представляется на всемирных и российских выставках, с 20-х годов минувшего столетия проводит внутренние выставочные мероприятия. Еще в 1867 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая выставка предметов с севера, и одноименный раздел участвовал во Всемирной выставке в Париже. В начале века на Печоре состоялась и первая привозная выставка. В 1923 г. прошла 1 Коми областная сельскохозяйственная выставка, с 1939 г. Коми АССР — постоянный участник Всесоюзной сельхозвыставки (будущая ВДНХ). В 1946 г. впервые в истории края организуется масштабная юбилейная выставка народного хозяйства автономной республики. В 1983 г. республика впервые представлена самостоятельным разделом на Международной ярмарке в Пловдиве, Болгария. В это время в республике организуются постоянные выставки производимой продукции. Наибольшего расцвета выставочная деятельность достигла в 90-х годах, когда состоялись республиканские универсальные выставки в Финляндии и Венгрии, Москве и Кирове, начала свою работу постоянно действующая выставка «Коми ЭКСПО», когда был творчески переосмыслен и умело развит накопленный ранее, в основном, в советский период, опыт.

Характерная черта выставочной деятельности советского периода — партийно-государственное управление этими процессами и использование выставок в пропагандистской работе по коммунистическому воспитанию трудящихся и образованию масс, в том числе в целях обеспечения развития народного хозяйства. В это время четко прослеживается участие во всероссийских, позднее всесоюзных, и международных выставочных мероприятиях, а также проведение региональных

(областных, республиканских) выставок. Впервые организуются республиканские постоянно действующие выставки.

Для возрождения и развития выставочной деятельности в Коми АО имелись необходимые предпосылки.

Среди них принятые в 1923 г. партией и правительством меры по улучшению работы промышленности, нормализации рынка и денежного обращения: снижение цен на промышленные товары, увеличение закупок сельскохозяйственной продукции и расширение агрокредита, завершение денежной реформы и осуществление перехода к твердому курсу рубля.

Следующая важная предпосылка — возрождение ярмарочной практики, которая должна была способствовать развитию торговли и изменению внутри самого института ярмарок. Отличие ярмарок начала советской поры от дореволюционных состоит в смене формы собственности (частную сменила государственная и кооперативная), меньшей продолжительности, составе участников (промысловиков, производителей, торговцев сменили продавцы систем государственной торговли и потребительской кооперации), а также в изменении значения проводимых мероприятий (если значение ярмарок прежнего периода падало, то роль новых ярмарок возрастала в связи с переходом от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике).

И, наконец, следующая важная предпосылка — наличие хозяйственных выставочных мероприятий на территории советской России, роль которых в развитии экономического потенциала в связи с переходом к новой экономической политике резко возрастает. Многие местные выставочные мероприятия этой поры связаны с подготовкой и участием в общегосударственных выставках.

С целью подготовки к участию в I Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной с иностранным отделом выставке (осень 1923 г., Москва) и изучения состояния дел, различные содействующие организации под руководством и контролем партийных и советских органов на местах организовали летом — осенью 1923 г. местные выставки (конкурсы). 30 сентября 1923 г. в Коми Автономной области впервые был проведен «День урожая», посвященный завершению уборочных работ. В день праздника устраивались сельскохозяйствен-

ные выставки. В 1923 г. в Усть-Сысольске состоялась I Коми областная сельскохозяйственная выставка. Впоследствии периодически проводились районные и областные сельскохозяйственные выставки и конкурсы.

Участие во Всесоюзной выставке способствовало восстановлению связей между городом и деревней, между регионами, причем на новой, рыночной основе, развитию выставочных процессов.

К 1929 г., однако, размах выставочной деятельности в связи с отказом от НЭПа ослабел. В 1939 г. фактически осталась одна выставка, в которой могли принимать участие экспоненты республик, краев, областей — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (будущая ВДНХ), начавшая работать на постоянной основе. Для обеспечения должного участия в экспозициях этой выставки в 1938 г. при СНК Коми АССР был создан выставочный комитет ВСХВ². В 1939—1940 годах, 1954—1958 гг. Коми АССР постоянный участник всесоюзной выставки.

Подготовка к Всесоюзным сельскохозяйственным выставкам 1939, 1940 гг. носила серьезный, широкий и планомерный характер и осуществлялась под руководством и контролем Коми обкома ВКП (б). Причем подготовка к последней осуществлялась с использованием уже наработанного потенциала: во-первых, популяризировался опыт работы ВСХВ, во-вторых, пропагандировались методы работы участников выставки, в-третьих, практиковалось внедрение форм работы лучших участников выставки (организация комплексных звеньев во всех колхозах). Наряду с этим проводились собственно выставочные подготовительные мероприятия: разработка тематико-экспозиционного плана, подготовка экспонатов, буклетов, оформление зала республики на ВСХВ.

Отбор участников был многоступенчатым и производился на уровне районов, затем на уровне республики, когда выставочный комитет вносил перечень кандидатов на участие в ВСХВ на утверждение Совету Народных Комиссаров. На основе утвержденного последним списка кандидатур решение об участии принималось в Москве⁴.

С учетом заочного участия, а также предварительного отбора в 1939 г. во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке участвовало 102 экспонента из нашей республики⁵, а в 1940 г.

уже 141 экспонент⁶. В их числе Усть-Куломский Сторожевский районы, 126 колхозов и 3 совхоза, 1 машинно-тракторная станция, 7 животноводческих ферм, 2 сортоучастка, 229 передовиков сельского хозяйства. За достигнутые успехи Выставочный комитет ВСХВ наградил 4 колхоза дипломами I степени, 22 колхоза, 1 МТС, 1 совхоз — дипломами II степени. 41 труженик был награжден малыми и большими золотыми медалями⁸.

В период Великой Отечественной войны (1942 г.) сельскохозяйственные выставки получают в Коми АССР свое дальнейшее развитие и выходят на новый, более высокий нежели в 1939—1940 гг. уровень. Проведение выставок было нацелено на развитие сельского хозяйства, повышение его продуктивности и урожайности в суровый военный период. Иными словами, выставки были напрямую связаны с экономической составляющей оборонного потенциала.

На основании Постановления СНК Коми АССР и бюро Коми обкома ВКП (б) от 15 октября 1942 г. «О проведении районных сельскохозяйственных выставок в 1942 г.»⁹ в республике повсеместно организуются подобные выставочные мероприятия, демонстрирующие дальнейшее развитие выставочной деятельности, выход ее на качественно новый этап, характеризующийся следующими основными чертами:

- прямая связь с дальнейшим развитием аграрной отрасли (использование выставок в качестве стимулирующего средства);

- насыщенность выставочных мероприятий активными формами работы с посетителями и проведение на базе выставок учебно-образовательных мероприятий;

- применение отраслевого принципа построения экспозиции и наличие экскурсоводов;

- использование длительного срока работы выставок в целях повышения их эффективности.

В Ухтинском районе в сельхозвыставке участвует 7 колхозов из 13 и опытная станция УИЛ НКВД. Колхозами «Гажа Яг» и «Гёрд Ухта» демонстрируются: зерно в россыпи и снопах ржи «Вятка», яровой пшеницы «Торнет», ячменя «Усть-Куломский», овса, конопли. На выставку прибывает колхозный актив, который вместе с участниками выставки участвует в слете передовиков сельского хозяйства, по итогам которого приня-

то обращение ко всем колхозникам и колхозницам, работникам земельных органов по дальнейшему подъему сельского хозяйства и животноводства. Экспоненты награждаются дипломами, почетными грамотами и денежными премиями.¹⁰

В Прилузском районе в число выставочных разделов введена экспозиция местной промышленности, представившая лыжи, деревянную и железную посуду, валенки, шитую одежду, платья и так далее. Среди экспонентов колхоз имени Десятилетия Коми области, получивший 3,8 центнера льноволокна с 1 гектара и 3,2 центнера льносемена с 1 га.¹¹

В Усть-Цилемском районе срок работы выставки, которую посетило более 1000 человек, был даже продлен на 5 дней.¹²

Наиболее организованно и эффективно выставка прошла в Усть-Вымском районе.¹³ Подготовительный процесс продолжался с 30 октября по 20 ноября 1942 г. В результате был определен 201 экспонат, в том числе 1 МТС, 11 колхозов, 2 полеводческих бригады, 1 звено, 3 тракторных бригады, 2 сельхоза, 181 передовик сельского хозяйства. Для проведения выставки был выделен специальный павильон, в котором созданы 2 раздела: «полеводство» и «животноводство», соответственно 94 и 87 экспонатов (все полевые культуры и овощи, все виды получаемой от животноводства продукции, диаграммы, макеты, модели, плакаты, лозунги). Специально были отпечатаны в типографии и разложены на столах книги почета участников выставки. В день открытия состоялось собрание, доклад, лекция о текущем моменте (вечером). На базе выставки был проведен семинар счетоводов и запланированы семинары председателей колхозов, бригадиров и заведующих МТФ.

Районную выставку посетили 1402 человека, которых обслуживали специально подготовленные экскурсоводы. Участники выставки награждались дипломами и денежными премиями в размере 2300 рублей (для сравнения — средняя зарплата колхозника в тот период не превышала 3000 рублей).¹⁴

Районная выставка, по оценке Усть-Вымского райкома ВКП(б), «явилась школой мастерства высокого урожая и высокопродуктивного животноводства, она является большим наглядным пособием для обучения колхозных кадров».¹⁵

Основы этого прорыва были заложены в 1939—1940 гг. при подготовке и участии во Всесоюзных сельско-хозяйствен-

ных выставках. Дальнейшее развитие этого положительного опыта происходило в послевоенный период.

К 25-летию Коми автономии согласно поручению Коми обкома партии в Сыктывкаре на территории парка культуры и отдыха развернулось строительство выставки достижений Коми АССР, которая была торжественно открыта 22 августа 1946 г.¹⁶.

Подготовка к выставке носила серьезный и планомерный характер. Была образована специальная Юбилейная подкомиссия (именуемая также комиссией), дирекция выставки, определены ответственные за участие в мероприятии на уровне субъектов хозяйствования, тематический, тематико-экспозиционный планы выставки. Эскизы и экспозиционные графики утверждались Юбилейной комиссией и Выставочным комитетом.

Практиковалось проведение установочных и контрольных совещаний, направление специалистов в командировки на места с целью контроля над ходом подготовки и оказания практической помощи, создание специальных групп по сбору и обработке материала, прикомандирование опытных специалистов с мест для работы над строительством и оформлением выставки.

В общей сложности над выставкой работало около 529 человек, из которых 60 — участники подготовки тематического и тематико-экспозиционного плана, 18 — художники и архитекторы, 2 — авторы проекта выставки, 250 — строительные рабочие, 60 — скульпторы, картографы, чертежники, техники, 9 — фотографы, 50 — резчики букв, 100 человек занималось планированием, проектными работами и обработкой материала.

При организации этой выставки не только планировался, но и был применен метод самостоятельного финансирования экспонентами расходов по созданию своих экспозиций и строительству выставочных павильонов, сходный с методом долевого участия в финансировании общевыставочных расходов, успешно применяемым в республике в 90-е годы столетия.

При работе с документами автором в научном архиве Национального музея РК был обнаружен любопытный черновой набросок, позволяющий судить о том, что при организации этой выставки не только планировался, но и был применен метод самостоятельного финансирования экспонентами расходов по созданию своих экспозиций и строительству выставочных па-

вильонов, сходный с методом долевого участия в финансировании общевыставочных расходов, успешно применяемым в республике в 90-е годы столетия. На обороте «Списка материалов для оформления выставки „25 лет Коми АССР“» находится написанное рукой директора выставки М. Калинина распределение расходов «местная промышленность 40000, коопинсоюз 10000, промсоюз 10000, потребкооперация 20000, маслопром 15000, министерство просвещения 30000, министерство здравоохранения 20000, пищепром 25000, уполминзаг — управление культпросвет 15000 (или 13000 — неразборчивая запись — А. М.), пурп 20000, физкультура 4000, автоуправление 3500».¹⁸ Косвенные данные из переписки директора выставки с руководителями предприятий и организаций республики, а также информация об использовании текущего счета Республиканского музея для перечисления средств под заказ материалов и услуг в рамках выставочных процессов позволяют прийти к выводу об использовании метода самостоятельного финансирования экспонентами расходов по созданию своих экспозиций и строительству выставочных павильонов (Соглашение между директором Юбилейной выставки Калининым и представителем Управления Пищепрома Коми АССР Кубриным П. Б. об оформлении выставочного павильона для управления от 3 июня 1946 г., Письмо председателя Выставочной Комиссии Н. Трошева Начальнику Печорстроя НКВД подполковнику тов. Барабанову от 10 апреля 1946 г.).¹⁹ Окончательное подтверждение этого факта автор обнаружил в «Докладной записке директора Юбилейной выставки Калинина Заместителю Председателя Совета Министров Коми АССР тов. И. А. Бутыреву от 8 мая 1940 г.», в которой отмечается, что отпущенных Юбилейной комиссии средств (150000 рублей) «хватит лишь на общие работы: групповые портреты, портрет И. В. Сталина и карты во вводном зале, фризовое оформление вводного зала и другие общие работы...», и что экспоненты несут в связи с этим все расходы по оформлению своих площадей²¹, а также в «Информационной справке о подготовке к юбилею 25-летия Коми республики по пищевой промышленности Коми АССР по состоянию на 25 июня 1946 г.», в которой отмечается, что «на оборудование и художественную отделку выставочного па-

вильона пищевой промышленности на текущий счет Юбилейной комиссии перечислено 18000 рублей».²²

Параллельно с этим происходило строительство и обустройство выставочных павильонов для размещения 6 разделов выставки: 1) Коми край в прошлом, 2) Борьба коми народа за завоевание и упрочение советской власти, 3) Коми край — автономная Советская Социалистическая Республика, 4) Достижения Коми АССР за 25 лет, 5) Коми АССР в годы Великой Отечественной войны, 6) Перспективы дальнейшего развития Коми АССР (по материалам 4-го пятилетнего плана). Раздел 4 имел, в свою очередь, следующие подразделы: а) Природные богатства Коми АССР, б) Социалистическая промышленность, в) Социалистическое сельское хозяйство, г) Транспорт и связь, д) Товарооборот и торговая сеть, е) Социалистическая культура и наука, ж) Коммунальное хозяйство и рост городов в Коми АССР, з) Бюджет Коми АССР²³.

К 29 июля 1946 г. все выставочные залы готовы к монтажу экспозиций²⁴, при этом павильон науки построен в рекордно короткий срок — за 10 дней, а общая выставочная площадь пяти зданий составила около 2000 квадратных метров²⁵. Процесс оформления экспозиций участниками выставки протекает в целом довольно быстро и организовано. Например, зал угля и нефти площадью 471 квадратный метр оформлен за 4 дня.²⁶

Часть подразделов размещалась в нескольких залах или в зале и на открытой площадке (в случае с подразделом сельского хозяйства), в отдельных павильонах (культура — в шахматно-шашечном зале, наука — в специально отстроенном за 64 часа 12 рабочими Микуньского завода домостроения из сборных деталей доме²⁷).

Во вводном зале размещались портреты И. В. Сталина, Героев Советского Союза из Коми АССР (11 человек на то время), лучших людей республики (15 человек из 20 рекомендованных), рельефная карта Коми АССР, барельеф В. И. Ленина).

В числе экспонатов залов угля и нефти макеты угольных и нефтяных шахт, гипсовая карта залежей угля²⁸. Отличался высокохудожественным оформлением зал Инты. По данным директора выставки М. Калинина его стоимость составила около 300000 рублей²⁹.

Из экспонатов зала транспорта внимание привлекали скульптурная группа (железнодорожник, водник, летчик, шофер), сплошной фриз по всем стенам над стендами, автоматически действующий макет железной дороги со всеми устройствами, модели самолета, вездехода для работы в условиях Заполярья, парохода с баржей, груженной углем (первая баржа с углем на реке Усе в 1934 г.).

В зале леса и лесной промышленности выделялись карта «Пути сплава и основные рейды и запани» с рельефным контуром и накладными надписями, карта «Породы лесов в Коми АССР» в аналогичном исполнении, диорама «Сортировка древесины на запани», макеты тракторного и автопоезда с древесиной, передвижной механической пилки дров, механической округки шпал и другие.³¹

В зале социалистического сельского хозяйства притягивали к себе монтажи портретов лучших животноводов и лучших полеводов республики, панномонтаж «Колхозный праздник» с нанесенными на панно цифрами роста: коллективизации посевных площадей, животноводства, механизации, неделимых фондов и прочими, действующий макет колхозной гидростанции.³²

На выставке были представлены: Ухтинский комбинат «Севжелдорстроя», «Устьвымлес», «Воркутауголь», «Печорстрой», управление Печорской железной дороги, Печорского пароходства, другие экспоненты, а также рекордно продуктивный скот (надой по 2185—2683 литров молока в год).³³

Необходимо отметить, что организаторы предусмотрели обеспечение выставки компетентными экскурсоводами. В зале лесной промышленности работали 3 экскурсовода, в зале местной промышленности — 3 человека, на транспортной экспозиции — 7, в зале науки — 3, на экспозициях Ухты, Воркуты, Инты — соответственно 2, 1 и 1 экскурсовод, на площадке со скотом — 4 человека.³⁴ В ряде случаев к обслуживанию посетителей подключались также члены Юбилейной комиссии и дирекции выставки. Об этом, в частности, говорит отзыв одного из посетителей выставки — геолога Желдорпроекта МВД Ц. Лукина из Москвы, который пишет: «В заключении должен выразить свою признательность заведующему выставкой т. Калинину за то, что он помог мне, одиночному посетителю, осмотреть выставку позднее положенного времени»³⁵.

Выставка вызвала положительные отклики среди населения республики и гостей, прибывших на празднование юбилея. В информационном отчете о работе Коми обкома ВКП (б) за 1946 г. отмечалось: «Юбилей явился... демонстрацией огромных достижений хозяйственного и культурного строительства коми народа за годы Советской власти...».³ Сама выставка стала составным элементом художественного оформления города, который в связи с юбилейными торжествами был «украшен портретами руководителей партии и правительства, лозунгами, плакатами, пано (так в тексте — А. М.), диаграммами, цветами».³⁷

Любопытно, что в основу экспозиции был положен отраслевой принцип, впоследствии успешно использованный на республиканских универсальных выставках.

Новаторский подход к отбору экспонатов, в частности использование макетов объектов, оборудования и технологических процессов, карты угольного бассейна, также был применен спустя 50 лет при организации выездных выставок, постоянной выставки формата «Коми ЭКСПО», на которых использовались макеты (действующие и обычные) производств нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности, готовой продукции обрабатывающих производств, а также электрические карты природных ресурсов Республики Коми.

В связи с этим политическое и прикладное значение выставки достижений Коми АССР велико и ощущается по настоящее время.

Вместе с тем проведение этой выставки выявило одно упущение — заранее не была четко определена судьба остающихся на выставке экспонатов, их будущее использование, а также принадлежность и сфера будущего применения построенных павильонов и сооружений. Этот недостаток был учтен при сохранении экспозиций выездных универсальных выставок в 90-е годы XX века.

Впервые после Великой Отечественной войны в 1954 г. возобновляется традиция проведения ВСХВ и Коми АССР принимает участие в очередной Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Экспозиция Коми АССР была расположена в отдельном зале павильона Ленинграда и Северо-Запада Союза

ССР. В числе участников добившиеся высоких показателей 12 колхозов и 10 совхозов³⁸, Усть-Куломский сортоиспытательный участок при колхозе «Сталинец», Печорская опытная сельскохозяйственная станция³⁹. Анализ экспонатов позволяет сделать вывод о том, что республиканская экспозиция была ориентирована на показ экономического потенциала в целом, с уклоном, конечно, на сельскохозяйственную тематику.

В дальнейшем данные об участии республиканских предприятий и организаций в выставочных мероприятиях СССР отсутствуют. Период с 1959 по 1974 гг. в этом плане для республики является свободным от подобных мероприятий. Отчасти это связано с трансформацией Всесоюзной сельскохозяйственной выставки во Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 28 мая 1958 г. ВСХВ вошла в состав Выставки достижений народного хозяйства СССР. На ВДНХ в разделе сельского хозяйства в условиях, когда были ликвидированы республиканские павильоны, организовались межотраслевые и отраслевые тематические выставки, смотры и специальные экспозиции по наиболее крупным производственно-техническим вопросам развития сельского хозяйства с проведением на их базе научно-технических семинаров и конференций, школ передового опыта, методов труда, встреч новаторов производства и ученых⁴⁰.

Нельзя сказать, что эти усилия носили целенаправленный планомерный характер. Более правильно, на наш взгляд, говорить об использовании союзного опыта и включении в общесоюзные выставочные процессы.

В 1961 г. в Сыктывкаре состоялась выставка, экспонаты которой рассказывали о первых опытах превращения строительных площадок в монтажные. Выставка проходила в здании Коми областного совета профсоюзов и была организована в рамках I республиканского совещания строителей и работников промышленности строительных материалов. Среди экспонатов шлакоблоки, строительные блоки из негорелой угольной породы, керамзит⁴¹. Выставка была нацелена на пропаганду имеющегося опыта и организацию его внедрения.

В 70—80-х гг. в республике появляются первые постоянно действующие выставки.

В соответствии с принятой в СССР системой выставочной деятельности в Коми АССР в 1974 г. под Сыктывкарком открывается постоянно действующая выставка достижений агропромышленного комплекса Госагропрома республики. Выставка была призвана на основе непрерывной работы пропагандировать достижения научно-технического прогресса, опыта передовых совхозов и других предприятий агропромышленного комплекса, новаторов производства, а также обеспечивать АПК научно-технической информацией⁴² посредством тематических передвижных выставок и смотров на республиканских и районных семинарах, курсах, конференциях по различным темам.

Экспозиционная площадь выставки составила 600 квадратных метров, на которой были размещены 80 экспонатов лучших сельскохозяйственных предприятий. Ежегодное количество посещающих выставку составляло от 50 до 10 тысяч человек⁴³.

Свою работу выставка прекратила в 90-х годах, что было связано с рыночными процессами в экономике страны. К сожалению, по причине пожара, уничтожившего весь архив выставки, более глубокое изучение деятельности постоянной выставки не представляется возможным. В настоящее время Министерство сельского хозяйства и продовольствия РК рассматривает вопрос об открытии новой постоянной выставки Агропрома республики.

Следующий шаг в развитии выставочной деятельности связан с организацией при Министерстве торговли Коми АССР постоянно действующей выставки товаров народного потребления, внедрением и развитием деятельности института республиканских ярмарок по оптовой продаже товаров на ее базе.

К середине 80-х годов XX века в СССР назрели предпосылки для определенных перемен в организации торговли и потребительской кооперации через совершенствование взаимоотношений промышленности и торговли за счет проведения ярмарок по оптовой продаже товаров.

Согласно письму министра торговли Коми АССР в адрес оптовых торгующих предприятий от 18 августа 1986 г. № 6/1-455 устанавливался порядок проведения таких ярмарок. Предусматривалось, что республиканские ярмарки будут проходить два раза в год. Вопросы их регулирования решаются специально создаваемым постоянно действующим ярмарочным комитетом, решения которого имеют обязательную силу. Проведению

республиканских ярмарок предшествует организация в феврале — марте выставок образцов товаров, рекомендуемых к продаже на планируемый год. И, наконец, с 1987 г. рекомендовалось перейти к свободной продаже товаров поставщикам на оптовых ярмарках,⁴⁴ проводимых на базе образованной постоянно действующей выставки товаров народного потребления.

С развитием ярмарочных процессов их результативность приносила не только экономическую выгоду республиканским товаропроизводителям и торгующим организациям, но и стимулировала появление новой тенденции — межрегионального товарообмена⁴⁵. Составным элементом этой структуры являлась постоянная выставка ТНП, которая демонстрировала экономический потенциал республиканских и других субъектов хозяйствования в части производства товаров народного потребления и способствовала их продвижению.

В этих целях выставка ТНП была обеспечена необходимой материально-технической базой, образцами и персоналом. Выставка размещалась в помещениях Сыктывкарского торгово-экономического колледжа (в то время техникума советской торговли) и располагала необходимым демонстрационным и торговым оборудованием. К 10 апреля 1992 г. на выставке размещался 5381 экспонат ТНП, представленных 5246 предприятиями. Продвижение продукции осуществлялось в форме проведения оптовых ярмарок, выставочной стендовой работы, путем выпуска и рассылки «Перечней простейших непродовольственных товаров народного потребления, рекомендуемых к освоению по Коми АССР». В таком Перечне, выпущенном в апреле 1990 г., упомянуто 66 видов изделий из металла, 20 видов изделий из пластмассы, 11 видов изделий из резины, 23 вида электротоваров, 18 видов изделий из дерева, 20 видов спортивных товаров, 10 видов изделий из бумаги, 27 видов строительных товаров, 20 видов прочих товаров⁴⁷.

Персоналом постоянной выставки ТНП в адрес хозяйствующих субъектов высылались также «Объемы производства товаров народного потребления»⁴⁸.

Уникальность этой выставки состоит в том, что в своей деятельности она успешно использовала такую форму, как ярмарки и в небольшой степени была организована в целях их проведения.

К сожалению, с началом преобразований в экономической и политической жизни страны начала 90-х годов, и передаче выставки с баланса Министерства торговли республики на баланс Коммерческого центра (дочерняя структура Коммерческого техникума — бывшего техникума советской торговли) ее деятельность все более сходилась на нет. Причины этого кроются в том, что выставка являлась составным элементом отношений плановой экономики и государственной собственности. Без государственного регулирования и поддержки ее существование в условиях перехода к рыночным отношениям в форме «шоковой терапии» было невозможно. Свою деятельность де-факто выставка ТНП прекратила с IV квартала 1991 г. и де-юре с февраля 1993 г.⁴⁹.

Таким образом, на советском этапе выставочная деятельность получила, несмотря на идеологическую окраску, свое дальнейшее развитие.

Был получен опыт участия в экспозициях СССР на внутренних и зарубежных выставках, определена система подготовки и обеспечения участия в подобных мероприятиях, в том числе через деятельность межведомственного координирующего органа — выставочный комитет, организационный комитет.

В этот период была обеспечена успешная работа внутренних выставок (выставка достижений Коми АССР 1946 г., постоянная выставка достижений агропромышленного комплекса, постоянно действующая выставка товаров народного потребления Министерства торговли Коми АССР), свое развитие и систему организации получили оптовые ярмарки ТНП и продовольствия.

Вместе с тем эти мероприятия были составной частью идеологической работы КПСС и правительства и их влияние на экономическое развитие не было слишком велико. Иначе говоря, форма коммуникативной деятельности, соответствующая рыночному способу хозяйствования, использовалась в целях развития плановой экономики и общенародной собственности. В условиях перехода к рыночной системе хозяйствования это противоречие привело к тому, что деятельность постоянных выставок Министерства сельского хозяйства и продовольствия РК и Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности РК была свернута.

В то же время нельзя отрицать нарабатанный опыт выставочной деятельности, получивший свое развитие во второй половине 90-х годов XX века.

1. История Сыктывкара. — Сыктывкар, 1980. С. 93.
2. Республика Коми: Энциклопедия, т. 1. — Сыктывкар, 1997. С.335—336
3. Коми обком ВКП (б). Сведения о подготовке к В.С.Х.В. по Коми АССР на 8 мая 1939 г. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 604, л. 42.
4. Там же, С. 335.
5. Республика Коми: Энциклопедия. т. 1, С. 336.
6. 25 лет Коми АССР. 1921—1946. — Сыктывкар, 1946. С. 111.
7. Там же.
8. Там же, С. 111—112.
9. КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 961, л. 27.
10. Коми обком ВКП (б). Отчет о проведении сельскохозяйственной выставки в Ухтинском районе Коми АССР в 1942 г. 14-15/Х-42. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 961, лл. 1—2.
11. Коми обком ВКП (б). Информация по итогам сельскохозяйственной выставки, проводимой с 13 по 16 ноября 1942 г. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 961, лл. 6—7.
12. Коми обком ВКП (б). Докладная о проведенной с/х выставке 1942 г. по Усть-Цилемскому району. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 961, лл. 9—15
13. Коми обком ВКП (б). Информация о проведении районной сельскохозяйственной выставки в Усть-Вымском районе. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 961, лл. 4—5.
14. Там же, л. 5.
15. Там же.
16. На выставке достижений Коми Автономной Республики. — «За Новый Север», 1946, 23 августа, № 169, с. 3.
17. Отчет Республиканского краеведческого музея за 1946 г. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 347, лл. 24, 27.
18. Черновая запись на обороте Списка материалов для оформления выставки «25 лет Коми АССР». Приложение к письму директора выставки Калининна в Госплан Коми АССР от 28 января 1946 г. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 125, л. 33—34.
19. Научный архив Национального музея РК, инв. № 125, лл. 30, 112.
20. Научный архив Национального музея РК, инв. № 125, без номера листа
21. Там же.
22. Научный архив Национального музея РК, инв. № 125, л. 174.
23. Тематический план юбилейной выставки, посвященной 25-летию Коми АССР. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 231, л. 26.
24. Правительственная телеграмма Уполсоюзгосплана участникам выставки от 29 июля 1946 г. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 125, л. 184.
25. Отчет Республиканского краеведческого музея за 1946 г. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 347, лл. 24, 27.
26. Отчет Республиканского краеведческого музея за 1946 г. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 347, л. 24.
27. На выставке достижений Коми Автономной Республики. // За Новый Север, 1946. 23 августа. № 169, С. 3; Н. И. Трошев. Накануне открытия юбилейной выставки. // За Новый Север. 1946. 10 августа. № 160. С. 1;

- Н. Долбилн. Дом собран за 64 часа. // За Новый Север. 1946. 7 августа. № 158. С. 3.
28. Н. И. Трошев. Там же.
 29. Отчет Республиканского краеведческого музея за 1946 г. — Научный архив Национального музея РК
 30. Список основных экспонатов по Юбилейной выставке, посвященной 25-летию Коми.
 31. Там же, л. 5.
 32. Там же, лл. 5—6.
 33. Там же.
 34. Список экскурсоводов для гостей Юбилейной выставки. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 125. л. 228.
 35. Отчет Республиканского краеведческого музея за 1946 г. — Научный архив Национального музея РК, инв. № 347, л. 34.
 36. Коми обком ВКП (б). Информационный отчет о работе Коми обкома ВКП (б) за 1946 г. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 4, д. 13, л. 10.
 37. Коми обком ВКП (б). Справка об организации идейно-теоретического воспитания коммунистов городской партийной организации. Справки Сыктывкарского горкома ВКП (б) о состоянии пропагандистской и массово-политической работы за 1946 г. — КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 4, д. 83а, л. 22.
 38. Слава созидательного труда (по залу Коми АССР). // За Новый Север. 1954. 18 августа. № 163. С. 3.
 39. Там же.
 40. Большая советская энциклопедия. т. 3. — М., 1971. С. 550.
 41. 40 лет Коми АССР. 1921—1961. Очерки о развитии экономики и культуры Коми республики. — Сыктывкар, 1961. С. 65.
 42. Республика Коми: Энциклопедия. — Сыктывкар, т. 1, С. 344—345.
 43. Там же, С. 345.
 44. Письмо министра торговли Коми АССР оптовым предприятиям торговли от 18 августа 1986 г. № 6/1-455. — Текущий архив Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности РК.
 45. Информация по итогам оптовых ярмарок и товарным ресурсам. — Текущий архив Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности РК.
 46. Там же.
 47. Перечень простейших непродовольственных товаров народного потребления, рекомендуемых к освоению по Коми АССР (апрель 1990г.). — Текущий архив Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности РК.
 48. Письмо директора постоянно действующей выставки товаров народного потребления от 6 октября 1989 г. №20—40 о направлении приложения «Объемы производства товаров народного потребления в 1991—1995 гг.» № 1 к постановлению Совета Министров Коми АССР от 29 августа 1989 г. № 180. — Текущий архив Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности Республики Коми.
 49. Акт общей формы от 11 марта 1993 г.; Приказ директора Коммерческого центра от 17 февраля 1993 г. № 5. — Текущий архив Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности РК.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СЫКТЫВКАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПО ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ
КОМИ (ЗЫРЯН)

В последнее десятилетие заметно повысился интерес к народной культуре: семейная обрядность, быт, язык стали предметом изучения исследователей. Традиционная система питания коми (зырян) по-прежнему остается малоисследованной областью этнологических знаний. Музей археологии и этнографии в рамках этнографической полевой практики студентов исторического факультета пытается закрыть образовавшуюся лауну в этнографических изысканиях.

Полевой материал по традиционной системе питания коми(зырян) целенаправленно собирается с 1999 г. по специально разработанной программе, составленной автором данного доклада. Опросник насчитывает более 100 вопросов, выделенных в отделы (выпечка, супы, напитки и т. д.). Этнографический материал записывается на разные носители (аудио-, видеокассеты, бумагу), которые фондируются в самостоятельный фонд архива музея. Аудиокассеты имеют письменную расшифровку. Запись этнографических сведений требует соблюдения определенных правил сбора, фиксации и публикации, несоблюдение которых может привести к неточности, некорректности, а фактически к утрате бесценного наследия. Все записи содержат сведения об информаторе (ФИО, год и место рождения), районе бытования, автор и времени сбора информации. Часть записей дополнительно снабжена фотоиллюстрациями.

Всего в фонде насчитывается 50 дел. Составлена картотека всех дел, включая аудио-, видеокассеты. Карточки снабжены биографическими сведениями информаторов, указаны район бытования, автор и время сбора информации. Поисковая система обслуживает принцип районирования материалов.

География сбора информационного материала представлена разными районами Республики Коми. Наиболее значи-

тельна коллекция фонозаписей из Княжпогостского, Сысольского и Усть-Куломского районов. Полевой материал коррелируется по половозрастному принципу информаторов. Носителями знаний по традиционному системе питания выступают женщины пожилого возраста (1911—1929 гг. рождения), хотя более молодые женщины (1945—1951 гг. рождения) также владеют такой информацией. Мужчины как пожилого, так и молодого возраста реже высказывают свои знания по данной проблематике.

Анализ полевого материала позволяет констатировать, что разработка данной темы перспективна, способы приготовления повседневной пищи сохранены в полном объеме, с незначительной корректировкой используются и в настоящее время. Ритуальная пища в меньшей степени сохранена в народной памяти и значительно реже используется в современной практике.

В настоящее время осуществляется работа по созданию электронной версии архивного материала, что обеспечит, с одной стороны, надежную сохранность, с другой, упростит работу с унифицированной программой (подсчет статистических данных, корреляция, районирование особенностей системы питания). *

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ: ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О. Н. Смирнова
Национальный музей Республики Коми
г. Сыктывкар
А. А. Чувьуров
Российский этнографический музей
г. Санкт-Петербурга

«СВЯТЫЕ» И «СВЯТЫЕ МЕСТА» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕРХНЕВЫЧЕГОДСКИХ КОМИ

Настоящая статья представляет собой предварительное обобщение материалов этнографической экспедиции РЭМ и НМРК, проведенной летом 2001 г. в Усть-Куломском районе республики Коми (23.06.—13.07.2001).¹ За время экспедиции было проведено этнографическое обследование 17 верхневычегодских сёл и деревень: Кебанъель, Усть-Кулом, Керчомъя, Дзель, Габово, Дон, Жежим, Лебяжск, Парч, Усть-Нем, Мыёлдино, Пожег, Шахсикт, Кекур, Вомынбож, Мале и Пожегдин.

В Усть-Куломском районе ранее уже неоднократно проводились этнографические экспедиции РЭМ. В 1960-е гг. сбором этнографического материала в Усть-Куломском районе занималась М. А. Браун², ранее исследования на Верхней Вычегде проводили С. И. Сергель³ и Т. А. Крюкова.⁴

Программа экспедиции 2001 г. включала как продолжение ранее проводимых исследовательских работ по темам («Одежда»; «Жилище»; «Народное искусство»), так и разработку новых тем, связанных с кругом научных интересов участников экспедиции (почитаемые ландшафтные объекты (священные камни, родники, обетные кресты), престольные и заветные праздники, рукописная традиция вычегодских коми и др.).

Верхняя Вычегда в этнографическом плане представляет особый интерес как район взаимодействия различных этноконфессиональных и этнокультурных традиций. В середине XVIII в. в верхневычегодских деревнях (сс. Вочь, Помоздино

и Керчомья) укореняется старообрядчество («глухая нетовщина» спасовского толка). В конце XIX века на Верхней Вычегде (сс. Мыелдино, Усть-Нем) появляется своеобразное религиозное движение «бурсьыласьяс (певцы добра), в религиозно-обрядовой жизни имевших ряд близких черт (пророчества, видения и др.) с русскими мистическими сектами (хлысты, пятидесятники).⁵ В 1930-е гг. после закрытия православных храмов исполнение религиозных треб и служб (богослужения в дни христианских праздников, крещение, похороны и др.) осуществлялось местными жителями.

Материалы проведенного нами этнографического обследования показали, что у значительной части населения этого региона есть активный интерес к религиозной жизни. Безусловно, этому способствует и возобновление церковной жизни, активное участие в котором принимает местное население: открытие новых приходов и восстановление деятельности Ульяновского монастыря, который в настоящее время является духовным центром для верхневыхегодских коми. В религиозную жизнь возвращаются сельские приходские, храмовые праздники. При этом происходит и обновление почитаемых мест: восстановление обетных крестов и возобновление служб в этих местах. Активное участие в восстановлении этих святынь принимают и местные православные священнослужители.

Существует своего рода иерархия святынь, которые можно разделить на две группы. В первую группу входят святыни, святые места, которые почитаются жителями разных деревень. Вторую группу составляют объекты, известность которых не выходит за пределы одной сельской округи. К числу сельских святынь первой группы относятся «Источник явления Божьей Матери» (*Нюр Курья*) недалеко от районного центра с. Усть-Кулом; обетный крест во имя иконы *Тихвинской Божьей Матери* в с. Мыелдино.

Почитаемый верхневыхегодскими коми «Источник явления Божьей Матери» находится в местечке *Нюр Курья* (*Куш-шор*), в трех километрах от села Усть-Кулом. Молебен около этого источника проводится в праздник *Сретения иконы Пресвятой Владимирской Богородицы* (26 августа/8 сентября). Местные жители называют этот праздник «Крест лун». Одно из первых упоминаний об этом празднике приводится

в очерках писателя-народника П. В. Засодимского «Лесное царство» (1878 г.)⁶.

В предании, записанном В. Э. Шаратовым в начале 1990-х годов, следующим образом объясняется почитание этого места жителями Усть-Кулома: «В местечке Нюр Курья один мужчина видел явление образа Пресвятой Богородицы Девы Марии. Богоматерь спустилась с ночного неба на белом камне, похожем на *челпан* (круглый хлеб). Эту икону мужчина поутру принес в житник. Но образ сам вышел из житника и на следующее утро его вновь нашли у источника. Так повторялось три раза. Ночью одной женщине было видение: Пресвятая Богородица просила, чтобы её образ вернули на источник и поставили в храм. Тогда и решили построить часовню для образа прямо на источнике, а на месте явления Божьей Матери — рядом со священным камнем установили большой деревянный крест.»⁷ Часовня на «Источнике явления Божьей Матери» стояла вплоть до 30-х годов XX в. Сам источник несколько лет назад при строительстве дороги к с. Носим оказался засыпанным, а затем вновь был очищен и восстановлен жителями пос. Кебаньёль. В 2000 г. по просьбе местных жителей настоятелем Усть-Куломской Петропавловской церкви о. Ионой на месте часовни был поставлен крест и проведен молебен. Крестный ход к источнику совершается несколько раз в течение года: жители с. Усть-Кулом, ходят в праздник *Сретения иконы Пресвятой Владимирской Богородицы* (26 августа/8 сентября); жители пос. Кебаньёль — в воскресенье, перед заговеньем на Петров пост и на Покров Пресвятой Богородицы (1/14 октября).

Другим почитаемым праздником верхневьчегодских коми является день памяти иконы *Тихвинской Божьей Матери* в с. Мыелдино. Обетный крест стоит в местечке *Денисикт*, на берегу. Недалеко от креста в прошлом стояла часовня. Крест восстановлен настоятелем Мыелдинской Иоанно-Предтеченской церкви о. Тихоном. Почитание иконы *Тихвинской Божьей Матери* объясняют следующей легендой: «Одному человеку Богородица во сне явилась. И было сказано, что если будут почитать Богородицу, то жизнь его будет благословенной. И вот взяли икону *Тихвинской Божьей Матери* и стали подниматься по Вычегде. Нигде не могли пристать и вот толь-

ко около Мыса (Мыелдино) лодка сама пристала к берегу. Затем в откровение было сказано, что если будут почитать икону *Тихвинской Божьей Матери* Мыс (с. Мыелдино) все время будет тихой пристанью (*лѡнь пристань*)⁸». Согласно другой легенде Богородица сама явилась (приплыла) на камне: «Этот крест называют — *крест Явленной Божьей Матери*. Когда-то Богородица на камне приплыла к этому месту. Старые люди еще помнят это место, где находился камень». Как рассказывают информанты, в прошлом, в дни праздника иконы *Тихвинской Божьей Матери* к кресту приходили больные, крест обвешивался детскими платьями, пеленами, полотенцами, платками страдающих тем или иным недугом. В настоящее время также считается, что на этом святом месте можно получить исцеление от болезней. В праздник иконы *Тихвинской Божьей Матери* (26 июня/9 июля) настоятелем Мыелдинской Иоанно-Предтеченской Церкви о. Тихоном и местными жителями совершается крестный ход: от церкви к кресту. Для совершения крестного хода приезжают верующие также из пос. Тимшер, с. Усть-Нем и с других близлежащих населенных пунктов.

В селе Мыелдино есть еще ряд других почитаемых мест. Село делится на 9 частей, исторически связанных с деревнями, вошедшими в состав с. Мыелдино: *Чойвыв, Тимсикт, Грезд, Попсикт, Онисикт, Денисикт, Коджувдор, Кирсикт, Курьядор*. В каждой из этих деревень в прошлом были свои престольные праздники. Общесельским праздником, наряду с праздником иконы *Тихвинской Божьей Матери*, являлся храмовый праздник Мыелдинской Иоанно-Предтеченской Церкви — Рождество Иоанна Предтечи (*Иван лун* — 24 июня/7 июля). В селе имелись еще три часовни: часовня иконы *Тихвинской Божьей Матери* (Денисикт), недалеко от нынешнего расположения обетного креста; в деревне *Курьядор* — часовня свт. Николаю архиепископу Мир Ликийских; в деревне *Коджувдор* — часовня св. вмц. Екатерины (24 ноября/7 декабря). В других деревнях, где не было часовень, стояли большие престольные кресты. В деревне *Кирсикт* местным деревенским праздником являлся праздник *Успения Пресвятой Богородицы* (15/28 августа); в деревне *Курьядор* отмечали праздники местной часовни свт. Николая архиепи-

скопа Мир Ликийских, а также *Преображение Господа (Шор Спас — 6/19 августа)*. Ежегодно, в дни праздников священник проводил службы в этих часовнях и молебны возле престольных крестов. Затем прихожанами совершался крестный ход вокруг деревни, обход близлежащих крестов. В 1930-е гг. часовни были закрыты и позднее их разобрали. Впоследствии жителями села на месте этих часовен были установлены обетные кресты, которые периодически обновлялись. Всего в настоящее время в селе и его окрестностях установлено 9 обетных крестов. Часть этих крестов установлена на месте часовен, другие в почитаемых жителями местах.

В начале села, в местечке *Курьядор* стоит крест в честь праздника *Покрова Пресвятой Богородицы* (1/14 октября). По рассказам информантов, его установил *Гриша Иван*, поэтому этот крест еще называют *Гриша Иван крест*. На этом месте в прошлом был родник, который, как считалось, обладал целебными свойствами. К этому роднику, как и *Явленному Кресту Тихвинской Божьей Матери*, приходили больные, набирали воду из источника, обмывали лицо, руки. Считалось, родниковая вода с этого места наиболее эффективна при глазных болезнях и различных недугах головы. Крест был увешан различными предметами страдающих от болезней: пеленами, платками, полотенцами. Несколько лет назад при строительстве дороги родник оказался засыпанным. Новый крест был установлен настоятелем Мыелдинской Иоанно-Предтеченской Церкви о. Тихоном. По рассказам информантов крестные ходы к обетным крестам местными жителями совершались в дни праздников *Успения Пресвятой Богородицы* (15/28 августа); *Преображения Господа (Шор Спас — 6/19 августа)*. В настоящее время в дни этих праздников жители также приходят к обетным крестам, совершают молитвы и кладут монеты. В д. Коджувдор ежегодно группа верующих женщин в день памяти св. вмц. Екатерины (24 ноября/7 декабря) собирается у Н. П. Елкиной, во дворе дома которой на месте часовни св. вмц. Екатерине установлен обетный крест. Они читают акафисты, житие св. вмц. Екатерины, совершают молебен. Во время этих молитвенных собраний Н. П. Елкина читает и переводит различные религиозные тексты: отдельные разделы

Нового Завета (Новый Завет. Свято-Троицкий Посад. 1994); житие св. вмц. Екатерины; видение Феклы.

Еще ряд обетных крестов, по рассказам информантов, стоял в окрестностях села. На месте старого кладбища, в верхней части села, стоит обетный крест, к которому крестный ход в прошлом совершался в день памяти св. пр. *Илии* (20 июля / 2 августа). Один из обетных крестов был установлен в семи километрах от села, в сосновом бору, возле целебного источника, который назывался *Бурдбодчан ключ* (ключ исцелений). В прошлом к этому кресту ходили для совершения молебна от различных заболеваний.⁹ На полях, недалеко от центра села (*Попсикт*), по рассказам, стоял крест свт. Серафиму Саровскому, где также в день памяти святого собирались для молитвы.¹⁰

В ряде верхневыхгодских сел и деревень таким важным местом общерелигиозных сельских богослужений являются поминальные кресты, устанавливаемые на кладбище. Как правило, богослужения возле них проходят в дни местных, сельских престольных праздников: в с. Усть-Нем, д. Шахтсикт таким праздником является Рождество Иоанна Предтечи (*Иван лун* — 24 июня/7 июля); д. Вомынбож — Свв. апп. Петра и Павла (*Петыр лун* — 29 июня/12 июля). В д. Кекур днем общественного богослужения и поминовения усопших является первое воскресенье после Петрова поста, которое здесь называют *Енвайлан лун* (День, когда выносят «Бога» — выносят иконы). Ходят к кресту также в дни больших праздников: на Пасху, Троицу, Радоницу, Рождество Христово.

Подобные общественные молитвенные богослужения были характерны и для других вычегодских деревень. «Докладная записка о положении и деятельности религиозных общин и духовенства на территории Коми АССР на 1 января 1964 г.» уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви при Совете Министров Коми АССР М. Пунегова, в частности, сообщает следующее: «В поселках Смолянка и Усть-Нем база православные совершают молитвенные собрания под открытым небом на кладбищах, где ими сооружен большой крест, рядом длинный стол и скамейки для чтения. В Смолянке, например, на молениях бывают по 150 верующих. Аналогично богослужения проходят в с. Усть-Нем и Лебяжск».¹¹

В с. Лебяжск почитаемым местом является ручей возле села — Сотчем-шор. Согласно местной легенде, к одной женщине как-то под осень пришла странница и спросила, можно ли отдохнуть. Хозяйка сказала, что она может зайти и посидеть погреться. Странница поставила свою котомку у дверей и поднялась на полати. Через некоторое время по какой-то нужде хозяйка решила выйти во двор. Проходя мимо котомки, она заметила, что в ней мелкая речная галька. Странная какая-то эта женщина, подумала хозяйка про странницу. Когда хозяйка вернулась в дом, странница заторопилась, слезла с полатей, поблагодарила за прием и, взяв котомку, вышла на улицу. В это время в избу входила соседка хозяйки. Та стала ее бранить за то, что она не поздоровалась со странницей. Соседка ответила, что она не видела никакой странницы. Тогда хозяйка выбежала вслед за странницей и увидела её, идущую через поле. Она побежала за ней и догнала ее около ручья Сотчем-шор. Здесь странница исчезла, превратившись в пар. Хозяйка поняла, что это была Богородица. Вот с тех пор и стали почитать это место. В дни больших праздников приходят к этому ручью, набирают воду из источника, обмывают лицо, руки.

В с. Джежим общедеревенским праздником считается день памяти св. вмч. Власия. Почитание этого праздника, согласно местным преданиям, началось после такого события: «У одной женщины муж был колдун (*тöдысь*), по имени Клим (Климентий). Незадолго перед смертью он сказал своей супруге, чтобы она после его смерти перевернула его лицом вниз, чтобы он не сделал ей зла. Когда он умер, собрались родственники. Посидели, а вечером, когда собрались уходить, спросили хозяйку, может, она боится и не следует ли кому-нибудь остаться с ней. Хозяйка ответила, что она при жизни его не боялась и тем более не боится сейчас, когда он умер. Ровно в полночь умерший колдун вдруг встал из гроба и стал подниматься к хозяйке на полати. Хозяйка сложила пальцы для крестного знамения и стала про себя творить молитву. Рядом с печкой, в загородке находился недавно родившийся теленок. Тогда колдун стал грызть ногу теленка. В это время открылась дверь и вошел седой мужчина в белой одежде. Он ударил колдуна, и тогда разверзлась земля и провалился колдун под

землю. Женщина слезла с печи и, поклонилась вошедшему, сказала: «Спасибо, тебе, Господи, что выручил, спас». А седой мужчина отвечает: «Я ради своего создания сюда пришел», и показал на теленка. Вот с тех пор и стали в Джеджиме почитать праздник святого Власия.» В настоящее время в день памяти св. вмч. Власия (11/24 февраля) также собираются для совершения молебна в доме, где хранится икона св. вмч. Власия.

Обетные кресты существовали в прошлом и в других селах. В фототеке в РЭМ имеются две фотографии обетных крестов, сделанные Т. А. Крюковой в 1935 г. во время экспедиции в Усть-Куломском районе: обетный крест в с. Дон и с. Усть-Нем¹². В коллекционной описи фотографии из с. Дон имеется следующая запись: «Крест деревянный, восьмиконечный, врытый в землю, стоит у задней стены деревянной избы, около изгороди... Такие кресты в дореволюционное время ставились хозяевами (во дворе, около дома или на поле) «по обету», якобы для излечения от болезней или для отогнания нечистой силы от дома (например, в случае если в доме «чудится», т. е. слышатся непонятные звуки); во время крестных ходов около таких крестов служили молебны с водосвятием».¹³

К сожалению, каких-либо более подробных экспедиционных записей Т. А. Крюковой нам не встретилось. Из расспросов в ходе экспедиции 2001 г. выяснилось, что в с. Дон в прошлом стояло три обетных креста: один в центре села, один на возвышенности, на пригорке и еще один на поле. К местам, где стояли эти кресты в настоящее время в местный престольный праздник — *Рождество Иоанна Предтечи (Иван лун — 24 июня / 7 июля)* ходят пожилые женщины и служат молебен.

Особый блок рассказов составляют предания о местных подвижниках. Безусловно, эти рассказы являются не только коллективной памятью о тех или иных событиях прошлого, но выполняют также дидактические и побудительные функции — эмоциональное побуждение, призыв к аскетичной христианской жизни.

В с. Керчомье таким известным подвижником являлся Гичев Василий Николаевич. В документах фонда коллекции метрических книг о рождении, браке, смерти Национального архива Республики Коми в книге актовых записей Керчомского волисполкома имеются следующие сведения в от-

ношении Гичева Василия Николаевича: «Гичев Василий Николаевич родился 5 февраля 1923 г. в с. Керчомья Усть-Куломского уезда Автономной области Коми. Родители Гичева В. Н.: Гичев Николай Андреевич, 28 лет, и Гичева Екатерина Петровна, 25 лет».¹⁴ Рассказы о нем выстраиваются по канону христианской агиографии: мученичество, страдание за веру. В молодости Гичев В. Н. учился в высшей партийной школе, но социальная карьера не сложилась. Из-за злоупотребления спиртным ни на какой работе закрепиться он не смог. Как отметила одна из информантов: *Енмыслы колö вöлі эстиöм мортис и сыöн сыöс быдлыась вöлöм вöтлöны* («Богу нужен был такой подвижник, потому его и всякий раз увольняли»). Затем, как рассказывают информанты, Гичев В. Н. стал заниматься изучением Священного Писания, и через некоторое время в нем произошла радикальная перемена. По словам информантов, он пешком из Керчомьи совершил паломничество в Почаевскую лавру. После возвращения из паломничества он стал проповедовать, ходить из деревни в деревню. Занимался переводами на коми язык Библии и различных религиозных текстов, составлял свои проповеди. При этом, как отметил один из информантов, ходил «аки Христос посуху — даже в самую зимнюю стужу ходил в ветхом пальто и босиком».

После своего радикального религиозного обращения он жил достаточно аскетично: не употреблял спиртного, соблюдал церковные посты.

По рассказам, он обладал провидческим даром. В одной из таких историй следующим образом описывается его провидческая способность: *«Воскресеñö лунö вöлі мунö и аддзö Педöр Егöр пывсян лэптö и сыа кежис и мыйкö шуö: „Педöр Егор сотчас пывсянды. Дугды пывсянтö лэптöмысь“. А мöдыс заводитöма да дерт оз дугды. А со временем, точнöя, ме оз помнит, кутшиöм годин, но пывсяннды сотчис»*¹⁵ («Как-то в воскресный день Гичев В. Н. шел по улице и увидел, что один мужчина (Педöр Егор) строит баню. Гичев В. Н. подошел и обратился к нему: „Педор Егор сгорит твоя баня. Оставь эту стройку“. А тот начал строить и разве остановится. А со временем, действительно, не помню в каком году, но баня сгорела»).

В Национальном архиве Республики Коми имеется ряд материалов, связанных с религиозной деятельностью В. Н. Гичева. Так, среди материалов уполномоченного по делам религии при Совете министров СССР, имеется отчет Ю. В. Гагарина, который в течение многих лет работал пропагандистом научного атеизма (референтом Коми отделения Общества по распространению политических и научных знаний) и позднее стал заниматься изучением религиозных движений в Республике Коми. Отчет датирован октябрём 1964 г., и в нем, частности, сообщается следующее: «В. И. Гичев — вожак керчемских ИПХ. Ранее он был инспектором министерства финансов Коми АССР и какой-либо приверженности к религии за ним не замечалось. После того, как его выгнали с работы за пьянство, он вместо того, чтобы начать честную трудовую жизнь, вернулся в свое родное село и организовал вокруг себя группу верующих, взявших его на свое содержание»¹⁶. В отчете Ю. В. Гагарина инициалы В. Н. Гичева указаны ошибочно «В. И.». Возможно, данная ошибка произошла при машинописи.

Упоминание в отчете о принадлежности В. Н. Гичева к ИПХ (Истинно-Православные Христиане) многое объясняет в его религиозной деятельности. Движение ИПХ являлось одной из ветвей, появившихся в Русской Православной церкви после 1927 г., после известного обращения митрополита Сергия, местоблюстителя патриаршего престола в РПЦ, в котором руководство РПЦ высказывалось за лояльное отношение к Советской власти. Часть прихожан и клира РПЦ не приняла этого обращения и образовала свой организационный центр ИПЦ (Истинно-Православная Церковь). В 1940-х гг. из неё выделилась еще одна ветвь — ИПХ (Истинно-Православные Христиане), в которую вошли наиболее радикальные члены ИПЦ. Часть членов этого направления придерживалась безбрачия, а также странствующих форм проповеди: некоторые из активистов ИПХ странствовали, ходили из деревни в деревню, проповедуя христианское учение среди разных людей.

Второй документ, в котором нам встретилось упоминание о В. Н. Гичеве, это докладная записка уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви при Совете Министров Коми АССР М. Пунегова: «Докладная записка о положении и деятельности религиозных общин и духовенства

на территории Коми АССР на 1 января 1964 г.». В нем сообщается следующее: «В селе Керчемья действует группа ИПХ — овцев в количестве 6—8 человек, возглавляемая Гичевым. Имеют место факты отказа сектантов от участия в выборах, выхода из колхоза и попыток запретить своим детям ходить в школу. Характерными в деятельности Гичева является бродяжнический способ распространения своих религиозных убеждений среди верующих других вероучений. Занимается переводом Библии на коми язык. В целях пресечения антиобщественной деятельности Гичева нами поставлен вопрос перед прокуратурой»¹⁷.

В Национальном архиве в материалах психоневрологического диспансера сохранилось дело о проведении судебно-медицинской экспертизы над Гичевым В. Н. в 1964 г. В результате обследования врачами было вынесено заключение, что деятельность В. Н. Гичева представляется социально опасной и он нуждается в изоляции.

Некоторое время, по рассказам информантов, В. Н. Гичев находился в психиатрической больнице в Сыктывкаре. Здесь его постоянно навещали верующие из Керчемьи. Определенным образом это вызывало раздражение у врачей (и, по всей видимости, органов, которые инспирировали заключение В. Н. Гичева в больницу). Так, одна из информантов отметила, что как-то раз в свой очередной приезд она застала в больнице многих своих односельчан. Врач, к которому она обратилась, чтобы ее пропустили к В. Н. Гичеву, заметил:

«Сегодня к Гичеву как к какому-то попу целая толпа народу пришла». Возможно, именно эта причина (частое посещение верующих) послужила поводом для последующего перемещения В. Н. Гичева в один из отдаленных северных районов Республики Коми — в психоневрологический интернат деревни Константиновка Ижемского района. По словам медсестер, работавших в те годы в интернате, в начале он питался только хлебом и водой, которую он брал с реки Ижмы. Позднее, когда ему отказали в выписке, он в знак протеста отказался принимать пищу. В результате голодовки его физическое состояние ухудшилось. Медперсонал предпринял попытку искусственного питания (через зонд), но спасти его не удалось.

В день памяти св. вмч. Пантелеймона (9 августа по новому стилю) он умер и был похоронен в д. Константиновка.

После его смерти остались тетради с записями. В ходе экспедиции 2001 г. нами были получены в дар от Жикиной Е. П. (1941 г. р.) 8 тетрадей, оставшиеся от Гичева В. Н. Сейчас они находятся в фондах РЭМ. Они представляют собой обычные ученические тетради объемом 12 листов. В них включены переводы на коми язык различных религиозных текстов: Мытарство блаженной Феодоры; житие и страдание св. вмч. Пелагеи; воспоминание (краткое описание жития) о вавилонском епископе Зосиме; воспоминание о св. вмч. Александре и вмч. Антонине; отроковице Музе; воспоминание о св. вмч. Пантелеймоне; св. ап. Матфее; преп. Сусое Великом; св. вмч. Киндее; св. вмч. Юлиане; проповеди о. Иоанна Кронштадтского — *Откамын бõрйõм гижõдъяс протоиерей Иоанн Ильич Сергиевлцн* («Избранные проповеди протоиерея Иоанна Ильича Сергиева»). Эти тексты встретились нам пока только в тетрадях В. Н. Гичева. Возможно, и перевод на коми язык осуществлен им, в пользу этого говорят некоторые индивидуальные особенности переводов, содержащихся в этих тетрадях и не встречающиеся в других сборниках. Неясным остается, пользовался ли он при этом другими переводами или же переводы полностью сделаны им самим.

Эти переводы интересны как по составу переводимых текстов, так и по переводческой манере. В тех случаях, когда переводчик сталкивался со сложными религиозными терминами и понятиями, он наряду с найденным им коми эквивалентом данного термина в скобках приводит его оригинальную лексическую основу (русский, церковнославянский), обработанную в контексте повествования в соответствие с коми синтаксисом и грамматикой. Так, например, в переводе текста о мытарствах блаженной Феодоры название третьего мытарства он приводит следующим образом: *лõжнõ шувõм (клевета)* — «наговор, ложь (клевета)». Значительное место в его переводе занимают руссизмы (церковная христианская лексика, отсутствующая в коми языке): *гееннаыс* (геенна), *этиопъяс* (нечистые духи) и др. Как уже говорилось, характерная черта его переводов выстраивание синонимического ряда разнолексичных слов: *мыж (грекъяс)* — «(вина) грехи»; *прõстõ сейысь-*

яс (тунеядцы) — «едящие даром (тунеядцы)»; мисьтом (мерзкой) — «уродливый (мерзкий)» и др.

Безусловно, это говорит о незаурядном таланте В. Н. Гичева как переводчика, который понимал сложность перевода религиозных текстов и пытался практическим путем разрешить эту проблему (разработка коми религиозной терминологии).

Любопытной авторской манерой является оставление своего рода автографа в виде различных криптограмм. Так, в конце текста о мытарствах блаженной Феодоры имеется следующая запись: *СПА КТЭМАПУ*. Этот фрагмент не читается ни по коми, ни по русски и лишь перестановка слогов дает осмысленный, понятный коми текст: *Пас пуктöма* — отметину поставил (подписался). В конце одной из тетрадок с переводами поучений о Иоанна Кронштадского есть следующая запись, прочтение которой также возможно благодаря перестановке слогов: *Рвойяыспе ймаку рьяыс бöтика-ö вис-öдста вело тикö, йдитöмапро намме жемсяньги чнето йтимынквя съталöви нау. Жизги Силийва Миштду Мад-жисуку* — «Первойяыс куйима сыръя ... стависöд лове öтик, прöйдитöма менам гижемсянь точне квяйтымын висьталö уна. Гижис Василий. Думьшт...» («В начале три кисти ... всем будет одно. От моих записей прошли точно шестьдесят, говорит много. Написал Василий. Подумай...»).

Мы уже отмечали, что общая оценка жизни и его поступков различна среди информантов. Если в верхнем конце села информация о больнице ограничивается только скупой констатацией его пребывания в ней, то в нижнем эта информация обрастает рядом подробностей, выстроенных, как уже упоминалось выше, по канону христианской агиографии: мученичество, страдание за веру. Так, в одном из рассказов пребывание Гичева в больнице описывается следующим образом: у него клещами вырвали ногти с больших пальцев ног. Пальцы у него распухли. На следующий день пришел врач и намеренно наступил на ногу с больным пальцем, и внимательно стал наблюдать за реакцией В. Н. Гичева, но тот молча перенес эту боль. Через некоторое время врач вновь посетил его и сказал: «Большое у тебя терпение, Гичев!» Во время другой нашей беседы в верхнем конце села информант в заключение рас-

сказа о В. Н. Гичеве отметила: «Странный он какой-то был. Непонятно, какой он был веры. Иконы из дома вынес, может, баптистом был. Не знаю». На нашу просьбу прокомментировать это высказывание женщина, живущая в нижнем конце села и в прошлом крещенная в старообрядческом храме в Москве (Рогожское кладбище), ответила так: «Я не знаю, какой он был веры. Говорили про него, что он вынес иконы из комнаты, где он жил, но он их не выбросил и нас не учил этому. Вместе с нами молился, когда приходил к нам, хотя в доме у нас всегда были иконы. Говорил, кому как открыто, тот так и должен поступать. Другого такого я не знаю, кто бы так преданно, от всего сердца служил Богу...». Безусловно, это замечание по-своему примечательно. Женщина, для которой истинная вера заключается в старообрядчестве, сочла важным не педантичное соблюдение предписаний и норм, а сам акт веры — отречение от мирского ради служения Богу.

В селах Мьелдино, Пожег, Кекур значительный круг рассказов связан с именами местных подвижников *бурсьыласьяс*: Шахова Тимона Ефимовича (*Ефим Тимо* — 1885—1958), переводчика религиозной литературы из с. Шахтсикт; переписчика и составителя рукописных религиозных сборников из д. Пожегдин Ивана Прокопьевича Мартюшева¹⁸ и др. Многие жители этих верхневычегодских сел также помнят пророчицу из с. Мьелдино, известную под прозвищем — *Почё Настё*. По рассказам жителей, она обладала даром провидения, и с ее именем связывают различные эсхатологические пророчества: о появлении тракторов — *корт вовьяс по мусо кутасны горны* («железные кони будут пахать землю»); лесопунктов — *модар бокас по керьясон кутасны дзольгыны* («на другой стороне Вычегды бревна будут звенеть»); лагерей — «придут люди одетые в длинные рясы, как монахи, но это будут не монахи»; а также пророчества личного характера, когда тот или иной человек был предупрежден о грядущей опасности. Сохранились также воспоминания об основателе движения *бурсьыласьяс* Степане Артемьевиче Ермолине. Это уже тема для отдельного исследования.

Настоящая статья затронула лишь некоторые аспекты того многообразия, какое являет христианская жизнь совре-

менной коми деревни. Мы сознательно не коснулись канонического круга святых и церковных праздников (великих, средних и малых), а также местных престольных праздников, а ограничились тем кругом явлений, которые сложились стихийно в самой народной среде и, может быть, в некоторых случаях, как, например, движение *бурсьыласьяс* или же подвижническая жизнь В. Н. Гичева из Керчомьи, в разрыве с канонической традицией официальной церкви. Говоря о месте и роли этих духовных святых в жизни современного коми населения этого региона, отметим, что они являются некими духовными ориентирами и знаками в повседневной христианской жизни.

В заключение нам бы хотелось поблагодарить администрацию сел Мыелдино, Керчомьи и наших многочисленных информантов, чья помощь и доброжелательное отношение во многом способствовали успеху нашей собирательской работы: главу администрации с. Керчомьи А. А. Тарабукина, директора клуба с. Керчомьи В. Булышева; главу администрации с. Мыелдино В. А. Паршукова, преподавателя Мыелдинской средней школы Л. Л. Паршукову; главу администрации с. Дзель А. И. Касева; А. А. Лужикову, Е. П. Жикину, М. Р. Жикину, А. С. Напалкову — с. Керчомья; Н. П. Елкину, Ю. А. Жирютину, З. Н. Липину, Р. В. Паршукову, Л. И. Паршукову, И. В. Паршукову — с. Мыелдино; Е. А. Шахову, Е. А. Шахову, А. В. Мингалеву — д. Кекур.

1. Состав Верхневьегодской экспедиции РЭМ и НМРК (2001 г.): научный сотрудник НМРК О. Н. Смирнова (руководитель экспедиции); научный сотрудник НМРК В. Б. Липин, научный сотрудник отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УРО РАН В. Э. Шарапов, научный сотрудник РЭМ В. А. Галиопа, научный сотрудник РЭМ А. А. Чувьуров, А. Липина — студентка II курса факультета регионоведения СГУ, И. Ф. Морохин — водитель. Пользуясь случаем, авторы выражают сердечную признательность своим коллегам за помощь в сборе материала.
2. О тематике исследований М. А. Браун в Коми АССР см. — Браун М. А. Изучение народной одежды коми в Советские годы (по коллекции ГМЭ народов СССР) // Ленинская национальная политика в действии (тезисы докладов и сообщений на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР). — Сыктывкар, 1971. С. 194—195; Браун М. А. Узорное ткачество коми-пермяков. Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. — М., 1976. С. 144—147
3. Экспедиционная поездка С. И. Сергеля в Усть-Куломский район (Помоздинская волость Устьсысольского уезда Вологодской губернии) состоялась

- в 1906 г. Описание этой этнографической командировки приводится в монографии С. И. Сергеля «В зырянском крае» — Сергель С. И. В зырянском крае. — М., 1928.
4. Экспедиция Т. А. Крюковой в Усть-Куломский район состоялась в 1935 г.
 5. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. — М., 1978, С. 218—221
 6. Засодимский П. В. Лесное царство. // В делях Севера. — Сыктывкар, 1999. С. 125—126
 7. Шарапов В. Э. Богородичные праздники у современных коми. // Научные доклады КНЦ УРО РАН. Вып. 359. — Сыктывкар, 1995. С. 14—15
 8. Записано от Елкиной Н. П. 1928 г. р. с. Мыелдино, Усть-Куломский район
 9. Записано от Жириотиной Е. А. 1950 г. р. с. Мыелдино. Запись 2001 г.
 10. Записано от Жириотиной Е. А. 1950 г. р. с. Мыелдино. Запись 2001 г.
 11. Национальный архив Республики Коми, ф 1451, ок. 1, д. 5, с. 8.
 12. ФРЭМ (Фототека РЭМ). ф. 6055. № 44/1,2; 45
 13. ФРЭМ (Фототека РЭМ). ф. 6055. № 44/1,2
 14. Национальный архив Республики Коми, фонд 2053, оп. 1, дело 294. Похозяйственная книга с. Керчомья за 1961—1963 гг.
 15. Записано от Жикиной Е. П. 1941 г. р. с. Керчомья. Усть-Куломский р-н. Запись 1999 г.
 16. Национальный архив Республики Коми, ф 1451, оп. 1, д. 14, с. 245.
 17. Национальный архив Республики Коми, ф 1451, оп. 1, д. 15, с. 16.
 18. Упоминание об И. П. Мартюшеве встречается в отчете Ю. В. Гагарина — см. Гагарин Ю. В., Дукарт Н. И. Научный отчет Северного этнографического отряда в Удорский, Усть-Куломский районы Коми АССР, Архангельскую, Вологодскую области, Карельскую АССР. Сыктывкар, 1972 // Научный архив КНЦ УРО РАН, ф. 5, оп. 2, д. 70, С. 167
 19. Матюшева А. М., 1907 г. р., с. Мыелдино, Усть-Куломский р-н. Запись 2000 г.

АПОКРИФ «ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ» В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ВЫЧЕГОДСКИХ КОМИ

Проблемы народного христианства выдвинулись в последние годы в число важнейших у всех гуманитарных наук. В отечественной исторической и филологической науке данная проблематика в последние десятилетия преимущественно разрабатывалась археографами Москвы и Петербурга, которыми были выявлены и обследованы крупнейшие книжноручкописные центры Русского Севера: Нижняя Печора, Заонежье, Обонежье, Каргополье, Мезень, Северная Двина, Пинега. В рамках их исследований выделилась особая тема — литературная деятельность крестьянских переписчиков и писателей.¹ Во второй половине 1980-х гг. в археографическое изучение Русского Севера включились региональные центры: Вологда, Нижний Новгород, Пермь, Псков, Ярославль. В 1988 г. при Сыктывкарском государственном университете организовалась проблемная научно-исследовательская лаборатория фольклорно-археографических исследований — ПНИЛ ФАИ (в настоящее время, Фольклорно-археографический центр). Сыктывкарскими археографами было продолжено изучение книжных центров Нижней Печоры (Усть-Цилемский р-н Республики Коми), а также начато комплексное обследование Удоры — бассейна реки Вашки (Удорский р-н), самым ярким явлением которой можно считать деятельность династии удорских переписчиков Рахмановых-Матеевых.²

В числе социально-культурных очагов, обследуемых сыктывкарскими археографами и этнографами, особое внимание привлекает район Верхней Вычегды (Усть-Куломский р-н), где взаимодействуют различные этноконфессиональные и этнокультурные традиции. В середине XVIII в. в ряде верхневычегодских деревень (сс. Вочь, Помоздино и Керчомья) укоряется «глухая нетовщина» спасовского толка, связанная с переселением сюда русских старообрядцев из Соликамского,

Тобольского и Чердынского уездов.³ В конце XIX в. в других деревнях Верхней Вычегды (сс. Мыелдино, Усть-Нем) появляется религиозное движение *бурсьыласьяс* (певцы добра), имевшее некоторые близкие черты (пророчества, видения и др.) с русскими мистическими сектами (хлысты, пятидесятники).⁴

Упоминания о вычегодской рукописной традиции встречаются в работах Ю. В. Гагарина, А. К. Микушева,⁵ но специального научного изучения она не получила. В последние десятилетия сыктывкарскими исследователями выявлен ряд самобытных библиотек вычегодских крестьян (И. С. Рассыхаев, В. П. Кунгин).⁶

Исследования, проводимые нами в течение последних трех лет (1999—2001 гг.) в Усть-Куломской районе, показали, что в этом районе продолжает функционировать и развиваться своеобразная рукописная традиция. По ряду признаков верхневычегодскую рукописную традицию можно выделить как особое явление, уникальность которого состоит в его массовости, в то время, как рукописанием занимается обычно узкий круг грамотеев-книжников. Возможно, массовости способствует использование современного гражданского письма и коми языка. Рукописные сборники имеются во многих домах и их составляют в основном женщины, практически каждая более-менее грамотная женщина, активно включенная в религиозную традицию, готовит свой семейный рукописный сборник. Обычно они представляют собой ученические тетради объемом 12, 18 и 96 листов (последние встречаются чаще).

Цель таких сборников — практическое обеспечение повседневной религиозной жизни, что определено самой их структурой: утренние и вечерние молитвы, уставы о посте, различные разделы панихиды, духовные стихи, различные фрагменты житийной литературы. По мере износа сборники обновляются. При этом происходит постоянное обновление состава текстами из других сборников, знакомство с которыми чаще всего происходит во время совместных молений (на похоронах, на панихидах). Таким образом, происходит взаимопроникновение различных локальных традиций. Сборники, наряду с типовыми признаками, несут и индивидуальные черты своих составителей, определяемые их религиозными вкусами

и симпатиями. Любопытно, что несмотря на значительный вал различной религиозной литературы в последние годы, интерес к составлению таких сборников не иссяк и дело не только в том, что в рукописных сборниках есть тексты, которые не всегда можно найти в религиозных изданиях, например, различные апокрифы. Составление сборника воспринимается как подвижнический акт, как некая компенсация собственному духовному нерадению, своего рода самолично наложенная епитимья. Как заметила одна из информантов: *Колё же корко Ен дорас матыстчыны* («Надо же когда-нибудь приблизиться к Богу»).

Существенным моментом, отличающим вычегодскую традицию от других рукописных традиций, является двуязычие, причем коми язык не только имеет равные литургические права с русским, но в некоторых местностях даже вытеснет и его и церковнославянский.

Одним из главных вопросов изучения вычегодской рукописной традиции является вопрос о её истоках и авторстве переводных текстов. Православные миссионеры возникновения рукописной традиции среди вычегодских коми связывали с основателем *бурсьыласьяс* Степаном Артемьевичем Ермолиным.⁷ В 2000 г. в с. Мыелдино нами было записано следующее предание про основателя *бурсьылысьяс* — Степана Ермолина: «Степан Ермолин побывал на Печоре у коми старообрядцев и увидел, что там исполняются религиозные песнопения на коми. После возвращения в Мыелдино он сам стал заниматься переводами религиозных гимнов на коми. Приехали откуда-то с Москвы и взяли его переводы на проверку. Несколько мешков книг увезли. Через некоторое время вернули его книги, сказав, что все здесь правильно, можете пользоваться вашими книгами».⁸ Любопытно, что приводимое в предании упоминание о проверке рукописей С. Ермолина на «богодуховенность» действительно имело место. Рукописи С. Ермолина были изъяты и отправлены в Вологодскую духовную консисторию. Позднее они были возвращены автору со следующим заключением: «Во всех рукописях и книгах не найдено ни одной мысли, противной православию и дающей повод думать, что их хозяева держаться каких-либо сектантских заблуждений».⁹ Развитие рукописной

традиции вычегодских коми напрямую связано с историей *бурсьыласьяс*, его дальнейшим распространением в верхневычегодских селах. В начале 1920 г. влияние *бурсьыласьяс* охватило восемь верхневычегодских волостей, в том числе и Керчомскую, основная часть населения которой придерживалась старообрядчества. Распространение учения *бурсьыласьяс* в старообрядческих селениях Верхней Вычегды поднимает интересный вопрос — вопрос о взаимоотношениях этих двух движений. В частности, неясна роль старообрядчества в возникновении этого движения: духовные центры *бурсьылысьяс* (с. Мыелдино и с. Усть-Нем) расположены внутри старообрядческого анклава верхневычегодских коми. Многие не ясно и в самом верхневычегодском старообрядчестве: бытовали ли изначально среди них религиозные тексты на коми (духовные стихи, молитвы, акафисты, переводы житийной литературы) или это явления более позднего порядка, связанное с *бурсьылысьяс*. Исследования, проведенные нами в верхневычегодских селах: Керчомья, Дон, Жежим, Лебяжское, Усть-Нем, Пожег, Кекур, Шахтсикт, Мыелдино, позволяют охарактеризовать вычегодскую традицию как особый локальный вариант рукописной традиции, корнями связанный с религиозным творчеством *бурсьыласьяс*. На это указывает общность репертуара, встречающихся в сборниках религиозных текстов. Это не относится к музыкальным напевам религиозных песнопений и духовных стихов. Музыкальная фактура достаточно вариативна и имеет различные локальные особенности, но это особая тема, и в этой статье данная проблема не рассматривается.

К настоящему моменту известен и ряд других фамилий переписчиков и переводчиков религиозной литературы. В отчете за 1972 г. Ю. В. Гагариним упоминается проповедник *бурсьыласьяс*, житель д. Пожегдин Иван Прокопьевич Мартюшев, который занимался перепиской и составлением рукописных религиозных сборников.¹⁰ В ходе этнографических исследований, проводимых нами в Усть-Куломской районе, удалось установить фамилии еще нескольких переводчиков религиозной литературы — это Шахов Т. Е. из с. Шахтсикт, Гицев В. Н. из с. Керчомья.

Репертуар верхневыхегодских рукописных сборников включает разнообразный круг религиозной литературы: духовные стихи (как на коми, так и на русском), переводы житийной литературы, такие, как житие Алексея человека Божьего, житие св. вмч. Кирика и Улюты, житие св. Таисии, видения Макария Египетского. Встречается и уникальная литература апокрифического характера. Так, в 1999 г. в одном из рукописных сборников в с. Керчомья нам встретился текст «Хождение Богородицы по мукам» на коми языке. Сборник, в составе которого находился текст «Хождения Богородицы по мукам», представлял собой стандартную школьную тетрадку объемом 96 листов. На обложке надпись *Песнь и Ангел канон*. Сборник включал различный круг религиозных текстов, значительную часть которых составляли духовные стихи (на коми и русском): *Соловей*; *Стих на 40 день*; *Гора Афон, гора святая*; *Самарянка*; *Грешный душащий менам*; *Енмыс мянкөд* и др. Особый блок составляют тексты апокрифического характера (на коми): *Хождение Богородицы по мукам*, *Морт олом йылысь* (О жизни человеческой), *Припонтыстем* (во времена Понтия Пилата), *Страшный суд*. Определенное единообразие лексики в этих четырех переводимых текстах позволяет предположить, что они выполнены одним человеком, — очень квалифицированным, талантливым переводчиком, хорошо и даже тонко владеющим книжным и разговорным языком. Его индивидуальный стиль характеризуется богатством метафорических сравнений. Создается впечатление, что помимо содержательной стороны переводчика занимали и эстетические вопросы, и художественный стиль перевода. Подборка текстов свидетельствует, что переводчик интересовался в основном эсхатологической тематикой Страшного суда и посмертного воздаяния; о чем говорит и апокриф «Хождение Богородицы по мукам», а также помещенные по соседству: Воспоминание о крестных муках Христа — (*Припонтыстем* — во времена Понтия Пилата), *Страшный суд*, *Поучение о жизни человеческой (Морт олом йылысь)*, текст которого близок к сюжету духовного стиха о Михаиле и Гаврииле архангелах — перевозчиках через огненное море.

В коми тексте апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» отсутствуют некоторые подробности описаний ада

и изменен срок отдыха для грешников: от Великого Четверга до начала Петрова поста вместо *Пянтикостия* (святой Троицы). Публикуемый ниже текст «Хождение Богородицы по мукам» из Керчомби в других верхневычегодских селах обнаружить не удалось. Здесь также много вопросов: в какой среде осуществлен этот перевод — среди старообрядцев или *бурсьылысьяс*. Возможно, будущие археографические и фольклорно-этнографические исследования позволят ответить на эти вопросы.

Хождение Богородицы по мукам

Пресвятая Богородица кайис Елеонской гора вылц и юрбитіс Господьлы и юваліс сылысь мед эськō лэчис Михайлō Архангел и висьталіс адын мучитчанинъссō йōзлысь, и явитчис Михайлō Архангел и висьталіс сылы адсō и став мучитчанинъяссō. Богородица аддзис уна йōз, мужичōйъяс и женщинаяс и ыджьд бōрдōм кылō на дїнысь и юваліс Богородица кутшōм грекъясысь тая йōзыс мучитчōны. Михайлō Архангел шувō, тайōяс эз веритліны Ен Батьōс, Ен Пиōс и Дук Святōйōс и сы понда мучитчōны. Мōдлаысь аддзис мука, тайō нō кутшōм грекысь, но Михайлō Архангел шувō, оз пō позь тайō мычидчивлыны потому что тайō грешникъяслы запретитōма Господьлысь чужōмсō аддзывлыны во веки. Сэки Богородица шувō мед эськō веживлас жō пемыдыс, мед верма ме аддзывлїны мучитчїсьясōс, сэки сизимōд Небесаянь югнитіс и пемыд воссис и аддзис Богородица куйлō уна мужчина и женщина сир биын, а змейяс кыскасьōны на вывтї бōрдїгдырїи єна горзōны Богородицалы некор пō ми эгōй аддзивлōй Аврамōс ни Иоанн Предтечаōс, ни Петыр Павелōс. Богородица (шувō) ювалō кутшōм грекысь по тайцяс; Архангел шувō, тайцяс эз веритлыны, мый тэсянь чужō Ен пи, Иисус Христос — Спаситель. Богородица шувō ме понда мучитчōны крестьянскōй рōд, єна кутіс и бōрдны. Сэсся Богородицаōс нувисны херувимъяс, серафимъяс лун вылō визувтō сэтї би ю, сэнї би юас уна вōлі йōз, мужчина и женщина мукōдыс вōлі ставнас би юын, а мукōдыс голя вылō, мукōдыс коскōдзыс и морōсōдзыс. Кодъяс биын юрвывтї ная неправдалї служитісны, а кодъяс вōлі голяōдзыс биын найō мортлысь вир ювисны, мōдамōдсō вузавлісны смерть вылō, кодъяс косвїяяс биын найō батьмам єр кыв кузя, а кодъяс

мөрөсөдзыс биын, найо рөдкөд грешитысны и кумовкөд. И ад-
дзис Бҗородиба сзсь жө мортөс сійө номыр сейө, вывтырыс
номыр, сійө пө вөлі процентөн бостытө и сы понда сја сэтшөм
мукаын. Мөд мортөс вөлі өшөдөма кывйөдыс, а коймөдөс вөлі
өшөдөма пельөдыс. Отыс вөлі клеветуйтө, мөдыс водзө вись-
талө. Богородица шувө ещө эг на аддзыв ёна мучатчисьясөс
и босьтисны Ангельяс нувисны рытыв вылө, и сзні вөлі уна пась-
кыд места шөрас би сюръя. С зні вөлі уна йөз куйлөны муж-
чина и женщина и на вывтi кыскасьөны змейяс, найө пө вөскре-
сение эз почитайтліны и мукөд празникьяс. Асьясө узисны
өбеднясө сейисны. Мөдлаын вөлі пулі пукалөны лек сөветуй-
төны и гырысьсөс эз почитайтны, ная вөлі биын сотчөны өт-
лаын вөлі ыджыд гу, а сзні вөлі өшалөны уна крукьяс, вугырьяс,
сэтчө вөлі өшөдөма грешникьясцс, кодсө кывйөдыс, кодсө пель-
өдыс, кодсө кокөдыс, ная воліны волшебникьяс, лек вөчысьяс.
Сзсся өтилаын вөлі өшалөны поньяс би вылын найө вөлі пре-
стол водзын эз Ен стракөн служитны и Ен сернинас небрежнөя
относитчисны и Святөй даринад да прөскурнад оз чистөя вөд-
итчыны. Ещө сзні вөлі йөз куйлөны, найөс вөлі зверьяс косявлөны
телсө, сійө вөлі книжник и йөзсө велөдө Ен законө, но ачыс эз
ветяі Ен закон серти. Сзсся водзынджык вөлі мучитчөны калым
босьтысьяс, номыр вөлі чужөм вылынас ветлө а яйыс ас вы-
лас эз нин вөв. Сзсся ещө пежа олысь. Ещө өшалөны женщи-
наяс биын — попадьяс кодьяс мөд мужикөд олісны. Ещө вөлі
өшалөны увлань юрөн женщинаяс кык юра змейяс кывсө ню-
жөдөмөн сы вывтi кыскасьө. Тайө вөлі нывьяс пежа олысьяс.
Ещө вөлі би юын мучитчөны уна мужик и нывбабаяс сјаяс
вөліны гусьасисьяс, разбойникьяс, милостөмьяс и ёрөмаяс уна
бабаөн олысьяс. И Архангел юваліс мыйла Богородица бөр-
дан? Эн на ещц аддзив гырысь мучитчисьясөс, мунам да ад-
дзам и водзө мунісны аддзисны ыджыд ты сирөн да биөн кайө
джуджыда сійө тыын мучитчөны Христосөс рөспинайтысьяс.
Сзки Богородица шувө, Михайлц Архангеллы окотитанөн кев-
мысьны крестьянскөй рөд понда. Отилав став Ангелскөй си-
ласө и кевмысьөй став грешникьяс понда чукөртчисны став
Ангельскөй силаыс и лэптисны Богородицаөс небеса вылө и пон-
дісны ставыс Господь водзын кевмысьны. Божья Матер кисө
лэптис ыджыд престол дорөдз и шувис, Господей небеса и му

вѣчысьѡй помилуйт ыджыдѡй, миртѡ асчыд. Аддзвылі ме ыджыд мукаяс страшнѡ, ог вермы терпитны, сійѡ быгтѡ ме ачым сэнї мучитча, найѡ несчастнѡйяскѡд, сэсся вѡлі гѡлѡс кылѡ небесаянь Христослѡн, ог вермы ме найѡс прѡститны гырысь мыжь-ястѡ. Богородица шувѡ ме вед ог шу ставсѡ, но только крестьянскї рѡд понда, кодьяс пыртчивлісны Христос ним кузя. И бара шувис Христос, кыз ме верма прѡститны, кор найѡ асчыныс чойвокнысѡ эз вермыны прѡститны. Сы бѡрын Богородица горѡдіс: Кѡні нѡ Иван Креститель? Кѡні Михайлѡ Архангел? Кѡні нѡ Апослоьяс? Кѡні нѡ мученикьяс и мучениѡбаяс? Став святѡйясѡй? Локтѡй уськѡдчамѡй Христослы кевмысьмѡй став крестьянскѡй рѡд понда. Сэки чукѡртчисны став святѡйяс и уськѡдчисны Господь водзѡ и городісны Господей примит крестьянскѡй рѡдѡс. Господь шувѡ менѡ гортѡ пуктывлісны, рѡспинайтлісны. Господь пырис да адлысь ѡдзѡссѡ жугѡдіс и петкѡдіс став йѡзсѡ, сы бѡрын бара асьнысѡ печалісны. Менам ним кузя пыртчѡмысь откажитчисны. И кевмысьны кутіс крестьянскѡй рѡд кузя — понда тѡждысьысь Похвала Богородица, помилуйт Господей грешникьясѡс югыд рай ним кузяыд. Сэки Господь шувис менам мам молитва кузя, да уна синва кузя, да став святѡйяс молитва кузя, сета грешникьяслы покой ыджыд Четверг лунсянь да Петырвидзѡ пыран лунѡдз, сэки Богородица и став Ангельяс, Архангельяс, Апостольяс, пророкьяс и мученикьяс горѡдісны ѡти гѡлѡсѡн: Слава Царствию Твоему Владыко! Слава смотрению Твоему Едине Человеколюбче!

Хождение Богородицы (перевод)¹¹

Пресвятая Богородица поднялась на Елеонскую гору и помолилась Господу, обратилась к Нему, чтобы спустился Михаил Архангел и показал в аду места людских мучений. Явился Михаил Архангел и показал Ей ад и все места мучений. Богородица увидела множество людей, мужчин и женщин и услышала вопль и плач громкий. Богородица спросила: «За какие грехи эти люди страдают». Ответил Михаил Архангел: «Эти люди не верили в Бога Отца, и Сына, И Святого Духа и потому находятся они в этих мучениях». В другом месте Она услышала вопли страждущих. Спросила: «А эти за какие грехи находятся в этом месте». Ответил Михаил Ар-

хангел: «Этих людей нельзя увидеть, потому что этому роду людей запрещено во веки веков показываться пред лице Господне». Тогда Богородица обратилась, чтобы на короткое время просиял свет, чтобы она смогла увидеть находящихся в мучении. Тогда по ее просьбе с седьмого неба просиял свет и тьма разверзлась и увидела Богородица множество мужчин и женщин в смоляном огненном озере, и змеи обвилились вокруг их тел. Они с плачем и с громким воплем стали кричать Богородице, что ни видали они ни Авраама, ни Иоанна Предтечи, ни Петра и Павла. Спросила Богородица: «За какие грехи страдают эти люди?» Архангел отвечает: «Эти не веровали, что от Тебя родится Сын Божий — Спаситель Христос». Богородица сказала: «Из-за меня страдает христианский род». Сильно стала скорбеть и плакать. Тогда херувимы и серафимы повели Богородицу на юг. Течет там огненная река, а реке огненной множество людей — мужчин и женщин. Одни были полностью погружены в огненную реку, другие находились в ней по горло, некоторые по пояс и по грудь. Те, кто полностью был погружен в огненное море, они были наказаны за то, что служили неправде, а по горло в огненную реку погружены — кровопийцы, те кто друг друга предавали на смерть. По пояс в огненной реке находились те, кто не почитал родителей, кто скверными словами обзывал их, а те, кто по грудь находились в огненной реке, те с родственниками своими вступали в прелюбодейные отношения, кум с кумой находились в сожительстве. Увидела там Богородица человека, которого всего облепили черви, съедали плоть его. Он был лихоимцем, брал с людей большие проценты и за то оказался в таких муках. Увидела Богородица некоего человека, которого повесили за язык. Здесь же висел другой — повешенный за ухо. Первый был клеветником за то и находился в таких муках, а второй лжепророком — предсказывал будущее. Богородица сказала: «Я еще не все страдания и места мучений увидела». И взяли ее ангелы и повели на запад. Там было широкое место: в середине огненные языки. Там было великое множество народа. Змеи обвили их тела. Они были наказаны за то, что не почитали воскресение и других христовых праздников. Во время утрени спали, а во время обедни насыщали плоть свою. В другом месте сидели те, кто недобрым делам учили людей, а также те,

кто не почитал начальствующих и властей. Они находились в пламени огненном. В другом месте находился глубокий ров и там висело много разных крюков и рыболовных крючков, на которых висели грешники: одни за язык, другие за ухо, третьи за ноги. Это были различные ворожеи, колдуны и знахари. В другом месте висели над огненным пламенем собаки. Это те, кто приступал к престолу Божию, к святыне Божьей без Божьего страха. Кто небрежно относился к Божьим поучениям и проповедям, кто небрежно совершал святое причастие и святую просфиру, кто в нечистоте подходил к святому телу и плоти Господню. Находились там еще различные люди. Они были преданы на растерзание зверям. Это был книжник, который преподавал закон Божий людям, учил их исполнять Божьи заповеди, а сам всячески переступал Божьи постановления и законы. А чуть поодаль в мучениях находились взяточники: черви ползали по их лицу, а плоть вся уже была изъедена ими. Там находились также всякие прелюбодеи. Висела в пламени женщина — попадья, которая второй раз вышла замуж. Вниз головой там висели женщины. Двуглавые змеи с высунутым языком ползали по ним. Это были девушки, которые не сохранили своего девства. Там же в огненной реке находилось множество людей — мужчин и женщин. Это были воры, разбойники, не оказывавшие милостыни нищим, сквернословы, блудники. Архангел спросил Богородицу: «Богородица, почему Ты плачешь? Ты еще не видела находящихся в страшных мучениях. Пойдем и увидишь». Они пошли дальше и увидели большое смоляное озеро. Пламя высоко взмывало с этого озера. В этом озере мучились те, кто распинал Христа. Тогда Богородица обратилась к Михаилу Архангелу: «Михаил Архангел, будешь ли ты подвизаться в молитве за род христианский?» Собери в одно место все силы ангельские и молитесь за всех грешных. Собрались все силы ангельские и подняли Богородицу на небеса и стали пред Господом возносить молитву. Божья Мать подняла руку к великому престолу и сказала: «Господи, Творец земли и неба, помилуй Великий (Всевышний) мир, который Ты сотворил. Видела Я муки страшные и не в силах вынести увиденные страдания. Как будто Я сама вместе с ними, с этими несчастными, нахожусь в этих страшных муках». Тогда с небес раздался возглас Христа: «Не

могу Я их простить, — слишком велики их грехи.» Богородица отвечает: «Не за всех Я прошу, а только за род христианский, за тех, кто некогда ради имени Христа принимал святое крещение». И вновь отвечал ей Христос: «Как я могу простить их, когда они не сумели простить проступки своим братьям и сестрам». Тогда вскричала Богородица: «Где Иоанн Креститель? Где Михаил Архангел? Где апостолы? Где мученики и мученицы? Где все святые? Придите, падем к ногам Христа и будем умолять за род христианский!» Тогда собрались все святые и пали пред Господом и вскричали: «Господи, прими род христианский». Господь отвечает: «Меня распинали, во гроб положили. Затем Господь вошел и сломал (отверз) двери ада и вывел всех людей, а они вновь стали творить всякую нечистоту. Оскверняли святое крещение, которое принимали ради имени Моего». И вновь стала молиться и просить за род христианский Похвала Госпожа наша Богородица: «Помилуй, Господи, грешных ради имени святого рая». Тогда Господь ответил: «Ради молитв Моей Матери да ради слез Ее многих, да ради молитв всех святых, дам отдохновение, покой грешникам, от дня Великого Четверга до начала Петрова поста». Тогда Богородица и все ангелы, Архангелы и Апостолы, пророки и мученики, воспели песнь Господу: «Слава Царствию Твоему Владыко! Слава смотрению Твоему Едине Человеколюбче!»

1. Мелихов М. В. Печорский книжник XX в. С. А. Носов и его эпистолярное наследие // Мир старообрядчества. Личность, книга, традиция. Вып. 1, М. — СПб., 1992. С. 71—81; Смилянская Е. Б. Книжник старообрядческого села Кунича, что в Бессарабии, К.И.Донцов // Мир старообрядчества. Личность, книга, традиция. Вып. 1, М. — СПб., 1992. С. 82—99; Бахтина О. Н. Особенности творческой работы старообрядца-книжника конца XIX в.—нач. XX в. А. Н. Нифантова (по его читательским пометам на книгах) // Мир старообрядчества. Личность, книга, традиция. Вып. 1. — М. — СПб., 1992. С. 101—107; Церняк У. На рубеже культур: Творчество Фаддея Зиновьевича Ионика // Мир старообрядчества. Личность, книга, традиция. Вып. 1. — М. — СПб., 1992. С. 109—116; Агеева Е. А. Современный старообрядческий писатель А. К. Килин // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992, С. 277—282; Зольникова Н. Д. Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992, С. 283—288,

ИСТОРИЯ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩ
НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ КРАЯ
В I ПОЛОВИНЕ—СЕРЕДИНЕ XIX в.

В начале XIX в. была проведена реформа духовного образования, которая ввела строго иерархичную трёхзвенную систему, кардинально изменившую прежний порядок замещения и пополнения церковных кадров. В городах и селениях как минимум на один или два прихода, смотря по числу прихожан, должно быть одно приходское училище¹, а к этому времени на территории Коми Края располагалось 63 прихода: в Усть-Сысольском уезде — 38 и в Яренском — 21, относившихся к Вологодско-Устюжской епархии, а в Мезенском уезде Архангельской епархии — всего 3 — в Пустозерске, в Усть-Цильме и в Ижме². Причем до реформы духовенство обучало своих детей дома и только в редких случаях посылало их в Вологодскую духовную семинарию для продолжения образования и получения сана священника³. Приходские училища обычно устраивались в домах духовенства. Обучалось там несколько крестьянских мальчиков, из которых должны были впоследствии выйти младшие священнослужители, чтецы и певчие⁴. В училище преподавались следующие предметы: чтение, письмо, четыре арифметические действия, Закон Божий, нравоучение, а также чтение с комментариями книги «Краткое наставление о сельском домоводстве»⁵. Предполагалось, что чистописание и арифметику должны преподавать дьяки, а катехизис — священники⁶. Открываться приходские училища должны были без принуждения чиновников, но с их покровительством и помощью. Учреждение и содержание училищ производилось за счёт крестьян на казённых землях, за счёт помещиков — на частных землях и за счёт горожан — в городах⁷. Последнее и определило очень медленное появление приходских школ, что было в том числе и потому, что на содержание училищ и оплату преподавания государством не выделялось никаких средств⁸. Поэтому такие школы, открытие которых всецело зависело от добровольного желания священнослужителей, рас-

пространения в Коми крае не получили. Помимо материальных причин, это объяснялось также отсутствием среди духовенства лиц, способных справиться с обучением детей даже по такой примитивной программе. В 1809 г. крестьяне Усть-Выми, Часова, Серегова, Важгорта и Кослана в своем прошении к архиерею высказали желание иметь в своих селениях приходское училище. Епархиальные власти, занимавшиеся по просьбе губернского директора народных училищ подбором учителей, вынуждены были признать, что в данных селениях только усть-вымский дьякон знает арифметику и пишет порядочно, а остальные причетники не способны к учительскому званию⁹. И только в 1822 г. в самом Яренске¹⁰ и в Усть-Сысольске открыты подготовительные классы, готовившие будущих учеников Яренского уездного духовного училища (открытого в 1815 г.)¹¹.

В царствование Николая I главное внимание стало обращать на Закон Божий и на изучение русского языка другими народами, населяющими Российскую Империю. По уставу от 8 декабря 1828 г. в программу приходских одноклассных училищ входили: «Закон Божий, чтение гражданской и церковной печати, письмо, первые четыре правила арифметики». В отношении доступа к получению образования произошло разделение народа на «состояния», то есть на сословия¹². Получилось, что крестьяне могли учиться только в начальной школе, городское, податное сословие — лишь в начальной и в средней специальной, а в гимназиях и в университетах могли учиться одни дворяне. Эта реформа окончательно оторвала начальную школу от средней и высшей. Таким образом, в конце 1820-х гг. были внесены изменения во всю систему, которые привели к большей консервативности преподавания предметов в начальной церковной школе, и к большим трудностям для получения образования вообще. И именно в 1828 г. открылась Ижемская приходская школа¹³. Это была первая сельская церковно-приходская школа не только в Мезенском уезде Архангельской епархии, но и во всём Коми Крае. Целью открытия школы являлась, по-видимому, миссионерская деятельность православных священников среди старообрядцев. Открытие Усть-Сысольского приходского училища состоялось в 1835 г.¹⁴.

В 1836 г. Синод специальным указом рекомендовал духовенству заняться обучением приходских детей. Однако это пожелание не нашло отклика у священнослужителей Коми края из-за их нежелания брать на себя бесплатную обузу, из-за недостаточной подготовленности к учительской деятельности, а также отсутствия материальных средств¹⁵. Иногда даже собранные с прихожан средства на открытие школы использовались не по назначению или просто присваивались духовенством. В 1832 г. колвинский священник Иоанн Попов с целью обращения ненцев в православие проявил намерение открыть школу. С оленеводов-кочевников, ненцев и коми ему удалось собрать на это дело 172 оленя и 438 рублей 40 копеек. Однако эти средства и другие пожертвования были впоследствии присоединены к церковному имуществу. В последующие годы были проведены новые сборы на строительство здания школы и «домашнее заведение». Школа все-таки была открыта в 1845 г., но не в специальном здании, а в кое-как поправленном причтовом доме. За ветхостью его впоследствии пришлось сломать. Занятия стали проводить в маленькой тесной комнатке другого причтового дома¹⁶.

В 40-е годы после нового указа Синода и настоятельных требований епархиальных властей приходское духовенство края вынуждено было открыть несколько церковных школ. Однако они были крайне бедны, а сами учителя (это были приходские священники) мало старались улучшить положение¹⁷. Учащихся в церковных школах было немного. Так, в 1846 г. в Небдинской обучалось всего 10 учеников, в Усть-Куломской — 12, в Троицко-Печорской — 14¹⁸.

В 1850 г. епископ Вологодский обратил внимание на церковно-приходские школы и предписал, чтобы при монастырях и при каждой церкви обучали детей крестьян письму, чтению, молитвам, причем это вменялось в обязанность священно-церковнослужителям¹⁹. И в 1851 г. в Коми крае на территории Яренского и Усть-Сысольского уездов число церковных школ достигло 11, в них обучалось 308 мальчиков и 12 девочек, из них 104, т. е. одна треть, числились неуспевающими. Наблюдался большой отсев учащихся. Так, в 1850 г. закончили курс обучения 62 учащихся, а 37 прекратили занятия до его окончания²⁰. В Яренском уезде в 1857 г. открылась Чупровская цер-

ковно-приходская школа²¹, в Усть-Сысольском уезде открылось три школы, а при других церквях обучение крестьянских детей происходило в небольшом количестве²². Обеспокоенное ростом крестьянских волнений в предреформенный период духовенство стало больше обращать внимания на церковные школы, рассматривая их как важное средство влияния на народные массы²³.

В 1860 г. Вологодская духовная консистория через духовные правления и благочинных предписала всем священнослужителям открыть сельские училища в каждом приходе²⁴. Обучение детей было возложено на местных священнослужителей²⁵, которые сами должны изыскивать средства на содержание этих школ и большей частью они содержались за счет взносов прихожан²⁶. Для обучения детей в открытых школах в этом же году Вологодская епархия разослала букварь с церковными и гражданскими буквами, с утренней и вечерней молитвами, с краткой Священной Историей, с катехизисом, с кратким нравоучением, с начертанием цифр и с таблицей умножения для изучения чтения, письма, простых арифметических действий и Закона Божьего²⁷. В том же году и в начале 1861 г. в Яренском и Усть-Сысольском уездах были открыты 4 новые школы. Летом 1861 г. в соответствии с царским повелением Синод предложил вологодскому епархиальному начальству обратить особое внимание на распространение в епархии народного образования. В соответствии с этим консистория разослала новый указ благочинным: подготовить школьные помещения, привлечь священников к занятиям по священной истории, изучению катехизиса и молитв, а младших членов клира — по математике, чтению и письму. Последовал ряд правительственных распоряжений относительно участия церкви в народном просвещении. В 1862 г. на основании проекта Синода и министерства народного просвещения «по высочайшему повелению» духовное ведомство получило полную самостоятельность создания своей системы школьного образования²⁸.

14 июля 1864 г. вышло «Положение о начальных народных училищах», программа которых оставалась прежней (Закон Божий, чтение, письмо, четыре арифметические действия)²⁹, но содержание коренным образом менялось: не было

концентрации на преподавании Закона Божьего, и обучение велось с учётом возможности дальнейшего продолжения образования. А кроме того, приходские школы стали открываться в больших количествах. Так, например, в Усть-Сысольском уезде в первой половине 1866 г. существовало 28 школ, где учились 294 мальчика и 24 девочки, а во второй половине 1868 г. стало 30 школ, где было 433 мальчика и 13 девочек. В то же время в Яренском уезде насчитывалось 24 школы, где учились 218 мальчиков и 42 девочки. За 10 лет с 1860 по 1870 гг. в Усть-Сысольском уезде открылось 32 школы, в Яренском — 25, в Печорском — 7³⁰. Но точное число школ установить было довольно трудно. Часто школы вырастали ввиду предстоящей ревизии, а затем исчезали³¹. Об этом же факте пишут Я. Н. Безносиков³² и М. Сивкова³³. Таким образом, в начале пореформенного периода положение начальной церковной школы значительно улучшилось. Но в связи с организацией земской школы количество церковно-приходских школ сократилось³⁴, т. к. население отдавало предпочтение земской школе, которая в большей степени была приближена к запросам сельской жизни и отличалась высоким качеством преподавания³⁵.

1. Начальное народное образование. // Энциклопедический словарь. Репринт издания Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. 1890. Ярославль, 1990 Т. 40. С. 355.
2. Павлюшин С. Е., Крутиков А. В. Храмы Коми края. // Историко-культурный атлас Республики Коми. — М., 1997. С. 94.
3. Национальный архив Республики Коми (НА РК.). Ф. 116. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 10.
4. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. — М., 1978. С. 146.
5. Нач. народ. образов. ... С. 355.
6. Гагарин Ю. В. Указ. соч. С. 146.
7. Нач. народ. образов. ... С. 355.
8. Гагарин Ю. В. Указ. соч. С. 146.
9. Там же.
10. Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. — М., 1968. С. 27.
11. Вологодские епархиальные ведомости. 1900. 7—8. С. 168.
12. Нач. народ. образов. ... С. 355.
13. Безносиков Я. Н. Культ. револ. ... С. 27.
14. Стаханов В. Народное образование. // Республика Коми: энциклопедия. Т. 1. 1997. С. 146.
15. Гагарин Ю. В. Указ. соч. С. 147.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Кедровский Н. Церковно-приходские школы в Вологодской епархии. // Вологодские епархиальные ведомости. 1869. № 9. С. 318—319.

20. Гагарин Ю. В. Указ. соч. С. 147.
21. Бондаренко О. Е. Учебные заведения в Коми Крае в конце XIX— начале XX вв. — Сыктывкар, 1998. С. 140.
22. Кедровский Н. Указ. соч. С. 318—319.
23. Гагарин Ю. В. Указ. соч. С. 147.
24. Там же. С. 147—148.
25. Сивкова М. Указ. соч. С. 273.
26. Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. — Сыктывкар, 1973. С. 6.
27. Кедровский Н. Указ. соч. С. 318—319.
28. Гагарин Ю. В. Указ. соч. С. 148.
29. Фортунатов А. А. Школьное дело. // Энциклопедический словарь. Товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К.». М., 1922. Т. 50. С. 139.
30. Сивкова М. Указ. соч. С. 273.
31. Кедровский Н. Указ. соч. С. 318—319.
32. Безносиков Я. Н. Развитие Народного Образования С. 5.
33. Сивкова М. Указ. соч. С. 273.
34. Там же.
35. Бондаренко О. Е. Учебные заведения во второй половине XIX— начале XX вв. // Историко-культурный атлас Республики Коми. — М., 1997. С. 102.

Н. В. ИЛЬИНСКИЙ И СЕВЕРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Профессор Николай Васильевич Ильинский — заметная фигура в краеведении всего европейского севера в 20-е годы, его многочисленные работы и сейчас представляют большой интерес. Очень значительный вклад внес Н. В. Ильинский и в изучение ботанического строения Вологодской губернии. Его работы по флористике, луговодству в начале века поставили его имя в один ряд с известными исследователями северной флоры — Н. А. Иваницким, А. А. Снятковым, И. А. Перфильевым. Сведения о деятельности Н. В. Ильинского в современной литературе достаточно скудны, хотя его научное наследие, особенно в области краеведения, велико и еще ждет своих исследователей.

Родился Николай Васильевич в с. Устье Кадниковского уезда Вологодской губернии 9 мая 1884 г. Учился в Рыбинской и Вологодской гимназиях. В 1909 г. заканчивает естественное отделение (по агрономическому циклу) Петербургского университета. С 1910 г. Ильинский работает в должности учителя Вологодского городского училища, а затем Тотемской учительской семинарии.

В 1910 г. по заданию Вологодского общества по изучению Северного края (ВОЙСК) Н. В. Ильинский совместно с преподавателем Вологодской торговой школы И. И. Шеляпиным и 10 учащимися совершили 23 дневную экскурсию от Вологды до села Помоздино и в популярной форме описали свое путешествие по маршруту Усть-Вышь — Серегово — Усть-Сысольск — Ульяновский монастырь — Усть-Кулом¹.

В 1912 г. Ильинский снова путешествует по Коми краю — он совместно с другими членами ВОЙСКА: зоологом Б. М. Тихомировым и горным техником Ф. А. Якшевичем исследует недавно открытые на Сыsole фосфориты и выполняет обширные ботанические наблюдения, результатом чего были несколько публикаций, давших интересные сведения о то-

гда еще очень плохо изученной растительности бассейна р. Сысолы². До Н. В. Ильинского подробно флора района изучалась только В. Д. Андреевым, участником Печорской экспедиции под руководством П. И. Гоголова.

Н. В. Ильинский привел описание растительных формаций на берегах р. Сысолы: «И так следующие формации могут быть отмечены на берегах Сысолы: 1) водная растительность; 2) болотная; 3) луговая; 4) лес; 5) поле (огород) с сорной растительностью; 6) выгона и дороги (2. С. ?)¹ и обширный список растений (321 вид).

Николай Васильевич передал гербарий (162 вида растений), собранный им в экспедиции 1912 г. на Сысолу Усть-Сысольскому краеведческому музею, тогда еще только недавно начавшему свою деятельность. Этот гербарий значительно пополнил фонды нового музея и явился как бы основой формирования ботанической коллекции³.

Перед революцией Н. В. Ильинский принимал активное участие в работе Тотемского отдела ВОИСКа. Он был одним из учредителей отдела.

В 1917 г. Ильинский посещает места раскопок В. П. Амалицким остатков пермской фауны. Результатом этого посещения стал очерк, в котором автор показал, как проходили раскопки, прославившие геологическую российскую науку и какова судьба геологических находок на тот период времени⁴.

С 1919 г. Н. В. Ильинский был профессором ботаники Вологодского педагогического института и одновременно работал в молочнокопромышленном институте.

Попутно с ботаническими исследованиями (в 1919—1920 гг. — изучение растительности Присухонской низменности и др.) Н. В. Ильинский постоянно занимался краеведением и в том числе, его теоретическими вопросами. В 1918 г. в Тотьме, на учительской конференции, им была прочитана лекция, которая явилась основой брошюры «Родиноведение, его история и значение»⁵. В этой работе он рассмотрел историю становления Родиноведения, его принципы и задачи. Многие вопросы, затронутые в этой публикации, актуальны и в наше время.

Начало века — переломный момент в Российском краеведении — активно свою деятельность по освоению местных

территорий и природных богатств начали проявлять земства и частный капитал.

Н. В. Ильинский считал, что революция 1905 г. явилась рубежом перехода от академического отечествоведения к подлинно общественному и деятельному родиноведению. «Другими словами — мы видим — как умирает старое „отечествоведение“ — этот одряхлевший пережиток 19 века и на его место, на заре 20 века встает уже на ноги более плодотворное и активное родиноведение с его тремя главными отличительными признаками: демократичностью, самодеятельностью и возбуждением любознательности в обществе. Другими словами, оно 1) выносит науку на улицу, 2) привлекает местные силы и 3) вызывает интерес к родным богатствам, историческому прошлому и красотам своей родины (5. С. 11)». С этим мнением Николая Васильевича нельзя не согласиться, потому что в начале века мы видим образование многочисленных региональных сообществ исследователей своего края: Вологодское отделение Ярославского Естественно-Исторического Общества, неразрывно связанное с возникшим позднее ВОИСКом, Архангельское Общество изучения Русского Севера и ряд их филиалов и отделений, в том числе в Усть-Сысольске.

Вместе с утверждением о смене отечествоведения родиноведением Н. В. Ильинский подчеркивает, что «родиноведение» не наука, а всего лишь «лабораторный метод с его активностью, трудовым началом и возбуждением любознательности к дальнейшему творчеству. Здесь лишь, в отличие от школьного метода, прибавляем элемент общественности, демократичности, так как наука вышла на улицу, в народ. Здесь мы находим экскурсии, собирание коллекций, производство непосредственных изысканий. Члены родиноведческой организации сами становятся исследователями, открывают новые горизонты — богатства родного края в его настоящем и прошлом С 5.С. 26. Это утверждение звучит достаточно актуально и сегодня, так как здесь речь идет об использовании в краеведческой работе исследовательского метода⁶.

Н. В. Ильинский подчеркивает, что на смену отечествоведению — изучению всего Российского государства с различных позиций — пришла другая наука — краеведение. Жизнь

поставила задачу в первую очередь изучать и осваивать свой край (губернию, земство и т. д.). Но что должно изучать в таком случае краеведение? Вопрос до сих пор не решенный. Н. В. Ильинский четко представлял неоднородность краеведения и писал: «И так не родиноведение сменило отечествоведение, а правильнее говоря „краеведение“ или еще вернее, ряд краеведений на родиноведческой основе» (5. С. 27).

В 20-х годах условия для успешного разрешения теоретических вопросов краеведения еще не сформировались, и это Н. В. Ильинский вынужден признать: «Относительно краеведения — должен признаться, что оно, как наука о родном крае, как заключительная глава географии, в которой приводятся в систему и обогащаются все сведения о данной местности, уясняется причинная зависимость данного состояния края от общих условий его развития (климатических, географических, исторических, экономических, социальных) — еще дело будущего (5.С.26)». И совершенно не случайно в этот период времени и в центральной, и в региональной литературе проводится полемика о том, что такое краеведение, каковы его методы и т. д.

Деятельность Николая Васильевича теснейшим образом связана с ВОИСКом, в котором он постоянно трудился. Очень активно Н. В. Ильинский проводил кружковую работу, которая была очень характерна для образовательного процесса 20—30-х годов. В 1921 г. проф. Ильинский читает в Институте Народного образования курс «Северный край» и организовывает краеведческий кружок, на заседаниях которого выступают с докладами не только студенты, но и известные краеведы-специалисты.

И все же с середины 20-х годов краеведение становится все более и более подотчетно партийным и хозяйственным органам. Несколько изменяется и взгляд Н. В. Ильинского на родиноведение. Он признает, что основная задача краеведения не только изучать определенный «край», но также «исправлять местную природу и жизнь».

По нашему мнению, Н. В. Ильинский введением понятия «экстенсивное краеведение» несколько преуменьшил свои заслуги в организации школьного комплексного краеведения, которое было поставлено им на очень высокий уровень.

В 1927 г. Н. В. Ильинскому было предложено создать хрестоматийное пособие по краеведению Вологодского края. В 1928 г. такое пособие было издано,⁷ в нем практически не затронуты теоретические вопросы краеведения, но зато во всей полноте проявились способности Н. В. Ильинского как преподавателя и отличного методиста.

В 1930 г. из-за повсеместных гонений на краеведческое движение общество Изучения Северного Края было закрыто, в 1934 г. деятельность его восстановлена, и в 1937 г. общество снова было закрыто вместе со всеми краеведческими обществами во всей стране. В связи с этим в тридцатые годы творчество Н. В. Ильинского проявилось, в основном, в ботанических исследованиях, посвященных изучению луговодства на севере.

По данным С. П. Белова⁸, в 1937 г. Н. В. Ильинский выехал в Крым для написания докторской диссертации, но был арестован, этапирован в Архангельск и после проведенного следствия и осуждения расстрелян 21 апреля 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1961 г.

В Справочнике «Вологда, 12 — начало 20 века» год смерти — 1943 г.⁸

1. От Вологды до Усть-Кулома. Путевые заметки (Экскурсия учеников Вологодской городской торговой школы) Ильинский Н. В., Меляпин И. П. — Вологда, 1911. 49 с.
2. Растительность по реке Сыsole (фитогеографический очерк берегов Сыsole) Ильинский Н. В. — Вологда, 1914. 37 с.
3. Все о природе Севера Зинченко Н. // Вестник культуры Коми ССР — Сыктывкар, 1991. Вып. 3. С. 27—30.
4. Ильинский Н. В. Ймалицкий В. П. и его раскопки на Севере — Вологда, 1921. 6 с. (Оттиск из «Материалов по изучению и использованию производительных сил Северного края». Вып. 2).
5. Родиноведение, его история и значение (применительно к Тотемскому уезду) — Тотьма, 1921. 30 с.
6. Историческое краеведение в школе и вузе Каууба Д. В. — Кемерово, 1994. 336 с.
7. Вологодский край, Естественные производительные силы Ильинский Н. В. — Вологда, 1928. 166 с.
8. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края. Белов С. П. (1915—1920) // Тотьма, Вып. 2. Краеведческий альманах — Вологда, 1997. С. 528—529.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОМИ КРАЕ
(XIX—н. XX вв.)

Одним из сложных вопросов, связанных с историей образования, является установление даты открытия той или иной школы. Особенно актуальным этот вопрос становится с подготовкой и празднованием юбилеев учебных заведений. Сложности связаны с отсутствием сведений о начале деятельности школы или же преобразованием одного типа начального училища в другой, временным прекращением их деятельности, перемещением из одного селения в другое и т. д. Не совсем ясен вопрос и с частными школами, можно ли их рассматривать как полноценные учебные заведения, т. к. для любого типа начальной школы (церковноприходские, школы грамоты, министерские, земские) предполагалась определенная программа по изучаемым предметам, в какой степени она реализовалась в частных школах, не всегда возможно ответить на этот вопрос.

Традиционно принято считать, что одним из первых по времени было открыто приходское училище в с. Ижма (1828 г.¹). Архивные изыскания позволили нам установить, что в ответе на запрос Ижмо-Печорского исполкома (1925 г.) дата открытия Ижемского училища была обозначена 1834 г.² В данном случае мы разделяем точку зрения А. В. Усягина, что исследователи допускают ошибку в датировке открытия школы и фраза «училище 1828 г.» (то есть созданная по Уставу 1828 г.), ошибочно прочитана, как «училище, открытое в 1828 г.».

Министр народного просвещения граф Уваров в своем Всеподданнейшем отчете за 1834 г., представленном императору, писал: «Бывший директор Архангельских училищ Ковалевский объяснил жителям (слободки) пользу от существования там училища, склонил их к надлежащему в сем случае пособию. Крестьянин Ануфриев... обязался для составления постоянного капитала оному училищу внести 1500 рублей единовременно. Голова Ижемского волостного правления Вокуев

действовал также со всею ревностью в пользу училища. Руководимые его примером зыряне пожертвовали до 14 645 рублей, и училище, при многочисленном стечении народа, торжественно открыто 21 января»³.

Создание уточненной хроники создания школьной сети в Коми крае требует большой кропотливой работы в архивах Сыктывкара, Вологды, Архангельска, Петербурга.

В историографии истории образования Коми края конца XIX—начала XX веков утвердился тезис об обучении учащихся только на русском языке, что связывалось с русификаторской политикой царского правительства. Более глубокое изучение этого вопроса, вовлечение в научный оборот новых архивных материалов позволяет внести определенные коррективы в вопрос об языках обучения.

Обучение должно было вестись на русском языке, что вызывало определенные трудности у детей, плохо владевших русской речью. Как свидетельствуют архивные материалы, в ряде сельских школ обучение велось на родном для местного населения языке. В 1894 г. учителя школ Керчомской, Троицко-Печорской, Помоздинской, Пезмогской, Усть-Немской, Важгортской и других, отвечая на анкету Петербургского комитета грамотности, писали, что «в младшем отделении в первом полугодии преподавание почти исключительно ведется на зырянском языке», «дети при поступлении русского языка не понимают, а поэтому в течение первого года все преподавание переводится на родной язык — зырянский», «по всем предметам обучение производится на зырянском языке»⁴. Подавляющее большинство учителей начальной школы в рассматриваемый период составляли местные уроженцы, что позволяло им в процессе обучения использовать родной язык.

Необходимо заметить, что использование родного языка допускалось и циркулярами Министерства народного просвещения. Это обстоятельство оставалось вне поля зрения исследователей. Циркуляр МНП от 11 мая 1902 г. допускал, что «применение наглядного метода обучения в инородческой школе может лишь в первый год обучения сопровождаться в случае необходимости разъяснениями со стороны учителя на природном языке учащихся, в остальные же два или три года

должно происходить исключительно на русском языке». Несколько позднее, 1 ноября 1907 г. МНП довело до сведения преподавателей, что «родной язык в первые два года обучения в училищах для инородцев служит языком преподавания. В последующие годы языком преподавания должен быть русский язык, но родной язык учащихся остаётся предметом обучения и орудием для облегчения преподавания на русском языке прочих предметов». Положение о высших начальных училищах от 25 июля 1912 г. допускало «ведение в качестве необязательного предмета местных природных для учащихся языков, а с разрешения МНП обучение природному (родному) языку могло вводиться как обязательный предмет». Возможности, предусмотренные положением, не были использованы, что, очевидно, прежде всего объяснялось отсутствием учебников и учебных пособий на коми языке.

На курсах учителей с учетом специфики населения Коми края определенное внимание уделялось подготовке учителями рефератов по следующей тематике: «Зырянский язык в зырянской школе. Первые уроки в младшем отделении зырянской школы учителя, владеющего зырянским языком», «О постепенном ознакомлении детей зырян со словами и формами слов русской речи. Разговорные уроки в зырянской школе». Организаторы курсов отмечали также, что «некоторые учителя и учительницы составляют за время учебного года зырянско-русские словарики, иногда заставляют и учеников старших отделений переписывать их по отделам для изучения и запоминания русских слов»⁵.

Учебные заведения сыграли определенную роль в приобщении населения к русскому языку, приобретении навыков русской разговорной речи. Однако следует отметить, что русский язык был одним из предметов, который вызывал наибольшие затруднения у учащихся. Для лучшего усвоения материала в высших начальных училищах предусматривалось увеличение числа уроков русского языка. Кроме этого, в Усть-Вымском училище «ученикам предлагалось в повседневном обиходе возможно чаще пользоваться русским языком, а в стенах школы запрещалось говорить по-зырянски». В то же время инспектор, посетивший училище в с. Визинга, рекомендовал учителям «не прибегать к репрессивным мерам, убеждать

учеников говорить между собой на русском языке, т. к. правильное усвоение русского языка дается исключительно практикой, а практиковаться в русском языке дети могут только в школе, ибо в семье говорят только по-зырянски, а матери очень часто даже не понимают по-русски»⁶. Предусматривалось с целью закрепления знаний по русскому языку проведение конкурсов, дополнительных занятий.

Таким образом, следует признать что в начальной школе Коми края конца XIX — начала XX веков шло обучение на двух языках, преимущественно на коми. Недостаточное знание русского языка затрудняло учащимся получение образования в других типах учебных заведений. Происходили определенные изменения и в правительственном законодательстве, допуская использование родного языка в процессе обучения.

Значительный интерес представляют сведения о грамотности населения Коми края в конце XIX—начале XX вв. Грамотное население в крае по материалам переписи 1897 г. составляло 15,9% по отношению ко всему населению. Неравномерным было распространение грамотности среди мужчин (28%) и женщин (5,4%), городским (40,9%) и сельским (15,1%) населением⁷. Как отмечает В. И. Чупров, уровень грамотности сельского населения края по сравнению с 60-ми годами XIX в. вырос примерно в три раза. В то же время, следует отметить, что приведенные материалы в статье П. А. Сорокина «Современные зыряне» о том, что зыряне занимают третье место по грамотности среди народов России⁸ вызывают определенное сомнение. Данные переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что высокий процент грамотного населения был у финно-угорских народов, прежде всего финнов и эстонцев.

К сожалению, важные положения и выводы, связанные с характеристикой образования Коми края XIX—начала XX века, не вошли в раздел «Народное образование» Энциклопедии Республики Коми⁹. Названный раздел содержит и фактические неточности (существовало не 11, а 8 высших начальных училищ, женская гимназия продолжила свою деятельность и после образования учительской мужской семинарии), он отразил результаты изучения этой проблемы к концу 60-х—началу 70-х гг. XX в. Складывается впечатление, что тема не

изучалась в последующий период, что не соответствует истинному положению дел.

1. Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. — М., 1968. С. 27; Он же. Развитие народного образования в Коми АССР. — Сыктывкар, 1973. С. 4; История Коми АССР. — Сыктывкар, 1978. С. 113; Республика Коми. Энциклопедия. Т. 1. — Сыктывкар, 1997. С. 146.
2. НАРК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 15. Л. 140.
3. Усягин А. Как Печорский край к свету знания тянули. // Молодежь Севера. 1997. 30 января.
4. РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 202. Л. 320—320 об., 378 об., 286 об, 266 об.
5. Учительские месячные курсы в Усть-Сысольске // Народное образование. 1890. Кн. 9. С. 105.
6. НАРК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния, тетр. 1. — С-Пб., 1901. С. 39; Архангельская губерния, тетрадь 3. — С-Пб., 1904. С. 11.
8. П. Сорокин. Современные зыряне // Этнографические этюды. — Сыктывкар, 1999. С. 112.
9. Стаханов В. Народное образование // Республика Коми. Энциклопедия. Т. 1. — Сыктывкар, 1997. С. 146.

ЖЕНЩИНЫ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В КОМИ КРАЕ (II пол. XIX—н. XX в.)

Раскрывая само понятие «благотворительности» необходимо отметить, что под ним понимается «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность спешить на помощь неимущему»¹. При этом не существовало каких-либо ограничений в понимании того, кто мог быть неимущим, на это не могли оказывать влияние ни пол человека, ни возраст, ни вероисповедание, ни социальное положение, которое он занимал в обществе.

В Коми крае одними из самых нуждающихся были женщины. В Национальном архиве Республики Коми хранится достаточное количество документов, изучив которые можно составить представление о сборе пожертвований в Коми крае в пользу бедных жителей города (сбор проходил дважды в год — в связи с Рождеством Христовым и праздником Святой Пасхи). Взяв, к примеру, «Список бедных, коим предположена выдача денег на праздник Святого Христова Воскресения»², видно, что в списках бедных жителей подавляющее большинство — женщины. Количество мужчин — 10—11 человек (около 16—18%). Можно согласиться с мнением Н. И. Суркова, что «рост числа бедных жителей города шел в основном за счет женщин»³. Нуждались в помощи и женщины, живущие в сельской местности.

Ситуация обострялась в период войны, и женщинам, чьи мужья были мобилизованы в армию, приходилось самим вести хозяйство. Теперь, помимо своей, им нужно было выполнять и мужскую работу. Некоторые из них в силу своего возраста и физического состояния, лишившись кормильца, не могли вообще вести хозяйство самостоятельно. Поэтому уездными земскими управами женщинам оказывалась посильная безвозмездная помощь. Она заключалась в выдаче нуждающимся денежных пособий (от 1,5 до 10 рублей), выплате различных компенсаций и пенсий вдовам⁴. При этом следует отметить, что суммы, затраченные на подобные выплаты,

брались не из бюджета земств, а были получены от благотворительных постановок спектаклей, концертов, народных гуляний и т. д. Среди других благотворительных акций управ были и такие, как «выдача вещей особо бедным, организация бесплатных и домашних обедов»⁵. Важную роль играла и помощь, оказываемая земствами в обработке и осеменении полей нуждавшимся в этом женщинам.

В адрес земских управ и уездных попечительств часто приходили письма с такими просьбами. Вот некоторые из них. Первое пришло в Усть-Сысольскую уездную земскую управу от солдатской жены Ибской волости, починка Лек-Шора Феклы Егоровны Осиповой: «Я вынуждена стала обратиться Вам, что мой муж Егор Семенович Осипов переселился в Лек-Шор всего еще два года тому назад, которое еще настоящее хозяйства, не могли произвести, дом стоит 1 комната, хлев и сарай еще без крыши и произведена часть пахотных работ. По случаю наступления неприятеля на наше государство, был мобилизован мой муж Егор Осипов. Всемиловнейше осмеливаюсь обратиться не найдете ли возможным удовлетворить меня для покупки яровых семян на какую площадь найдете возможным. Хотя я и получаю пособие от казны, это только кое-как хватает на пропитание, так как на новом переселенном месте ничего решительно не имею и просьбой для помощи обратиться не к кому.

Покорнейше прошу Уездную земскую управу не оставить мою просьбу без удовлетворения, для покупки семян хоть денежного удовлетворения — 10 рублей»⁶.

Второе письмо пришло в Усть-Сысольское уездное попечительство от Нювчимского сельского управления, датировано третьим мая 1915 г.:

«Настала весна, пришло время пахать землю, сеять и в огороды садить. Оставленные запасными солдатами и ратниками жены, не имея при себе работника, не в силах исправить работу земледелия, по случаю недостатков средств. А чтобы не оставить эту работу без внимания нужны деньги.

По сему всепокорнейше просим Усть-Сысольское уездное попечительство не оставить у бедных оставленных жен работу земледелия не разработанной и ассигновать на разработку земли денег»⁷. Многие прошения удовлетворились, о чем свидетельствует постановления земских управ: «Семи-

десяти двум не имеющим рабочих рук семействам мобилизованных помощь оказана путем найма рабочих самими семействами, но пока без оплаты труда работников», а «Семьдесят одному семейству оказана помощь за счет пособия назначаемого от Яренской уездной комиссии»⁸.

Но наем рабочих происходил не только за счет земств, также производились пожертвования в пользу бедных семейств от частных лиц (пример: в качестве пожертвований для женщин, чьи семьи не имеют мужей и не располагают дополнительными силами для самостоятельного ведения хозяйства, было выделено 3 рубля от лица, пожелавшего остаться неизвестным.

Помощь женщинам оказывалась не только в преодолении экономических трудностей, но и в области образования. Для этой цели было создано Общество вспомоществования нуждающимся учащимся женской прогимназии, деятельность которого началась 22 сентября 1902 г. по уставу, утвержденному господином Вологодским губернатором и продолжалось до 1918 г. Годовые отчеты общества позволяют ознакомиться с его деятельностью. В одном из отчетов отмечено, что «помощь оказана сорока трем девочкам одеждой, обувью и письменными принадлежностями; тридцать девочек и две курсистки (дети из малосостоятельных крестьян) помещались в общежитие, и все они состояли на содержании Общества, т. е. получали, кроме квартиры, горячую пищу к обеду и ужину и чай. Хлеб доставлялся родителями для двадцати четырех девочек, а остальным восьми выдавался на средства Общества; три девочки получали пособие ежемесячно; двум ученицам выдано единовременное пособие, а всего оказано пособия восьмидесяти девочкам и двум слушательницам педагогических курсов»⁹.

Учительницам Усть-Сысольской Александринской женской гимназии оказывалась помощь Попечительным советом, на основе представлений педагогического совета. В одном из представлений содержалась следующая информация: «Представляя при сем приношение учительницы рукоделия Усть-Сысольской Александринской женской гимназии А. В. Барштак на благоустройство Попечительского Совета, имею честь доложить, что я со своей стороны, желание учительницы Барштак

усовершенствоваться в приемах классного преподавания рукоделия и приобрести новые познания в этом искусстве на курсах рукоделия, открываемых в Петербурге с разрешения господина попечителя учебного округа, и уже составивших о себе хорошую репутацию, считаю заслуживающим поощрения... Учительница Барштак не может на свои средства осуществить это свое благое намерение, долго своим считаю просить Попечительный совет оказать просительнице Барштак помощь в размере 120 рублей.

Вместе со своим считаю необходимым доложить Попечительному Совету, что другая учительница А. С. Лыткина больна и в настоящее время лежит в больнице, а по выходе из нее, по окончании занятий в году, должна будет выехать из города Усть-Сысольска для продолжительного лечения. Материальные средства учительницы Лыткиной, как много известно, ограничены, и на свои средства она не будет иметь возможности надлежащим образом использовать летние каникулы для восстановления своего здоровья. Просьба об оказании и ей пособия на лечение в размере 100 рублей»¹⁰. Впоследствии Попечительный совет предоставил А. С. Лыткиной отпуск и выделил средства на лечение, о чем свидетельствует приписка к прошению, к сожалению, нет сведений была ли оказана помощь А. В. Барштак.

Помощь в развитии женского образования оказывалась не только Обществом вспомоществования и Попечительным Советом, она исходила и от частных лиц. Помощь от них поступала, в основном, в виде денежных вкладов в качестве пожертвований или по завещанию.

Жена купца второй гильдии Усть-Сысольска Михаила Латкина, Прасковья Латкина, являвшаяся почетной блюстительницей Усть-Сысольского женского училища, «препроводила деньги сорок рублей серебром, жертвуемые ею, в пользу женского училища за настоящий 1862 г.»¹¹. В завещании же скончавшейся дочери титулярного советника Софьи Павловны Засецкой сказано: «...если за означенными в завещании назначениями еще останутся какие-либо деньги, то таковые она отказывает в находящихся в уездах Вологодской губернии те женские училища, которые более нуждаются в помощи»¹². Душеприказчиком и исполнителем вышеупомянутого заве-

шания был брат покойной Дмитрий Константинович Грязев. Он прислал Усть-Сысольской женской прогимназии государственный пятипроцентный банковский билет в 1000 рублей выпуска 1860 г. за № 101814.

Благотворительность имеет «двух адресатов». «Первые» — это те, кому оказывается помощь, «Вторые» — это те, кто спешит оказать ее нуждающемуся. Картина будет неполной, если говорить о том, что женщины являлись лишь объектами благотворительности. Необходимо отметить, что они и сами принимали непосредственное участие в благотворительной деятельности.

Благотворительность зависела от социального положения женщин. Ею занимались преимущественно женщины, имевшие на то время более высокий статус в обществе (например: дочь купца г. Усть-Сысольска Елена Ивановна Забоева; жена купца г. Усть-Сысольска Прасковья Латкина; дворянка, дочь подполковника Елена Леонидовна Шмелева...), то есть те, которые обладали материальными средствами для оказания помощи. Активное участие принимали также преподаватели учебных заведений.

По мере возможностей они вносили денежные вклады в дело благотворительности. Так, например, как уже было отмечено выше, Прасковья Латкина пожертвовала в пользу женского училища города Усть-Сысольска сорок рублей серебром, а Софья Павловна Засецкая отписывала 1000 рублей в помощь Усть-Сысольской женской прогимназии».

Ежегодно женщины (главным образом учителя) принимали участие в сборах пожертвований по подписным листам в пользу детских приютов и семей нижних чинов и ратников.

Тем, кто производил денежный сбор, выдавались специальные квитанционные книжки и кружки. В списках лиц, собиравших пожертвования, очень часто встречаются женские имена, они составляют около 50%, и это свидетельствует о широком участии женщин в сборах средств.

Благотворительная деятельность населения России, в том числе и Коми края, наиболее ярко проявилась в годы тяжелых испытаний: во время русско-японской войны 1904—1905 гг. и в период первой мировой войны.

Что касается женской благотворительности в период войны России с Японией, то необходимо сказать — женщины Коми края приняли активное участие в сборе пожертвований по подписным листам. Жертвовал кто сколько мог (Елизавета Мысова — 50 копеек; Матрена Худяева — 50 копеек; Марья Лыткина — 16 копеек; Августина Лыткина — 9 копеек; Ирина Кутькина — 5 копеек; Домна Макарова — 10 копеек)¹³. Кроме того, еще большее число женщин вносило от 1 до 4 копеек. Те, у кого не было денег сдавали вещи или продукты (шерсть, кудель, холст, ячмень, конопля, мука...), которые впоследствии продавались, и вырученные от продажи деньги шли в фонд пожертвований.

Первоначально в августе 1914 г. сбор денежных средств и вещей осуществлял Усть-Сысольский уездный дамский комитет Красного креста (представительницей комитета была Криницкая Мария Владимировна, секретарем А.Забоева). В 1914 г. уездный дамский комитет Красного креста в городе Усть-Сысольске распространил среди населения воззвание, призывающее принять участие в деле оказания помощи воинам фронтов Первой мировой войны: «Мария Владимировна Криницкая, председательница Уездного дамского комитета Красного креста в городе Усть-Сысольске покорнейше просит лиц, сочувствующих святому делу оказания помощи больным и раненым воинам, проливающим кровь за защиту Родины, примкнуть к деятельности Комитета и оказать ему свое содействие посильным пожертвованием деньгами, материалом и личным трудом. Приступая к возложенным на меня обязанностям как Председательницы, прошу всех откликнуться и для совместной работы пожаловать в помещение Усть-Сысольского уездного съезда по воскресеньям (с 17 августа), вторникам и четвергам от 6 до 9 вечера»¹⁴. Прием пожертвований принимался в здании Уездного съезда членами Дамского Комитета ежедневно от 11 до 13 часов дня.

Деятельность Комитета Красного креста была поддержана уездным исправником Синявским В. К. (исполнял свои обязанности с 20 июня 1907 г. по лето 1915 г.), который в свою очередь направил сообщения господам становым приставам, полицейскому надзирателю города Усть-Сысольска, урядникам полицейской стражи и всем волостным правлениям Усть-Сысольского уезда, где просил распространить озна-

ченное воззвание среди населения. Причем Сиянвский акцентировал свое внимание на том, что необходимо «пригласить всех интеллигентных женщин, желающих служить святому делу трудом и сборами записаться в члены означенного Комитета»¹⁵.

Хотя, через два месяца после опубликования воззвания, тот же уездный исправник предложил «не проводить сборов пожертвований, как денежных, так и материальных на раненых и больных воинов по подписным листам Местного комитета при уездном съезде и Местном Дамском комитете». Несмотря на это, Усть-Сысольским уездным комитетом Красного креста было собрано немало вещей (в кассовой книге Комитета за № 58 записаны вещами — 35 1/4 аршина холста, 10 полотенец..., денежных средств (за № 56 на приходе в кассовой книге числятся 5 р. 76 к., за № 316 от 20 сентября 1914 г. — 50 к. и т. д. Это лишь примеры небольшой части сделанного. В фондах архива имеются и подписные листы в пользу Красного креста на больных и раненых воинов, составленные членами Уездного дамского комитета Красного креста в городе Усть-Сысольске.

Посильную помощь воинам, находившимся на фронтах первой мировой войны, оказывали и женщины, не входившие в состав Усть-Сысольского дамского комитета. Они откликнулись на воззвания от Всероссийского Земского Совета, призывавших к сбору сухарей для русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, ими изготовлялись рубашки и кальсоны для солдат действующей армии, вязались рукавицы. Данными видами благотворительной деятельности занимались и крестьянки, которые помогали в прядении шерсти.

Итак, развитие женской благотворительности стало своеобразным явлением социальной жизни Коми края второй половины XIX—начала XX веков. Она проявлялась как в оказании помощи женскому населению, так и в участии женщин в различных формах благотворительной деятельности. В первом случае женская благотворительность предполагала благотворительность, направленную на оказание помощи женщинам. Второй аспект — благотворительность, оказываемая женщинами. В первом случае помощь нуждающимся оказывали местные органы власти, частные лица, благотворительные общества. В то же время сами женщины вносили посильную лепту

в развитие благотворительной деятельности, принимали участие в обществах вспомоществования и во всех благотворительных акциях.

1. Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 7. — М., 1990. С. 32.
2. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1634. Л. 76.
3. Сурков Н. И. Страницы истории социальной работы в Коми крае (1860—1918). — Сыктывкар, 1998. С. 151.
4. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 312. Л. 213—215.
5. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 312. Л. 23.
6. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 26.
7. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 53.
8. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 3402. Л. 4.
9. НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 94. Л. 38.
10. НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 107. Л. 68.
11. НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.
12. НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.
13. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1627. Л. 1.
14. НАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 73. Л. 178.
15. НАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 73. Л. 177.

БОГАДЕЛЬНИ КОМИ КРАЯ ДО 1917 ГОДА

Жители большей части территории Коми края (Усть-Сысольский и Яренский уезды) имели возможность призреться в нескольких богадельнях.

Первая из них по времени своего открытия — Яренская богадельня. Она основана в 1809 г. Начало ей положено яренским купцом 3-й гильдии Андреем Лукичом Новосёловым. В прошении на имя Яренского городского магистрата он объявил о своём взносе — 22 рубля 50 копеек наличными и 977 рублей 50 копеек в виде векселя на Усть-Сысольского купца Николая Латкина, а всего 1000 рублей, на устройство богадельного дома, в котором предполагалось содержать мужчин и женщин убогих, увечных, малолетних и престарелых.

В прошении было указано, что после кончины А. Новосёлова всё его недвижимое имение перейдёт богадельному дому, что и произошло в 1819 г.

С целью получения дополнительного дохода городские власти приняли решение о выдаче денег под проценты.

До 1819 г. Яренская богадельня существовала на средства городского общества, а позднее с учетом перешедшего имения функционировала на собственный счет. Богадельня с этого времени (1819 г.) поступила в заведование Яренского сиротского суда.

К 1847 г. богадельня и всё имение пришло в упадок. Тогда Вологодский губернатор Волховский обратился в Министерство внутренних дел за разрешением создать Комитет для устройства богадельни, и такое разрешение было дано.

Управление богадельней было благотворным, и удалось вывести хозяйство из упадка.

В 1870 г. Яренская богадельня со всем своим имуществом перешла в ведение земства.

Хозяйство богадельни было немалым. Так, в 1900 г. имелись следующие средства: капитал в ценных бумагах на 9734 рубля 76 копеек и наличными 643 рубля 71 копейка.

Недвижимое имение состояло из пахатной, сенокосной, усадебной, лесной и неудобной земель в количестве 700 десятин 1359 сажень, дом в городе Яренске, занимаемый богадельней и шести половницких домов. Кроме того, в хозяйстве было 30 лошадей, в том числе 18 рабочих, 19 коров и 23 бычка¹.

В Яренской богадельне призывались 10—12 человек, а со времени постройки нового здания в 1906 г. количество их доведено до 20 человек.

На призрении находились нуждавшиеся люди разных сословий, жители г. Яренска и всего уезда. Среди содержавшихся были крестьяне коми сел. Мы встречаем коми фамилии — Трошевы, Пархачевы, Каневы, Турковы, Лятиевы.

Некоторые призываемые в течение многих лет пребывали в богадельне. Так, к 1918 г. Николай Васильевич Кузнецов находился там 37 лет, Роман Иванович Лукошников — 19 лет.

Яренское земство ежегодно оказывало помощь хлебом (рожью и ячменем) и отчасти деньгами остро нуждавшимся вне богадельни, а это в пределах 30—40 семей.

В качестве резерва контингента опекаемых в богадельне были именно те граждане г. Яренска и уезда, которые получали денежную и продовольственную помощь от богадельного имения. Помощь оказывалась, как правило, многолетним семьям, одиноким гражданам. В прошениях указаны причины нищенского положения, в том числе пьянство отцов семейства, пребывание в ссылке и др. К примеру, яренская мещанка Ольга Васильевна Горинова, мать пяти детей от 1 года до 13 лет, в 1900 г. в прошении отметила, что муж не состоял на службе, почти постоянно вел нетрезвую жизнь, не знал никакого ремесла и, естественно, не имел постоянного заработка. Все семейство находилось на плечах матери, зарабатывавшей подноской воды для горожан. Назначили пособие — по одной четверти зерна в месяц².

В течение почти тридцати лет получал денежное пособие из богадельного имения бывший охотник — промысловик деревни Лоптюга Андрей Степанович Кырнышев. Двадцатилетний коми охотник в сентябре 1887 г. в результате несчастного случая лишился обеих ног (раздробило поваленным деревом). Двенадцать дней он находился в лесу, из которых десять полз без еды и воды. Обнаружившими его земляками был

доставлен домой. Ноги ему ампутировали. Была попытка помочь ему протезами — «резиновыми ногами». Спустя четыре года из Петербурга прислали протезы, деньги на которые собрали по подписному листу, причем, как отмечено, пять рублей вложил отец инвалида, а еще недостающие тридцать рублей выделило уездное земство. Но благое дело не увенчалось успехом: протезы не подошли. Андрею Кырнышеву пришлось жить без них. Но земство стало ежемесячно выделять на его содержание денежное пособие в два рубля.

Относительно конкретных сведений о помощи, то можно привести данные за 1917 г. Пособие нуждавшимся, которые находились вне богадельни, получил 41 человек — 200 пудов хлебом и 402 рубля деньгами³.

Следующей по времени открытия, 19 ноября 1895 г. является Деревянская богадельня. Она содержалась на средства Деревянского Христорождественского братства, а они (средства) складывались из процентов с неприкосновенного капитала, пособия от земства и добровольных пожертвований. Богадельня призревала неспособных к труду независимо от сословий и возраста, без ограничения пределами своего уезда. Призревались граждане обоего пола — 8—12 человек.

К примеру, в течение 1908 г. в богадельне призревались десять человек. Из них двое детей 5 и 8 лет. Самая старая из опекаемых Елена Титова Попова 77 лет. Содержалась также крестьянская девочка Елена Тимушева, взятая от жестокой мачехи.

Относительно средств существования, то можно отметить следующее. Неприкосновенный капитал равнялся 1600 рублей.

В течение 1908 г. поступило:

- а) в процентах 60 руб. 60 коп.
- б) пособие от земства 250 руб.
- в) пожертвования 16 руб. 41 коп.

Израсходовано в течение 1908 г.:

- а) на содержание учреждения и недвижимых имуществ 153 руб. 27 коп.
- б) на пособие бедным вне богадельни 75 руб. 25 коп.
- в) мелочных расходов 9 руб. 85 коп.

Итого расходов за 1908 г. 238 руб. 37 коп⁴.

Призреваемые размещались в деревянном одноэтажном здании, построенном в 1895 г., имевшем пять комнат с коридором и кухней.

Для приготовления пищи нанималась кухарка. Она же отапливала здание, следила за чистотой, ухаживала за призреваемыми.

Питание состояло из мясных щей, ухи из свежей или морской рыбы, каши пшенной или ячной и молока. Каждый день подавался чай. Содержание одного человека в день обходилось в 7 коп.

Кроме того, Христорождественское братство выделяло пособие бедным жителям, находившимся и вне богадельни. Пособие получали преимущественно жители Деревянской волости, иногда помогали и бедным соседних волостей. Деньгами оказывали помощь бедным вдовам, не имевшим взрослых работников, для проведения полевых работ, помогали также при падеже скота. Получали пособие и люди преклонного возраста.

В 1908 г. денежную помощь получили 24 человека, живших вне богадельни⁵.

Обязательного труда для призреваемых не было введено. Это было по причине отсутствия средств и опытного руководителя по устройству специальных работ. Но по своему желанию призреваемые носили и кололи дрова, подметали полы, помогали прислуге в ведении хозяйства богадельни.

Местные крестьяне жертвовали на содержание богадельни сельскохозяйственные продукты, хотя это делалось не постоянно и не в большом количестве. В виде пожертвований вносились в основном зерно, картофель, хлеб, иногда молоко и изредка одежда.

16 января 1897 г. настоятель УстьСысольского Троице-Стефаново-Ульяновского монастыря обратился с рапортом в Вологодскую духовную консисторию с просьбой открыть при монастыре богадельню для немощных и престарелых лиц духовного звания. Ставилось условие, чтобы «таковые лица были с трезвым и хорошим поведением и нравственными качествами»⁶.

В своем ответе консистория указала, что епархиальное попечительство согласно открыть богадельню. Относительно

качественной характеристики призываемых сделано замечание настоятелю, «что епархиальное начальство не менее, если не более, монастырских начальств заботится об упрочении и процветании добрых нравов в иноческих обителях и потому в преподанных настоятелем с братиею наставлениях и условиях не нуждается, пусть настоятель зорко блюдет порученное ему братство монастырское от тех нравственных пороков и слабостей, которые безосновательно предполагает в будущих убогих поселниках богадельных»⁷.

Профессор Л. П. Рощевская вполне обосновательно считает, что данная богадельня была открыта в 1897 г. и была рассчитана на 5 человек⁸. Далее она отмечает: «Чаще всего в богадельне жили больные и престарелые монахи»⁹.

В феврале 1898 г. в богадельню приняли сына священника Пыелдинской церкви Павла Попова. Он не имел каких-либо средств к существованию и страдал слабоумием.¹⁰

По мнению профессора Л. П. Рощевской, одновременно с монахами иногда принимали окрестных крестьян, инвалидов (глухонемой М. Фролов из Усть-Сысольска, умерший в 1912 г., больной крестьянин с. Усть-Нема Н. Шомысов и др.)¹¹

Усть-Сысольское уездное земское собрание при открытии очередной сессии 27 октября 1904 г. постановило открыть в Усть-Сысольске богадельню, рассчитанную на первое время на 10 человек. Этим действием уездное земство намеревалось ознаменовать рождение наследника российского престола цесаревича Алексея Николаевича. Предполагалось назвать богадельню его именем. В дальнейшем в документах не прослеживается присвоение богадельне высокого имени. Но доброе дело было сделано — богадельня была открыта. Она функционировала и после революции 1917 г.

Непосредственное открытие богадельни состоялось 5 октября 1905 г. Сразу же в нее определили 7 человек (2 мужчин и 5 женщин). Первоначально богадельня помещалась при городской больнице, а в июле 1908 г. ее перевели на сельскохозяйственную ферму в район нынешнего Нижнего Чова. Заведующей назначили фельдшерицу А. Е. Коданеву.

Смета расходов на содержание земской богадельни в 1907 г. при наличии 10 призываемых выражалась в следующих цифрах:

- на продовольствие 10 призываемых при расходе по 27 коп. в день на человека: 985 руб. 50 коп.
- на покупку нового белья и ремонт старого, одежды и обуви по 30 руб. 60 коп. для мужчины, 36 руб. для женщины на 10 человек: 213 руб.
- на отопление 36 руб.
- на освещение 25 руб.
- на жалование сиделке 120 руб.
- на жалование кухарке 60 руб.
- на жалование прачке 24 руб.

Итого 1463 руб. 50 коп.

Предусматривалось, кроме того, расходувать на постройку здания богадельни 2328 руб.

Всего расходов на 1907 г. было предусмотрено 3791 руб. 50 коп.

Таким образом, до 1917 г. в Коми крае функционировали четыре богадельни, в которых призывались около 50 человек. Кроме этого примерно столько нуждавшихся, живших вне богаделен, получали денежную или продовольственную помощь.

1. НАРК. Ф. 117, оп. 1, д. 635, л. 128—129.
2. Там же, л. 27.
3. Там же, д. 3270, л. 3.
4. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1908. — Усть-Сысольск, 1909. С. 498.
5. Там же с. 499.
6. НАРК. Ф. 232, оп. 1, д. 248, л. 8.
7. Там же, л. 8 об.
8. Рошевская Л. П. Благотворительная деятельность Троице-Стефано-Ульяновского монастыря (1860—1917 гг.) // Социальное служение Русской Православной Церкви: исторический опыт и современное состояние. — Сыктывкар, 1998. С. 62.
9. Там же.
10. НАРК. Ф. 232, оп. 1, д. 255, л. 12—12 об.
11. Рошевская Л. П. Указ, соч., С. 62.
12. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907. — Усть-Сысольск, 1908. С. 457—458.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРАЧЕЙ В БОРЬБЕ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В КОМИ КРАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В данной работе изучено улучшение социально — бытовых условий Коми народа, рост его продолжительности жизни с улучшением гигиенических условий.

Цель работы — изучить деятельность земских врачей и их роль в борьбе с эпидемиями; проанализировать становление санитарно-эпидемиологической службы.

Введение в 1870 г. земств в Коми крае позволило развить медицинское образование. Если до введения земств в крае была одна больница на 10 коек, то за 47 лет существования земства было построено 12 больниц, приглашены на работу врачи.¹

Смертность населения была очень высокой. В 1858 г. в Усть-Сысольском уезде умерло 846 детей на 1000 родившихся, т. е. 84,6% (а для примера в Сыктывдинском районе в 2000 г. на 207 родившихся умерло 3 человека, т. е. 1,4%.)

До 1870 г. в Коми крае на 130 тыс. человек населения, проживающих на территории 416 тыс. кв. км., приходился всего лишь один врач, 8 фельдшеров, одна акушерка и десять оспопрививательниц, насчитывалось 28 коек для лечения больных.³

Медицинское обслуживание было на примитивном уровне. Городской бюджет был невелик. В 1870 г. на содержание городской больницы было выделено 4653 р. 58 коп. Местным управлением было принято решение об открытии приемных покоев в 4 волостях: Троицке-Печорской, Усть-Куломской, Визингской, Ношульской не менее чем на четыре кровати. Прием в покоях проводил фельдшер, лечение было бесплатным. Помещение для приемных покоев предлагали нанять в крестьянских домах. Все расходы по лечению брало на себя земство. В 1872 г. была уменьшена плата за прием, а малосостоятельные были освобождены от платы.⁵

С 1872 г. в Усть-Сысольскую больницу был выделен второй фельдшер, что дало возможности постоянного дежурства медработников в больнице. Начали принимать на работу в больницу сестер милосердия.⁶

Вопросы по организации медицинского дела постоянно обсуждались на уездных земских собраниях. Поднимались вопросы по укомплектованию больниц штатами, оборудованием, инструментами. Земства всячески стремились улучшить материальную базу больницы. В 1874 г. Усть-Сысольская больница из ветхого дома перешла в другое помещение и «была признана одной из лучших во всей губернии».⁷

Усть-Сысольской больницей заведовал врач В. А. Шмелев, который в 1893 г. начал организацию библиотеки при больнице. Для выписки книг было выделено 50 рублей.

Начинается подготовка медицинских кадров. Лиц местного населения отправляли на учебу в Вологду. В 1860 г. отправили в Вологодское училище повивальных бабок «двух девиц не моложе 16 лет».⁹

Земская медицина не могла обеспечить полноценную борьбу с инфекционными заболеваниями. Не во всех населенных пунктах был медицинский персонал, чаще всего один фельдшер обслуживал несколько деревень. Уездный врач посещал уезд 4 раза в год, а во время эпидемий более 4 раз. Врачи разъезжали на земских лошадях. С 1 марта 1886 г. составлялись месячные расписания разъездов по участкам, чтобы больные знали, какого числа прибудет фельдшер. Однако разъездная система обслуживания приносила мало пользы. В 1887 г. на съезде врачей в Вологде земский врач Коми края Ф. А. Заварин отметил: «Разъездная система подачи помощи, где врач вечно гоняется за больными, а они за врачами, всеми уже справедливо осуждена и должна быть заменена стационаром».

Наиболее распространенными заболеваниями в то время были: натуральная оспа, сыпной, возвратный и брюшной тифы, дизентерия. Эти заболевания давали крупные эпидемии. В 1882 г. в с. Визинге заболело дизентерией 36 человек, умерло 12; в с. Межадор из 69 заболевших умерло 43. В Яренском уезде в 1889 г. переболело натуральной оспой 1108 человек, госпитализированы лишь два человека.

Смертность была в пределах 62—85 %.¹¹

Земские врачи прилагали все усилия для борьбы с эпидемиями. Вологодское губернское управление издавало множество предписаний от «заразных болезней». Для разбора эпидемий созывались совещания. С мест эпидемий отправляли ежедневные сведения. На место эпидемий направляли в помощь медицинских работников из других, более благополучных мест. Сразу же принимали решение об открытии временных приемных покоев. Для организации медицинского обслуживания подключались полицейские урядники.

Из архивного материала можно проследить, какие мероприятия проводились по устранению эпидемий. О каждом случае заболеваний в Комитет Общественного здоровья посылали рапорта, которые заполнялись земским врачом или полицейским урядником. В рапорте Шиловской волости указывается, что за время с 18 декабря по 25 декабря 1907 г. зарегистрировано 4 случая брюшного тифа. В Деревянской волости в деревне Ручевской заболело натуральной оспой 2 человека с 29 декабря 1907 г. по 5 января 1908 г.. В рапорте уточняется, что для прекращения эпидемий приняты меры оказания больным медицинской помощи и недопускания к больным посторонних. В следующем рапорте из деревни Ручевской с 12 по 19 января указывается, что натуральной оспой заболело 6 человек. Для больных открыли приемный покой, провели повторную прививку против оспы. В рапорте из Помоздинской волости сообщается, что с середины января заболело 15 человек корью, из них 4 умерло, несколько детей умерло от скарлатины. Урядник просит прислать фельдшера в с. Помоздино, т. к. «фельдшер с другого участка не успевает разъезжать по всем деревням ввиду заведования им двумя участками и не может принять энергичные меры к прекращению болезни».

В рапорте земского врача в Вильгортской волости сообщалось об эпидемии скарлатины в с. Шошка, где с 1 по 7 февраля 1905 г. зарегистрировано 10 случаев заболевания, 2 человека из заболевших умерло; с 7 по 15 февраля — 7 случаев, 2 человека из них умерло; с 15 по 21 февраля — 9 случаев заболевания. Для принятия мер по ликвидации эпидемии в Усть-Сысольском уезде был созван Комитет Общественного здоровья.

На заседании Визингского санитарного попечительства, проходившем в с. Пыелдино 9 мая 1905 г., заслушан доклад участкового врача о затяжном характере заболевания натуральной оспой. На заседании признано необходимым открыть в с. Пыелдино приемный покой для оспенных больных, т. к. изоляция на дому не достигается; провести в зараженных и окружающих деревнях поголовную противооспенную прививку всем детям до 15 лет. Чтобы своевременно, более быстро привить всех лиц, решено отправить дополнительно оспопрививательский персонал. В 1870 г. было 10 оспопрививательниц. В 1871 г. — 16, одна для города и 15 для уезда жалованьем 30 рублей. Уезд был разделен на 22 оспопрививательных участка.

Чтобы избежать контакта здоровых людей с больными, на сельском сходе принимали такую меру профилактики: в случае появления инфекционных больных поставить высокие деревянные столбы возле домов заразных больных с привязанным снопом соломы, который снимали лишь по получении от медицинского персонала известий, что данный больной сделан безопасным в отношении к другим.

Местное управление обращалось с просьбой к настоятелю церкви отпевать умерших от инфекционных заболеваний не в общей церкви, а в отдельной, которая находится на территории кладбища. Всех умерших от инфекционных заболеваний хоронили в закрытых гробах. С внутренней стороны гробы обрабатывали дезинфицирующими растворами, используя для этой цели раствор хлорной извести или карболовой кислоты¹⁸. При совершении тех или иных обрядов у постели заразного больного служители церкви обязаны были специальную верхнюю одежду снимать после обряда и подвергать обеззараживанию.

Земские врачи совместно с местным управлением очень упорно работали по ликвидации эпидемий. На борьбу подключали все население. Проводили большую санитарно-просветительную работу среди населения; врачи проводили беседы, читали лекции, выпускали брошюры, листовки по разным видам заболеваний, где коротко описывали механизм передачи инфекций и профилактические мероприятия. Брошюры и листовки раздавали населению бесплатно. Дезинфекции под-

вергались одежда и белье больного, обрабатывали дома больных.²⁰

Однако местное население встречало медицинский персонал очень настороженно. Оно сопротивлялось всякому вмешательству со стороны медицинских работников, даже оказывало силовое сопротивление. Чтобы избежать таких стычек, местный волостной старшина выделял несколько человек десятских для сопровождения оспопрививательниц во время проведения прививок.

Врач М.И. Тур, выступая в 1880 г. во «Врачебных волостях», обрисовал эпидемическую заболеваемость среди зырян Усть-Сысольского уезда. В своей статье он описывает отношение местного населения к натуральной оспе и к другим эпидемическим болезням. Он пишет: «Все эпидемические болезни от бога, а потому и принимать против них какие-то меры — большой грех»²¹. В 1884 г. уездный врач докладывал о крайней затруднительности проводить оспопрививание в Керчомской, Печорской, Савиноборской и Щугорской волостях, населенных раскольниками, где вследствие религиозных предрассудков оказывали вооруженное сопротивление.²²

Для проведения прививок не хватало вакцины, не всегда вовремя удавалось привезти из Вологды. Поэтому на территории края получали оспенную вакцину. Заводили специальные оспенные телятники (коровья вакцина считалась лучшей) для получения оспенной вакцины.²³

Врачи прилагали массу усилий, чтобы убедить население в необходимости лечения.

Летом 1905 г. началась страшная эпидемия дизентерии, «кровоавый понос». Из рапорта Обского урядника от 4 августа 1905 г.: «... появилась болезнь кровоавый понос, от которого умерло детей и взрослых до 150 человек и столько же почти находится больных. В Благовещенской волости от начала появления болезней умерло 158 человек. 9 августа 1905 г. состоялось заседание Усть-Сысольского уездного Комитета Общественного здоровья для обсуждения вопросов принятия мер к прекращению появившегося в Вильгортской и Благовещенской волостях дизентерии. По предложению председателя Комитета уездного исправника В. П. Сорокина заслушаны донесения становых приставов и полицейских урядников о том,

что число больных увеличивается. При обсуждении вопросов о принятии мер по ликвидации эпидемии председатель Земской управы В. И. Беляев и земский врач В. А. Шмелев высказались против открытия временного приемного покоя. Врач Шмелев В. А. выступил о бесполезности открытия временного приемного покоя, «...т. к. добровольно детей в покой не отдадут и больные взрослые кое-как способные к работе, не пойдут, а следовательно не будет достигнута цель покоя — изолировать всех больных. Принимать же репрессивные меры в насильственной изоляции больных в покой Шмелев В. А. считает вредным, т. к. «...этим нарушилась бы и та, существующая теперь небольшая связь добрых отношений между медицинским персоналом и населением: для проведения лечения необходимо убеждать население словом».²⁴

Деятельность больниц с каждым годом улучшалась. С сентября 1888 г. по сентябрь 1889 г. в Усть-Сысольской больнице лечились 511 человек, в 1910 г. — 1253 человека.²⁵

Конечно, земские врачи не могли успешно бороться с эпидемиями. Участки одного врача были обширны. Некоторые деревни находились на расстоянии 355 верст от того населенного пункта, где жил врач. В некоторые населенные пункты только один раз в год приезжал фельдшер для прививания детей.²⁷

В 1903 г. в Печорском крае на население в 37253 человека имелась одна больница приказа общественного призрения в Усть-Цильме на 4 кровати. Несмотря на штат оспопрививательниц, охват детей был неполным. Учет рождаемости вели священники, но они не всегда представляли списки родившихся. Не было достаточного мест в больницах. Очень плохо было с медикаментами. В Яренском уезде с 1870 по 1880 гг. было зарегистрировано до 744 эпидемических заболеваний со смертельным исходом в 184 случаях. Но на ликвидацию эпидемий отпускались ничтожные средства: в 1899 г. отпущено 350 рублей, в 1900 г. — 400 рублей.

В 1891 г. на I съезде врачей Вологодской губернии постановили «... о назначении земских врачей санитарными попечителями в своих участках и о предоставлении им права осматривать заводы и фабрики в своем участке». Земские врачи, кроме лечения больных, начали заниматься вопросами

санитарии. Врач М. И. Тур отмечал о грязном содержании колодцев, где вода становилась источником заболеваний. Уездные собрания выносили постановления по охране воды, воздуха, пищевых продуктов, по очистке территорий. При очистке колодцев выкачивали всю воду и вымывали сруб, сверху делали свежий настил из глины, утрамбовывали и насыпали речным песком. Поилке скота отводилось специальное место на два аршина от колодца. Колодцы строили вдали от скотных дворов, помойных ям, туалетов.

Земские врачи следили за уборкой улиц, торговых площадей, требовали, чтобы улицы, площади были окопаны канавами для спуска сточной воды. В тех местностях, где воду для питья брали из прудов, запрещалась стирка белья и мочеение кож. Пруды, где вода была уже загрязнена, засыпались. Предлагали строить колодцы. О соблюдении санитарных правил выходило много постановлений. Запрещали строить заводы (кожевенные, клеевые) в черте селений, на берегах рек. Такие заводы должны быть устраиваемы от селений не ближе четверти верст и с тем, чтобы от заводов не было стока ни к селениям, ни к означенным водам. На строительство заводов требовалось разрешение уездной земской управы. Внутреннее устройство заводов должно было отвечать требованиям санитарно-полицейской власти.³⁰

Санитарные попечители, проверяя заводы, требовали соблюдения чистоты как в помещении, так и на территории завода. Для уменьшения пыли в пыльных цехах требовали установления вентиляторов. Спуск промышленных стоков в реку, озера из которых вода использовалась для питья, запрещалась.

Санитарные попечители проверяли чистоту в магазинах, на рынках. Следили, чтобы не торговали недоброкачественными пищевыми продуктами. Санитарным попечителям давалось беспрепятственное право входа во все торговые помещения.

С каждым годом увеличивалось число больниц и медперсонала, Усть-Сысольский уезд был разделен на 6 земских врачебных участков. При каждом врачебном участке была больница: в городе на 35 коек, в Визинге и в Усть-Куломе на 15 коек, в Объячево, Ношуле, Печоре на 5 коек. На одну больницу койку приходилось 1124 жителя. В 1901 г. в уезде ра-

ботало 7 врачей, 20 фельдшеров, одна акушерка, 7 повивальных бабок, 8 оспопрививательниц. Преобладали больные с болезнями глаз — 20,4% и заразные больные — 13,5%. Было сделано 99 операций. Из 585 родившихся детей 111 или 19% приняты земской акушерской. Все больше женщин для родовспоможения стали обращаться к акушеркам.

Начали открываться детские ясли. В 1902 г. в селе Объячево открыли временные ясли на летний период, ясли посещал 41 ребенок. «Сначала население смотрело с большим недоверием на новость. Наконец удалось их убедить, что детям ничего злого там не будет причинено и крестьяне охотно приносили своих детей. На ночь приют закрывался».³¹

С 1903 г. была введена должность санитарного и эпидемиологического врача.³² Однако деятельность санитарных врачей не могла оказать практического влияния на улучшение условий труда и быта населения, укрепление его здоровья, т. е. главной причиной высокого уровня заболеваемости и смертности является социальный строй, низкий уровень санитарной культуры. Врач А. И. Држевецкий, проживший 7 лет в Усть-Сысольском уезде и проехавший сотни верст по таежным глухим местам, собрал необходимые данные для описания состояния населения отдаленных окраин России. В диссертации «Медико-топография Усть-Сысольского уезда», вышедшей в 1872 г., он описывает ужасающие условия жизни и труда рабочих на лесоразработках и сплаве. А. И. Држевецкий приходит к выводу, что главной причиной заболеваемости населения Коми края является бедность. Он пишет: «Удалив или уменьшив ее, можно было бы уменьшить цифру смертности наполовину и продлить среднюю продолжительность жизни на десятки лет».

После 1870 г. земства сделали большую работу по улучшению лечебного дела, но однако медицинское дело было далеко от идеала и не могло в должной мере обеспечить население квалифицированной медицинской помощью. Земские врачи занимались только лечением, а нужна была профилактическая работа. К концу XIX века стали формироваться санитарные бюро, которые начали организовывать санитарные и противоэпидемические мероприятия по ликвидации эпидемий, создавать здоровые условия труда и жизни.

1. Шумахер Р. В. Здравоохранение и здоровье населения Коми АССР. — Сыктывкар, 1968. С. 3.
2. Там же. С. 3.
3. Канев Э. Ф. История развития санитарно-эпидемиологической службы в Коми АССР. Третья Республиканская научно-практическая конференция. — Сыктывкар, 1990. С. 4.
4. Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии уездного земского собрания за 30 лет 1868—1896 — Вологда, 1899. С. 552.
5. Там же С. 520.
6. Там же С. 531.
7. Там же С. 532.
8. Там же С. 548.
9. Там же С. 583.
10. НАРК ф. 224, оп. 1 д. 4.
11. Левин Л. М. История развития санитарной службы в Коми АССР/Сборник научно-практических работ санитарно-эпидемиологической службы Коми АССР. — Сыктывкар, 1973. С. 4.
12. НАРК ф. 224, оп. 1 д. 4.
13. Там же.
14. Там же.
15. НАРК ф. 6 оп. 1 д. 1804.
16. Сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии Уездного земского собрания за 30 лет 1868—1898. С. 592.
17. НАРК ф. 224 оп. 1 д. 2
18. НАРК ф. 6 оп. 1 д. 1804.
19. НАРК ф. 3 оп. 1 д. 2366
20. НАРК ф. 224 оп. 1 д. 2
21. Шумахер Р. Э. Земская медицина в Коми крае / Труды Сыктывкарского научного медицинского общества. — Сыктывкар, 1967. С. 5.
22. Сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии Уездного земского собрания за 30 лет 1868—1898, С. 597.
23. Там же С. 597.
24. НАРК ф. 224 оп. 1 д. 2.
25. Рогачев М. Б., Цой А. И. Усть-Сысольск: Страницы истории. — Сыктывкар, 1989. С. 62.
26. Муравьевы А. И. и П. И. Здравоохранение в Коми крае. — Сыктывкар, 1939. С. 3.
27. Шумахер Р. Э. Здравоохранение и здоровье населения Коми АССР. — Сыктывкар, 1968. С. 15.
28. Муравьевы А. И. и П. И. Здравоохранение в Коми крае. — Сыктывкар, 1939. С. 4.
29. Шумахер Р. Э. Здравоохранение и здоровье населения Коми АССР. — Сыктывкар, 1968. С. 15.
30. Сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии Уездного земского собрания за 30 лет 1868—1898, С. 617.
31. Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания 1910 г., С. 241.
32. Сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии Уездного земского собрания за 13 лет. — Усть-Сысольск, 1900. С. 382.
33. Шумахер Р. Э. Земская медицина в Коми крае. С. 3.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА В ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА КОМИ-ЗЫРЯН.

Праздник, являясь «первичной и неуничтожимой категорией» культуры, сопряженной с целым комплексом жизненных и эстетических реалий, обеспечивает формирование и сохранение семиосферы¹, структурообразующих мифо/идеологем новообразуемой модели мира, Поэтому неслучайно, что в переломные эпохи праздник попадает в эпицентр преобразования. Целый ряд исследователей отмечали, что рассмотрение праздничной культуры в переломные эпохи позволяет выявить наиболее значимые тенденции в развитии общества², высветить основные структурные компоненты картины мира.

Изучение изменений в российской праздничной культуре в годы становления советской власти через сопоставление традиционной праздничной культуры и новационной советской может стать основой для анализа мировоззрения и мировосприятия людей того времени. Проблеме сосуществования традиционной и новационной праздничных культур в переходный период, закончившийся в 1929 г. окончательным переходом к административно-репрессивной системе управления, посвящена эта статья.

Основой для анализа праздничной культуры коми-зырян 20-х годов XX века стали отчеты и доклады агитационно-пропагандистских отделов укомов Коми области 1923—1931 гг. В этот период отчеты по работе волостных и уездных организаций ВКП(б) еще предоставляют достаточно полную и незаформализованную характеристику происходящих событий и явлений, при этом прослеживается, что к 1929 году доклады все больше обретают черты отчетов «об успехах и достижениях». Конечно, при обращении к этим источникам необходимо учитывать специфику этих документов, так же как и при использовании как источников региональных и центральных газет и журналов. Многообразным материалом по интере-

сующей нас проблеме представлены в центральных и региональных газетах «Лугыд туј», «Зырянская жизнь», «Комі сікт», «Правда» и журналах «Красная деревня», «Безбожник». Обращение именно к этим печатным изданиям обусловлено и тем, что эти издания рекомендовалось использовать в агитационной работе, тем самым эти источники дают основу для анализа механизма внедрения властью новой праздничной культуры. Одновременно эти источники позволяют проследить особенности существования традиционной праздничной культуры в этот период. Особенным источником по теме нашего исследования являются календари этого периода — «Настольный календарь крестьянина», «Календарь коммуниста» и др., позволяющие выявить целый круг проблем, связанных с трансформацией хронотопа. Интересным источником по нашей проблеме могли бы стать протоколы заседаний приходских церковных советов, но таких архивов сохранилось очень мало. Сохранившиеся протоколы Ибского церковного Совета, используемые в исследовании, дает возможность проследить целый ряд аспектов противостояния «новой» и «старой» церкви в регионе. Разнохарактерность использованных источников позволяет осуществить принцип дополнительности при интерпретации фактов.

Праздничная культура и обрядность народа коми в начале XX в. определялась православным мировидением, в тоже время, уже исследователи конца XIX—начала XX вв. отмечали, что христианские праздники содержат целый ряд обрядов, отражающих более архаичные представления³. Годовой круг в народной культуре осмыслялся именно через череду православных праздников, и в первую очередь ход времени определялся Великими праздниками, к которым относятся двенадцатые праздники, Страстная неделя, вся пасхальная неделя, Вознесение Господне, два дня Святого духа, храмовый праздник каждого места. Великие праздники, имевшие, как особо значимые, предпразднества и попразднества, выявляли сакральность праздничного времени. С позиции православного мировоззрения эти праздники определяли жизнь человека, рода, общины, именно с ними связывали рождение и вечное возрождение мира⁴.

В традиционной культуре праздники являлись системообразующим стержнем. Именно праздник, связанный с календарной и семейной обрядностью, организовывал и переформировывал время индивидуальной и коллективной жизни, соизмерял ее с ритмом социально-исторического развития и с ритмом космоса, определял целостность и преемственность социума. Сакральность праздничного времени была сопряжена с разворачиванием пространства, наделенного статусом особо значимого (храм, путь крестного хода, дом, дорога/река, околица и т. д.), с обыгрыванием символов, текстов или речевых формул, что обеспечивалось соблюдением целого ряда устоявшихся обрядов и ритуалов.

С начала 1920-х годов в регионе, как и на всей территории России, начинается активное «строительство социалистической культуры», предполагавшее «создание нового человека, нового мировоззрения». Преобразование праздничной культуры стало одним из наиважнейших направлений в деятельности «строителей нового мира». Ю. Степановым в его размышлениях о концептах культуры России после 1917 года было сделано очень верное замечание, что «...само понятие «нового мира» помещало этот «мир» не столько в пространстве, сколько во времени. «Новый мир» — это мир, которого здесь еще нет, но который непременно будет»⁵. Целый ряд исследователей культуры России первой трети XX века отмечали, что в коммунистическом замысле понятие «время» доминировало.

Перемена календаря в постреволюционной России со «старого» на «новый» неизбежно должна была стать одним из главных направлений в концепции переустройства мира. Календарь, и как определенный способ времяисчисления, и как распределение по времени (дням, месяцам) определенных видов деятельности, и как система фиксирования времени, характерная для той или иной культуры, всегда сопряжен с целым рядом символов и концептов.

Замена юлианского календаря на григорианский, провозглашенная декретом от 24 января (6 февраля) 1918, подтолкнула «расщепление» единого хронотопа. Подготовкой декрета занимались Наркомат иностранных дел и Наркомат просвещения. От Наркомпроса было выдвинуто предложение, что

«ввиду изменившегося характера общественных и производственных отношений» эру христианскую следует заменить эрой социалистической. Началом новой эры предполагалось считать 7 ноября 1917 года»⁶. Предложение Наркомпроса отразило стремление создателей страны Советов преобразовать МИР, и время, и пространство. Это предложение не утвердили, но 7 ноября вошло как «главная» дата праздничного советского календаря, а 1917 год стал началом «нового летосчисления» России на многие десятилетия и одной из центральных мифологем советской идеологии.

Переход на новый стиль вызвал смещение среди верующих, в том числе и священнослужителей, став и одной из причин, наравне с признанием советской власти, противостоянием обновленческой и тихоновской церквей. Поэтому закономерно, что принятие или не принятие нового стиля стало одним из ключевых моментов в противостоянии приверженцев Тихона и Введенского. Вопрос о согласовании Григорианского календаря с православным стал предметом специального обсуждения на II Всероссийском Поместном Соборе Православной Церкви, проходившего с 29 апреля по 9 мая 1923 г. в Москве, созванного обновленческой церковью для осуждения деяний патриарха Тихона. На заседание 5 мая заслушивался доклад «О реформе календаря». В стенограмме зафиксировано: «Разобрав в их исторической перспективе Юлианский и Григорианский календари, Митрополит Антонин доказывает необходимость согласования с западом, приняв полностью Григорианский календарь и делает проект практического введения в жизнь нового календаря». Собор постановил: «Перейти на Григорианский стиль с 12 июня 1923 г., при чем, для этого, в Воскресенье 21 мая соединить два последующих Воскресенья и, кроме того, 10 июня уплотнить два Воскресенья в одно»⁷.

В официально издаваемых календарях православные праздники отмечались, ориентируясь на обновленческую церковь, хотя есть и календари, где православные праздники отмечены в соответствии со старым стилем, например «Календарь-дневник, справочник волостного статистика и корреспондента Автономной Области Коми на 1924 год». Так произ-

ходило вплоть до 1930 года, когда православные праздники перестали отмечать в издаваемых календарях. При этом тихоновское направление отмечало православные праздники по старому стилю, введенское («живая церковь») — по новому стилю. Обновленческое духовенство проводило и торжественные молебны в честь революционных праздников, которые в первую очередь и были соотнесены с новым стилем.

Внедрение «новой» церкви проходило непосредственно при поддержке коммунистической власти, в этой связи примечательно одно замечание Ф.Э.Дзержинского: «Мое мнение: церковь разваливается, поэтому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должен вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разрушение попов...»⁸. В замыслы новой власти входило разрушение церковного управления, для чего была оформлена в отдельную организацию группа духовенства, которой советская власть стала оказывать определенное покровительство.

Противостояние традиционной и обновленческой церкви происходило на всей территории России⁹, не исключая и Коми область, и это противостояние использовалось властями в целях пропаганды. В докладе Коми обкома о партийном советском, хозяйственном и культурном состоянии области в 1925 г. есть одно очень показательное в этом плане замечание: «... борьба живоцерковников и тихоновцев все углубляется и особо ярко вылилась в Усть-сысольске в феврале месяце во время перевыборов одного церковного совета в слободке Кируль, где население, видя драку среди попов, еще раз убедилось в их исключительно шкурных интересах и большинство их теперь стоит за закрытие приходов и интересуется вопросами антирелигиозной пропаганды, которая ведется силами городских коммунаров при избе-читальне»¹⁰.

Особенно остро противостояние сторонников Тихона и Введенского проходило в Усть-Сысольске, где поддержка «Живой церкви» со стороны властей была наиболее спланированной. Размежевание староцерковников и новоцерковников

происходило и в других уездах. К 1925 г. обновленцы объединились в самостоятельную епархию Коми области, а тихоновцы остались в подчинении великоустюжской епархии. Священослужители Ижмо-Печорского уезда предпочли сохранить связи с тихоновским епархиальным управлением, сосуществовавшим в Архангельске параллельно с обновленческим¹¹.

Сам переход на «новый стиль» времяисчисления рассматривался верующими неоднозначно, а иногда и прямо негативно. Это отмечалось и руководителями церкви. На заседание III Поместного Собора по этому вопросу специально выступал протоерей Красотин и его доклад и «суждения по нему» были отдельно представлены в бюллетени Заседаний, где отмечено: «Считая вместе со вторым Поместным Собором более целесообразным применение в практике Православной Русской Церкви Нового стиля, но в тоже время, принимая во внимание бытовые условия русской жизни, при коих немедленный переход на новый стиль вызывает часто неблагоприятные отношения, III Поместный Собор благославляет применение той или другой практики (нового или старого стиля) по местным условиям, полагая, что авторитет Предстоящего Вселенского Собора разрешит окончательно этот вопрос и установит единообразное церковное время исчисления во всех православных церквях»¹².

Отрицательное отношение население к переходу на новый стиль отмечалось и в отчетах укомов. Так, в информационном отчете сысольского укома РКП(б) за 1923 г. о результатах проведения антирелигиозных мероприятий отмечено, что: «... в связи с проведением духовенством организации религиозных общин путем устройства бесед с гражданами с целью выяснения религиозных... (неразборчиво)... недовольны верующие тем, что богослужение происходит по новому стилю и есть возгласы со стороны верующих, что поп дерет с граждан, а служит коммунистам — это конечно со стороны пожилых, во что выльется все это, пока определить трудно»¹³.

Противостояние между тихоновцами и обновленцами проходило и в рамках одного прихода, что еще более обостряло ситуацию. Сохранившиеся документы Ибского Церковного приходского Совета достаточно красноречиво свидетельству-

ют об этом. Этот вопрос продолжает обсуждаться и в 1929 году, в протоколе заседания Совета и групп верующих от 14 января 1929 г. записано: «Слушали доклад председателя Церковного Совета Ел. С. Томова о увольнении его по занимаемой обязанности Председателя Церковного приходского Совета как сослужившая в 2-й год, как из массы многих приходится слышать упрек между тихоновцами и обновленцам»¹⁴.

Сосуществование двух линий времяисчисления вело к разрушению констант культуры. Точно и емко обрисовал эту ситуацию В. Г. Тан-Богораз во вступлении к сборнику 1924 г. «Революция в деревне»: «Разноверие в деревне построилось на три угла, и даже на четыре. В первом углу православие, церковь живая и мертвая, Тихоновская и Введенская, поскольку Введенская церковь проникает в деревню. Главное дело два стиля, старый и новый... Тут и посты, и праздники, и все не совпадает. Голова кругом идет. А у зырян еще сложнее. Старики празднуют по новому стилю, старухи по старому стилю, а молодые никак. Сход потерял терпение, собрался и постановил: Во избежание ссоры закрыть совсем церковь закрыть и не беспокоить бога, пока не выяснится, ней верх возьмет»¹⁵. Замечания Тана-Богораз о принятии зырянами нового стиля основаны на сведениях, представленных Г. А. Старцевым в этом же сборнике в статье «Революция и зыряне», в которых отразились основные политико-культурные тенденции 1920-х годов. С характерной для того времени установкой Георгий Афанасьевич отмечает: «В церкви можно увидеть только стариков и старух. Но эти последние ввиду изменения догматов, введения нового календаря и празднования праздников по новому далеко сочувствуют «живой» церкви. Во время праздников в деревне образовались три течения: молодежь, не признающая никаких праздников, старики, празднующие по новому стилю и старухи — по старому. Такое положение приводит к окончательному распаду обеих церквей, и «живой», и «старой»¹⁶.

Параллельно с разъединением церкви шло «вживление» нового календаря. При анализе календарей (основой для анализа стал «Настольный крестьянский календарь», «Календарь коммуниста», а также ряд других специализированных календарей) с 1918 г. по 1930 г. выяснилось, что прослежи-

вается закономерность постепенного «вытеснения» православных праздников из календаря. Так, в «Настольно-справочной книге крестьян и календаре 1926 года» православные праздники (Пасха, Вознесение, Троицын день, Духов день, Успение, Рождество; при этом в календаре за этот год православные праздники написаны с большой буквы) отмечены «наравне» с новыми советскими праздниками (День 9 января 1905 г., день памяти Владимира Ильича Ленина, Низвержение самодержавия, День Парижской Коммуны, День Интернационала, День конституции ССР, День Пролетарской Революции). В календаре на 1927 год праздники, «неприсутственные дни» уже группируются, в начале дается перечень советских праздников, затем православных. В календаре 1928 года отмечены «неприсутственные дни», где есть и праздники «новые» и праздники «старые» (но уже с написанием названия праздников с маленькой буквы) и «особые дни», куда вошли годовщина смерти В.И. Ленина, день Красной армии, день работниц, день МОПР, день памяти ленского расстрела, день печати, день Красного флота, день утверждения Конституции СССР, международный день кооперации, день ОСОАВИАХИМа, международный юношеский день. Прослеживается и постепенное «обновление» имен по святам, т. е. новые революционные имена или имена из греческой мифологии и т. д. («завоевывают» свое место в календаре. Особое значение придавалось и выстраиванию информации внутри календаря, с особым вниманием к событиям из пролетарской истории, с представлением «научных» данных о происхождении христианских праздников и т. д.

В некоторых нецентральных изданиях равноправное существование православных праздников и советских присутствует в календарях вплоть до 1929 года. В то же время, например, в «Записной книжке и календаре-справочнике волостного статистика и корреспондента Автономной Области Коми на 1925 год» уже нет упоминаний православных праздников, правда, они, вернее только числа, выделены как нерабочие в общем таблице-календаре. Примечательно, что в таком календаре, который сохранился в Национальном музее, есть пометки сделанные карандашом ряда православных праздников.

В 1929 году усиливаются дискуссии о правомочности существования православных праздников в новом советском календаре. В 1929 году появляется ряд выступлений, в которых отмечалось недопустимость сосуществования религиозных и советских праздников (по крайней мере, в рамках одного «календаря», что до этого было распространено). Так Миньков, в заметке «Календарь должен быть советским», опубликованной в разделе «Голос читателя» в 11 номере журнала «Революция и культура» за 1929 г., с возмущением пишет: «Церковные православные праздники занимают в нашем календаре куда больше места, чем наши революционные и советские праздники. Советский календарь насчитывает 6—7 советских праздников, которые обозначаются красными числами. Зато поповских (православных) праздников много десятков! 52 дня в году «воскресных» (!!), дюжина двенадцатых, из которых некоторые продолжаются по 2-3 дня.... Для чего же, в угоду кому советский календарь «воскресенье» облекает в красные цвета. Не пора ли все эти «Успения», «Крещения» и проч. Изгнать из нашего календаря? Показывая на страницах календаря, да еще красными числами и по несколько дней, мы делаем попам огромную услугу, ведем *религиозную* пропаганду. В учреждениях, школах, вузах, в доме рабочего, крестьянина, служащего календари, напоминая о старых религиозных праздниках, тем самым сохраняют (если не укрепляют) память, а то и веру в эти праздники. Школьники, комсомольцы, пионеры, безбожники, рабочие и передовые крестьяне решительно требуют очищения советского календаря от религиозно-поповского хлама»¹⁷. Завершается «письмо читателя» предложениями: 1. При следующем выпуске календаря (на 1930 г.) нужно выбросить обозначения всех религиозных праздников, в том числе (и в первую очередь) воскресенья. 2. Красными числами обозначать в календаре только революционные и советские праздники. 3. Соответствующим органам вести (взамен религиозных) соответствующие число дней отдыха, приурочив их к установившимся у нас культурно-политического характера событиям и дням: «День леса», «День урожая», «День сева», «День науки и техники», «перевыборы советов», юбилей образования союзных республик и культурных событий. Мы выросли во всех отношениях, даже в быту. Календарь должен

отражать наш культурный рост и удовлетворять наши культурно-бытовые запросы. Календарь должен быть советским!»¹⁸.

С 1930 года в советских календарях православные праздники больше не отмечаются. Новое разделение на праздничные дни и непраздничные, когда в итоге официально праздничными днями с 1930 года стали считаться только новые советские праздники, декларировало «победу нового Мира».

На протяжении 20-х годов праздники христианского годового круга официально сосуществовали наряду с новообретенными социалистическими праздниками. Особое внимание коммунистическая власть уделяла организации новых советских праздников. При этом, еще в начале 20-х происходило стихийное создание таких праздников. Так, в выступление одного из лидеров советской культуры П. М. Керженева декларировалось, что «... с целью дальнейшей работы по организации народных празднеств необходимо ... создать, кроме дней 25 Октября и 1-го Мая, несколько крупных праздников, например, праздник труда (осенью), который бы совпадал со временем сбора плодов и знаменовал союз города и деревни, и ряд местных празднеств»¹⁹.

К 10-й годовщине Октябрьской революции определились следующие «главные» праздники года, т.е. дни в которые следует отдыхать: 22 января — Расстрел рабочих в Петербурге и день траура по случаю кончины В.И.Ленина; 12 марта — Низвержение самодержавия; 18 марта — День Парижской Коммуны; 1 мая — день Интернационала; 3 июля — принятие конституции СССР; 7 ноября — День пролетарской революции.

Творцы новой культуры были ориентированы на разрыв с прошлым, но сознательно или бессознательно традиционная праздничная культура сохранялась на уровне «синтаксиса». Программа советских праздников с докладами, спектаклями, спортивными состязаниями и другими мероприятиями продумывалась на несколько дней, как система новых предпразднований и попразднований.

Закономерно, что 7 ноября как главный день «миротворения» имел особую программу празднования со своими «предпразднованиями» и «попразднованиями». Так, программа празднования 10-летия Октябрьской революции в Усть-Сы-

сольске была расписана на несколько дней и включала в себя «предпраздничный» доклад, праздничные шествия и «попраздничные» спектакли на идеологически выдержанную тематику.

Ориентированность организаторов советских праздников на традиционную праздничную культуру проявляется в проведении демонстраций. Наиболее явственно это прослеживается при организации революционных праздников в первые годы «новой эры». В этом плане примечательны отчеты о праздновании Октябрьской революции в 1918 г., опубликованные в газете «Зырянская жизнь» (позднее выдержки из этой газеты были опубликованы в журнале «Коми му» в 1925 г. в разделе «Культурная жизнь края»). В отчете о празднованиях в деревне Сюзяиб отмечалось: «В день праздника, 7-го ноября, к 6 часам утра, все граждане собираются у здания Волостного Исполнительного Комитета. Сюда подходят учащиеся местных училищ и члены Партии Коммунистов (Большевиков). После не большого приветствия праздник открывается. Граждане, выстроившись в ряды, идут по улице к селу, с красными флагами и плакатами, с пением революционных песен, под звон колоколов...»²⁰.

Новые советские празднества были связаны и с переосмыслением пространства села/города с позиции коммунистического мировидения, именно в праздники утверждалась новая сакральность пространственных локусов. Например, в постановлении Устьсысольского комитета Российской Коммунистической партии о праздновании Дня Интернационала от 21 апреля 1920г. особо отмечалось: « В г.Устьсысольске в день 1-го Мая приступить к устройству городского Общественного сада, присвоим ему название «Сад Первого Мая»²¹. Городской сад был заложен ранее, в 1890 году, и располагался рядом с Троицким собором, тем самым, являясь частью сакрального пространства. Поэтому неслучайно, что появляется идея создания нового сада, который бы зримо воплощал утверждение нового мировидения.

Наиболее емко обыгрывание сакральных локусов происходило во время демонстраций на «большие советские праздники». Очень показателен в этом плане ход демонстрации в честь X годовщины Октябрьской революции, которая проводилась в Усть-Сысольске 7 ноября 1927г. Прежде всего был

подробно расписан план прибытия всех организаций на главную площадь города — Красную (до революции — Стефановская):

«1. Граждане Кодзвильской волости и: 1, 5, 6, 7 и 8 и часть 4-й десятки к 9 1/2 ч утра собираются к зданию Волисполкома (Интернациональная, д. 1) откуда идут со своими знаменами и плакатами под руководством председателя ВИК по Интернациональной и Республиканской до здания Облпрофсовета к 10 часам, где и присоединяются к колоннам профсоюзных организаций.

2. Рабочие и служащие г. Усть-Сысольска, а также Электротрелеса собираются к 9 ч. по своим предприятиям и учреждениям, откуда направляются со своими знаменами и плакатами под руководством юбилейных комиссий, или особо выделенных ими товарищей к зданию Облпрофсовета (угол Республиканской и Ленина), где представители союзных организаций приветствуют друг друга. Колонны объединяются по отдельным союзам и направляются с духовым оркестром, под общим руководством члена Президиума Облпрофсовета т. Косырева А. Н. по улицам Республиканской, Советской и Коммунистической к 11 ч. на Красную площадь.

3. Пионеры и учащаяся молодежь собираются по своим школам к 9.30 от куда под непосредственным руководством заведующих школ идут со своими знаменами и плакатами к 10 ч. утра к зданию Обкоммола (угол Республиканской и Советской), где также приветствуют друг друга и при прохождении мимо них колонн профорганизаций учащаяся молодежь присоединяется к ним и вместе идет на площадь.

4. Граждане г. руководством Президиума Горсовета идут со своими знаменами и плакатами к 11 часам на парадмитинг, по пути следования присоединяются к профсоюзным организациям и гражданам Кодзвильской волости.

5. Гр-не (Кодзвильской волости) дер. Кируль. Кочпан, Чит 1,9, 10 десятки собираются к кирульской избе-читальне к 10 ч. утра, откуда со своими знаменами и плакатами идут по Советской, Коммунистической улице к 11ч. на Красную площадь»²².

В программе празднеств особо обращалось внимание на то, что после окончания «митинга-парада» начинается шествие (всего 14 колонн, при этом особо отмечалось, что «...ко-

лонны строятся по 4 чел. в ряд, за все время демонстрации каждый участник должен находиться на условленном месте, вторжение со стороны в колонны не допускается»), которое «...направляется по Коммунистической улице, при чем первые 8 колонн поворачивают влево на Советскую улицу и идут дальше по Рабочей, Набережной, Трудовой, Советской, Коммунистической на Братскую могилу. Остальные колонны (9—14) идут по улицам Коммунистической на Советскую, где поворачивают вправо и оттуда по Трудовой, Набережной, Рабочей, Ленина на Братскую могилу. Примечание: При встречах колонн организации приветствуют друг друга». Далее по плану: «...на Братской могиле остановка, заслушивают воспоминания о павших борцах за диктатуру пролетариата» (23). Именно Коммунистическая, Советская и Ленина стали постоянно задействованы при проведении пролетарских праздников, что было обусловлено одновременно и их месторасположением (центральные улицы) и их новой знаковостью, обретенной через переименование в 1918 г. к первой годовщине Октябрьской революции. В 1918 г. 6 ноября улицы и площади Усть-Сысольска были переименованы следующим образом: Спасская — в Советскую, Базарная площадь — в Народную, Трехвостительская в Коммунистическую, Предтеченская — в Трудовую, Покровская — в Республиканскую, Троицкая — в Ленина, Георгиевская — в Интернациональную, Никольская — в Пролетарскую, Сухановская — в Рабочую, Южно-Загородная — в Крестьянскую, Стефановская площадь — в Красную²⁴.

Не менее показательно переименование в 1923 году в с. Усть-Вымь места, которое связано с началом миссионерской деятельности в конце XIV века Св. Стефана Пермского, горы Благовещенской, на которой стояли три церкви: «...в честь Степана Пермского, честь Благовещенья, в честь Герасима, Питирима и Ионы, святителей Пермских», в «Военно-спортивную горку» и как отмечается этнографическо-статистическом очерке И. С. Дьяконова «Современное состояние с. Устьвымь»: «Удивительно, как скоро это название привилось среди населения, особенно среди молодежи»²⁵.

Конечно, относительно отношения населения к изменению названия следует учитывать, что отчет был подготовлен в 1923—1924 гг. по заданию властей, но сам факт переименования симптоматичен, тем более, что в этом же отчете

приводятся придания, выявляющие особый статус этой горы и пространства вокруг нее с позиции христианского миропонимания (например, приведено предание о происхождении горы: «строена сия гора времен Степ. Пермского, при ее постройке, кто противился ее строить, тех он ослеплял, а если оглашались, тех обратно исцелял какой-то силой...»), а также отмечено предание о Марьином ручье, протекающем неподалеку и отмечается, что назван ручей «в честь матери Степ. Пермского»).

Со стороны местного населения оценка новой праздничной культуры была неоднозначной, что особенно нашло отражение в документах до середины 20-х годов. Так, в докладной записке из с. Вотча от 12 ноября 1920г. сообщается, что «Вотчинская Волостная Комиссия сим доводит до сведения Укомкомиссии что праздновали три дня годовщины октябрьской революции» и, что 7 ноября утром состоялся спектакль для детей школьного возраста, после спектакля устроен митинг на тему «Народное просвещение» с подчеркиванием о дне 3 годовщины. Вечером тоже ставили спектакль на тему «Под красным знаменем свободы» и после устроен митинг по тезису высланному вашей Комиссией... Население относилось к этому непонятно. По просьбе Агитатора и Военкомиссара утихнуть, осталось гласом вопиющего в пустыне. Даже слышно было после от нескольких участников возгласы: «Нам ненужно никаких спектаклей и митингов»²⁶.

Сосуществование традиционного праздничного годового круга и новосозданного советского не могло способствовать укреплению основополагающих идеологем/мифологем советской картины мира, поэтому неслучайно, что изначально партийными органами была определена стратегия на вытеснение традиционной праздничной культуры, осуществление этих программ было под особым контролем.

С середины 20-х годов наметилась тенденция проводить в дни христианских праздников различные мероприятия, пропагандирующие новый образ жизни. Из круга Светлых праздников особое внимание уделялось Рождеству и Пасхе, реже Крещению, Покрову, Преображению. Стремление преобразовать «старые» праздники на новый лад являлось реализацией архетипа «перевернутого мира», который получил новое воплощение в идеологии и практике большевизма. Законо-

мерно и символично, что особое внимание рекомендовалось уделить преобразованию Рождества и Пасхи, праздникам, наиболее емко выражающим в христианской культуре идею Вечного Возрождения, Вечного Обновления мира, космоса, человека. Преобразованный, «новорожденный» мир с позиции революционеров-«демиургов» имел принципиально новое обоснование причины рождения и был ориентирован в развитии на иные цели.

Показателен в этом плане лозунг, открывающий первую страницу газеты «Югид туј» за 27 апреля 1924 (в 1924 г. Пасха выпала именно на 27 апреля): «Пролетариат России знает одно ВОСКРЕСЕНЬЕ — победу Труда над Капиталом — Красный Октябрь. Наступает Всеобщее Воскресенье Трудящихся — МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». Весь номер газеты посвящен «разоблачению» праздника Пасхи и христианской религии с активным представлением «научных» и сатирических материалов на злобу дня. При этом материалы представлены как на русском языке, так и на коми. Несколькими днями ранее в газете была опубликована подробная «Программа проведения Комсомольской Пасхи в Усть-Сысольске» с полным расписанием планируемых докладов, спектаклей, концертов, вечеров танцев. Предполагалось начать проведение мероприятий уже 26 апреля, т.е. в Страстную субботу, при этом на нескольких площадках, кроме докладов на антирелигиозную тематику, был запланирован показ спектаклей: «в театре — ... коллектив «Ильич» ставит «Буржуи в аду» — пьеса в 1 действие и в 2-х картинах. После спектакля танцы; в Школе II ступени — «Торговый дом — Бог отец, бог сын и его компания» и «Веселая буффанада — о том, как жить не надо»²⁷. Уже начиная с 8 мая, в газете начинают публиковать отчеты о проведении комсомольской пасхи в волостных центрах. Для примера некоторые из представленных сообщений: «Айкино. В 12 часов ночи, члены Айкинской ячейки Р.К.С.М., а также и члены Р.К.П.(б) собрались в профтехшколу для встречи комсомольской пасхи. Пасху встретили «службой», а затем было много докладов антирелигиозного содержания. Было уже светло, когда доклады уже окончились. К сожалению публики было мало, видимо наши крестьяне еще не совсем освободились от религиозного дурмана. ..Всего удивительнее то, что шкрабы Айкинской шко-

лы не присутствовали»²⁸. «Устьвымь. К 9 часам вечера 26 апреля я направился в клуб «Заря» встретить Компасху. Вот перекресток дороги. Публика почти равномерно разделяется налево в клуб и направо в церковь... Бросается в глаза укоризненный взгляд одного верующего на идущего за мной местного парня, осмеливающегося идти в безбожный «дьявольский клуб», украшенный светлым гербом серпа и молота. Над входом яркие буквы «добро пожаловать» приглашают зайти; вхожу полуоткрытый коридор и читаю блестящий лозунг ящике «Религия нужна угнетателям». В 12 часов подается последний звонок и публика устремляется в разукрашенный лозунгами и карикатурными картинками, необычайно освященный зал и с любопытством оглядывает стены, с которых глядят рожи зарвавшихся попов... Вечер открывает тов. Вежев речью «Почему Комсомол устраивает Компасху». 15 минутный доклад т. Грачева «о происхождении праздника пасхи» публика внимательно слушает.

Под звон церковных колоколов делает доклад т. Леканов «о новом быте». В 10 часов ночи поднимается занавес. Вниманию публики представляется импровизированная т. т. Харламычевым и Пятиевым инсценировка, составленная из песен и частушек, помещенных в старых номерах «Юношеской правды» и «Безбожника». В зал, Переполненный молодежью и служащими, льются веселые звуки хора:

*«Комсомол воскрес из „мертвых”,
Живых церквей не признал,
И сущих в них богов
Везде разогнал».*

Оказывается началась «заутреня». На сцену выходят два попа и дьякон. Последний произносит «миром вооружимся на богов!» Хор дружно отвечает: «смерть всем паразитам». В таком же духе продолжается «обедня», которая заканчивается хором «Да здравствует Международный Комсомол!»... Во время исполнения инсценировки часть взрослого крестьянского населения «дезертировала» из церкви в клуб, а часть так смогла распределить время пасхальной ночи, что была и в церкви и в клубе по несколько раз.

28 апреля с той же целью была совершена экскурсия в село Иб. На приветствие «попа» со сцен: «Комсомол воскрес!» ибчане дружно отвечали: «Воистину воскрес!»²⁹.

В Пасху особенно активно рекомендовалось проводить антирелигиозные акции в форме спектаклей, докладов, вечеров и др. В 1926 г., когда празднование Пасхи совпало с Праздником Интернационала (1—2 мая), точнее 1 мая совпало со Страстной субботой, борьба против старого быта облеклась в наиболее разработанные формы. Появляются многочисленные разоблачительные публикации специалистов, в газетах печатаются письма с мест, карикатуры и т. д. Активистам предлагалось, как можно более разнообразно использовать уже наработанный опыт организации зрелищных массовых мероприятий. При этом в идеальном варианте все праздничное действо должно было происходить вокруг традиционного сакрального центра, т.е. церкви, а иногда и прямо в храме, поощрялось проведение шествий («новый» крестный ход). Как нельзя лучше эту программу к действию иллюстрирует пьеса «Старое и молодое», представленная в 17 номере журнала «Красная деревня» за 1926г. В пьесе назидательно показано как через преобразование старого сакрального пространства (храм переделывается в клуб, вместо креста появляется красный флаг) преобразуется и мир, и человек.

Спектакли стали обязательной частью новообразованных праздников 20-х годов, специфическим инструментом власти, позволяющим активно внедрять в традиционную модель мира мифологемы «новой», советской. Содержание спектаклей имело зачастую агитационный характер. В деревнях, в основном, они шли на коми языке. Иногда ставились пьесы «не на тему дня, но с целью привлечения народа»³⁰, т. к. перед спектаклем обязательно были доклады, «разъясняющие линию партии». Спектакли позволяли в живой и активной форме закрепить в сознании населения идеологемы и символику «нового мира». В статье о гастрольях выездной бригады коми самодеятельных артистов под руководством В. А. Савина, опубликованной в газете «Зырянская жизнь» в 1920 г. очень четко обозначена эта общая заданность, тенденция. Автор статьи с удовлетворением отмечает, что «репертуар труппы состоял исключительно из зырянских произведений: «Шонді петігши дзоридз косьмис» («При восходе солнца цветок

увял»), революционная драма в 3-х действиях...; «Ачым лоа большевичка» (Буду большевичкой»), современная пьеса в 1 действии, перевод с русского, «Мича ныв» («Красивая девушка»), оперетка в 1 действии... (и деле перечисляется еще целый ряд произведений). В общем репертуар изобиловал всеми качествами: и спектакль, и песни, и декламации, и музыка. Сколько света влили в деревню эти спектакли! Помимо того, что все ставилось на родном и понятном всем языке, вызвавшем у всех восхищение, спектакли, агитационные по своему характеру, открыли многим глаза, рассеяли в значительной степени темноту и невежество зырян с их мрачными предрассудками. ... Независимо от репертуара с труппой выезжали и агитаторы, которые на простом зырянском языке объясняли населению цели и задачи нового строя... В общем труппа сделала громадные успехи в деле сближения крестьян с Советским правительством»³¹.

Театрализованность и игровое начало праздника позволяли активно вводить в язык новую лексику, что являлось одним из путей вовлечения культуры коми-зырян в советский политический дискурс. Одной из наиглавнейших задач новых праздников являлось внедрение в сознание населения символики «Светлого коммунистического мира» и введение «революционного Слова» в язык.

О необходимости проведения среди населения пропагандисткой работы на родном языке отмечалось в планах и отчетах агитколлективов. Так, в отчете Сысольского укома за 1924 год особо отмечалось, что «внутри воспитательная работа в ячейках ведется на родном зырянском языке — хотя с большим искажением, зырянский язык, ввиду отсутствия навыка переводить выражения с русской речи на родной язык» (32).

Устойчивость традиционного мировоззрения не позволила вытеснить религиозные праздники советскими (в отчете секретаря Коквинской ячейки ВКП за 1927 г.: «... население пока большей частью смотрит на религию положительно, за исключением некоторой части, но в смысле обрядов и других население почти поголовно религиозны и смотрит как на необходимою вещь... Молодежь хотя уже и большинство считает религию излишним, но под влиянием родителей делают. Конечно не больше ни меньше нужно сказать очковтиратель-

ство.»³³, но и советские праздники к концу 20-х годов уже стали частью культуры.

Революционные праздники (праздники «нового календаря» и «перевертыши» традиционных праздников) должны были оформить перелом, разделяющий две исторические эпохи. Задача новой социалистической праздничной культуры заключалась в формировании у народных масс ощущения рождения нового времени, нового пространства, нового мира, нового человека, что и прослеживается в содержании спектаклей и в сценарии празднеств в целом. Само согласование утвердившегося веками христианского годового круга с новым календарем проходило сложно и драматично, еще раз доказав, что «временная матрица» напрямую взаимосвязана с коммуникацией в обществе, его механизмами жизнедеятельности.

В 1929 году Н.Бухарин в своем выступлении на II Всероссийском съезде безбожников особо подчеркнул, что «...мы должны усилить увязку нашей антирелигиозной пропаганды с практическими, в первую очередь хозяйственными, задачами реконструктивного периода...»³⁴. «Увязка антирелигиозной пропаганды с ... задачами реконструктивного периода» стала одним решающим фактором усиления натиска на традиционную праздничную культуру в конце 20-х годов.

Преобразовать традиционную праздничную культуру в «новую» советской власти до конца не удалось, чему есть многочисленные свидетельства и доказательства. Даже репрессии по отношению к священнослужителям, закрытие и разрушение храмов не повлекли за собой полный отказ населения от «старых» праздников. В то же время праздники «нового времени» способствовали формированию нового сакрального пространства и связанных с ним семантических узлов.

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. — СПб., 1993.
2. Например: Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. — М., 1998; Евзлин М. Космогония и ритуал. — М., 1993; Коротаев В. И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20—30-е годы). — Архангельск, 1993 и др.
3. Дукарт Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX—начала XX в. // Тр. ИЯЛИ КФАН. — Вып. 16: Вопросы истории Коми АССР. — Сыктывкар. 1978; Дукарт Н. И. Святочная обрядность коми конца XIX—начала XX вв. // Тр. ИЯЛИ КФАН. — Вып. 20: Традиционная культура и быт народа коми. — Сыктывкар 1978; Конаков Н. Д. От Святков до Сочель-

- ника: Коми традиционные календарные обряды. — Сыктывкар, 1993; Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и Время. — Сыктывкар, 1998; Шарапов В. Э. 2001. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных коми// Христианство и язычество народа коми. — Сыктывкар, 2001 и т.д.
4. Зелинский А. Н. 1993; Православная народная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этнографических исследований.— М., 2001; Богданов К. А., Панченко А. А. «Фольклорная действительность»: мифология и повседневность// Мифология и повседневность. Вып.2., Материалы научной конференции. — С-Пб., 1999.
 5. Степанов Ю. Концепты: Словарь русской культуры. — М., 2002. С. 236.
 6. Каменцева Е. И. Вспомогательные исторические дисциплины. — М., 1969. С. 161—162.
 7. Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. — М., Изд. Высшего Совета Российской Православной Церкви. 1923. С. 12.
 8. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. — М., Новосибирск, Кн.1., 1997. С 9.
 9. Журавский А.В. Приход в Русской православной церкви. XX век// Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. — М., 2000. С. 282—283.
 10. КРГАОПДФ, ф.328, оп.1, д. 104, л.134.
 11. Ю. В. Гагарин. История религии и атеизма народа коми. — М., 1978, С. 246.
 12. НАРК, ф., 1326, оп.1, ед.хр.4, л.8.
 13. КРГАОПДФ, ф.353, оп.1, д.31, л.23—24.
 14. НАРК, ф.1326, оп.1, ед.хр.6, л.3.
 15. Революция в деревне. — М., 1924. С. 13
 16. Там же, С. 119
 17. Миньков П. 1929. Календарь должен быть советским // Революция и культура. 1929, №11, С.75-76.
 18. Там же, С.76.
 19. Керженцев П.М. 1923. Творческий театр. М-Пг., 1923, С.170—171.
 20. Зырянская жизнь, 1918. № 40, С.3.
 21. КРГАОПДФ, ф.274, оп.1, д.25, л.31
 22. Лугыд туж, 1927. 6 ноября.
 23. Лугыд туж, 1927. 6 ноября.
 24. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Рогачев М. Б., Колегов Б. Р. 2002. Историческая хроника. Республика коми с древнейших времен. — Сыктывкар, 2002. С. 93.
 25. НА НМРК, №2261. С.9.
 26. КРГАОПДФ, ф.274, оп.1, д.35, л.15.
 27. Лугыд туж, 1924. 25 апреля.
 28. Лугыд туж, 1924. 8 мая.
 29. Лугыд туж, 1924. 10 мая.
 30. КРГАОПДФ, ф. 274, оп. 1, д. 36, л. 11.
 31. Зырянская жизнь. 1920. № 19.
 32. КРГАОПДФ, ф. 353, оп.1, д. 40, л.3.
 33. КРГАОПДФ, ф. 221, оп.1, д. 270, л.3.
 34. Н. Бухарин.1929. Реконструктивный период и борьба с религией // Революция и культура. 1929. № 12. С. 11.

НАЧАЛО ХИМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОМИ АССР

Освоение территории Коми АССР, разработка Печорского угольного бассейна, нефтяных и газовых месторождений, обусловило потребность в высококвалифицированных специалистах

Основу инженерно-технического персонала, научных работников предприятий нефтяной, газовой, радиевой, угольной промышленности Коми АССР составляли заключенные и освободившиеся из лагерей. В лагеря Коми АССР, в числе других, направлялись и репрессированные специалисты химии. Уровень квалификации их был различен: от лаборантов до ученых с мировыми именами, среди них были доктора и кандидаты наук.

Выявлено 73 заключенных, отбывавших срок в Коми АССР в 1929—1956 гг. и имевших отношение к химической науке и производству. Из них 46 имело на момент ареста высшее образование, 1 — неполное высшее, 4 — после 8-10 классов средней школы, 22 были химиками по специальности, но не удалось выяснить, имели ли они высшее образование. Известно, что, также на момент ареста, 7 из них было профессорами: Д. П. Сердюченко (д. г-м. н.), Г. Я. Стадников (д. х. н.), В. В. Кудряшов, И. И. Гинзбург (д. г-м. н.), И. Я. Башилов, Л. С. Полак, И. А. Фещенко-Чоповской, кроме того, доктором философии был Ф. А. Торопов и химии — Г. П. Курбский. Четверо химиков были кандидатами наук: Е. М. Бочарова, Е. Г. Жуковская-Шатунская — химических, М. И. Быков и В. А. Лащенко — технических. Следует отметить, что из этих 13 профессионалов через лесоповал, строительство дорог и другие общие работы до того, как получили возможность работать по специальности (И. А. Фещенко-Чоповской и, вероятно, В. А. Лащенко такой возможности не получили), прошли семеро. И только И. И. Гинзбург, Ф. А. Торопов, Г. П. Курбский, Д. П. Сердюченко, В. В. Кудряшов, Е. М. Бочарова стали работать по специальности от начала срока.

Собранный материал позволил составить перечень, включающий 74 человека. Список включает также людей, не имевших до ареста химического образования. В лагерях они работали в химических лабораториях и в дальнейшем, после освобождения занимались этой наукой. Лагерное производство на территории Коми АССР привлекало высококвалифицированных специалистов из заключенных.

Таким образом, начало химического производства напрямую связано с возникновением исследований в данной отрасли науки. Приводимый ниже список позволяет характеризовать уровень квалификации первых специалистов химической службы в Коми АССР.

Андреевский Игорь Леонидович (1910—?) — инженер-технолог, химик-технолог. Осужден в 1938 г. по 58 ст. на пять лет (ИТЛ), отбывал срок в Ухтижемлаге (1938—1943 гг.), работал по специальности на нефтешахте. После освобождения защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук.

Балашов Владимир Васильевич — технолог-химик. Осужден на десять лет, в 1930 г. переведен из Архангельского отделения Управления Северных исправительно-трудовых лагерей в Ухтижемлаг, где работал по специальности.

Башилов Иван Яковлевич (1892—1953) — химик-технолог, профессор, один из основателей советской радиевой промышленности. В 1938 г. осужден по 58 ст. на пять лет ИТЛ (1938—1943). В Ухтижемлаге работал землекопом, сторожем, затем по специальности на радиевом промысле. В 1948 г. получил Сталинскую премию за разработку технологии очистки платины.

Белоконь Алексей Никитич (1867—1937) — химик-аналитик, доцент. Осужден в 1938 по 58 ст п. 10 (контрреволюционная агитация), находился в Ухтпечлаге (1940—1943), работал на кирпичном заводе, разработал технологию производства термической сажи.

Бонвеч Герберт Эмильевич (1903) — химик-органик. Осужден в 1933 г. по 58 ст. на десять лет. Отбывал (1933—1946) в Мончегорске, с 1941 в Воркутлаге, где работал в угле-химической лаборатории. Внедрял физико-химические методы исследования свойств углей.

Бочарова Елизавета Михайловна — химик-органик, к. х. н. В 1938 г. по 58 ст. (жена изменника Родины) осуждена на 8 л. ИТЛ, с 1941 г. переведена из лагерей Мурманской обл. в Печорлаг, а затем на Ухткомбинат, работала инженером-химиком, медсестрой.

Брацианов Александр Спиридонович — химик-биолог. Осужден в начале 1930-х гг., отбывал заключение в Ухтпечлаге, преподавал в Ухтопечорском горном техникуме будущи заключенным.

Быков Михаил Иванович (1906—1987) — инженер-химик, к. т. н. В 1937 г. осужден по 58 ст. по 10 (КРД) на Юл ИТЛ, с 1941 г. отбывал срок в Ухтижемлаге, работал химиком в лаборатории Ухтинского нефтеперегонного завода (НТО). Получил катализатор высококачественного бензина, искусственный асфальтит. Освобожден досрочно. В 1962 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Валовик Сергей Михайлович — химик. Работал химиком на втором промысле Ухтпечлага, освобожден в 1933 г.

Винсберг Павел Михайлович — до ареста служил в советском торговом представительстве в Германии, осужден по 58 ст., работал химиком в Воркутинской химической лаборатории.

Галеев Ахмед Салихович — химик-аналитик, инженер-химик. Осужден в 1938 г. по 58 ст. на пять лет ИТЛ, с 1940 по 1945 отбывал срок на Водном промысле. После освобождения продолжал работать химиком на Водном.

Гамзулов Яков Иванович (1894) — химик. В 1935 г. осужден по 58 ст. на десять лет ИТЛ, с 1936 по 1945 отбывал в Коми АССР, в том числе зав. лабораторией концентратов на Водном промысле.

Ганулевич Николай Ефимович (1905) — инженер-химик. В 1935 г. осужден на десять лет ИТЛ по 58 ст., весь срок отбыл в Ухтпечлаге, работал химиком на асфальтитовом руднике.

Гелих Абрам Исидорович (1901—1977) — инженер-химик, специалист по каучуку. Осужденный по 58 ст. на пять лет ИТЛ, в качестве заключенного работал в Коми АССР ра-

бочим на лесоповале, химиком на кирпичном заводе (1937—1945 гг.).

Гинзбург Илья Исаакович (1882—1965) — геохимик, д. г.-м. н., профессор, осужден в 1928 г. на десять лет ИТЛ по 58 ст., один из первых поселенцев Ухты, с его инициативы разведаны запасы и налажено производство асфальтитов, гипса, гелия Освобожден досрочно в 1931 г.

Гуловский Владислав (Викентий) *Иосифович* (1899—1987) — химик, первый раз был осужден в 1932 г. на пять лет ИТЛ, второй — в 1938 г., приговорен к 8 годам ИТЛ по 58 ст. за эти годы побывал на Беломорканале, а с 1939 г. по 1947 г. в лагерях Коми.

Гуслин Павел Иванович — химик, в 1944 был заключенным Ухтижемлага.

Дашунин Владимир Матвеевич (1925) — химик-органик. В 1949 г. по 58 ст. приговорен к десяти годам ИТЛ, с 1950 г. и до освобождения в 1956 г. работал рабочим на шахте и лесоповале, химиком в лаборатории в Ухтижемлаге.

Дворникова И. Т. — химик, отбывала заключение в Ухтижемлаге.

Демьянов Валентин Борисович — химик, в 1936 был в заключении на Воркуте, работал химлаборантом на Руднике.

Дидун Остап Теофилович — химик, в заключении работал в ЦУХЛ.

Дыбовский Ромуальд-Эдуард Карлович (1915) — инженер-технолог, химик. Осужден в 1938 по 58 ст. (КРА) на три года ИТЛ, сидел в Ухтижемлаге, с ноября 1940 г. назначен начальником цеха НПЗ.

Евдокимов Викентий Александрович (1894—1981) — геохимик, нефтяник. Осужден в 1931 г. на десять лет по 58 ст. Отбывал срок в Ухтпечлаге (1931—1945), работал химиком.

Емельянов Нестор Петрович (1896—1970) — химик. Осужден в 1936 г. по 58 ст. на пять лет ИТЛ. Отбывал срок на Воркуте, работал химиком. После 1956 г. защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Жуковская-Шатунская Елена Григорьевна (1906—1993) — к. х. н., физик-химик. В 1938 г. осуждена по 58 ст. на восемь лет ИТЛ. В Севжелдорлаге работала на железнодоро-

рожном строительстве, в Ухтижемлаге — в химической лаборатории. За успешную разработку темы освобождена за три месяца до окончания срока.

Зархин Александр Моисеевич — инженер-химик. Осужден в 1930-е гг., в 1938 г. был инженером-технологом в Ухтижемлаге.

Казанин Марк Исаакович (1899—после 1957) — филолог, переводчик, в 1937 г. приговорен по 58 ст. (контрреволюционная деятельность) к пяти годам ИТЛ. С 1940 г. работала старшим лаборантом химлаборатории Водного промысла.

Кириллов Дмитрий Иванович (1902—1938) — инженер-химик. В 1936 г. осужден по 58 ст. (контрреволюционная троцкистская деятельность), в 1938 г. умер в Ухтпечлаге.

Коровин Н. И. — химик. Осужден в 1936 г. по 58 ст. (КРТД). Отбывал срок в Ухтпечлаге (Чибью, Воркута). Работал в радиевой лаборатории.

Корякин Иван Никитич (1897—1947) — инженер-химик, в 1939 г. по 58 ст. (КРД) приговорен к пяти годам лишения свободы. В 1940—1946 гг. находился в лагерях Коми АССР.

Кугишев Илья Захарович — инженер-химик. Осужден в 1930-е гг. В качестве заключенного работал инженером-химиком в лаборатории на Руднике в Воркуте.

Кудряшов Виктор Васильевич (1892—1944) — профессор биохимии. В 1930 г. по 58 ст. 4, 7, 8, 11 получил 10 л. ИТЛ. До 1937 г. работал на Соловках и на строительстве канала Москва — Волга, в Ухтижемлаге (1937—1940 гг.), везде по специальности.

Курбский Глеб Петрович (1918—?) — д. х. н, химик-органик. В 1941 г. по 58 ст. (КРД) приговорен к 8 годам ИТЛ. В 1941—1946 гг. отбывал заключение в Горьковском ОУИТК, в 1946—1949 гг. — в Ухтижемлаге. Везде работал по специальности.

Кушева Анастасия Константиновна (1903—?) — химик-аналитик. Осуждена в 1938 г. по 58 ст. на восемь лет ИТЛ. Работала старшим химиком опытной станции, инженером-химиком Центральной научно исследовательской лаборатории (ЦНИЛ).

Лащенко Василий Анатольевич (1915—?) — химик, к. т. н., доцент. Впервые осужден в 1937 г. на десять лет ИТЛ, во второй раз — в 1943 г. на десять лет ИТЛ. С 1937 г. по 1952 г. находился в следующих лагерях: Южлаг, стройка 106, Севжелдорлаг, Ухтпечлаг.

Марголис Исаак Александрович (1923—?) — химик. До 1933 г. был заключенным Ухтпечлага, в 1933 г. освобожден.

Маркова (Иванова) Елена Владимировна — на момент ареста в 1943 г. имела 10-классное образование. Была приговорена к 15 годам каторги, в 1951 г. дело пересмотрено, 15 лет заменены на десять. Весь срок отбыла в Воркутлаге на общих работах. После освобождения получила высшее образование. Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук.

Миловидова Агнесса Львовна (1894—1970) — химик. Арестована в 1936 г. и осуждена по 58 ст. на пять лет ИТЛ. В заключении работала химиком-аналитиком в лаборатории на Воркуте.

Мисевич Александр Михайлович (1906—1991) — химик. Работал на лесоповале и других общих работах в лагерях Мордвы, Казахстана, Сибири, Коми АССР (на Воркуте).

Мокровский В. И. — техник-химик. В 1930 г. переведен в Ухтпечлаг из Управления постройки тракта, в Ухтпечлаге работал по специальности.

Молий А. Я. (1909—1979) — химик. Отбывала заключение в Ухтпечлаге.

Мусорин М. И. — химик. До 1932 г. был заключенным Ухтпечлага, работал химиком в лаборатории.

Никифороенко Иван Гордеевич (1889—?) — инженер-химик. В 1935 г. по 58 ст. КРД получил пять лет ИТЛ, с 1936 г. — на Воркуте, работал инженером-химиком химлаборатории на Руднике.

Олейникова-Литвинова Анна Семеновна — к моменту ареста имела среднее образование. Отбывала срок в Ухтпечлаге, была ученицей в химической лаборатории. Освобождена в 1932 г.

Петров Василий Федорович (1889—?) — инженер-химик по пластмассам. Осужден в 1935 г. по 58 ст. на восемь лет ИТЛ, отбывал срок в Коми АССР.

Погорельская Мария Самойловна (1904—1970) — инженер-химик. В 1938 г. осуждена по 58 ст. на восемь лет ИТЛ, отбывала в Казахстане и Коми АССР.

Полак Лев Соломонович (1908—?) — физикохимик, профессор. В 1937—1946 гг. был заключенным в лагерях Коми АССР, работал инженером в Ухтнефтегеофизике.

Прялухин Дмитрий Васильевич (1915—?) — инженер-химик, химик-органик. В 1937 г. приговорен по 58 ст. к десяти годам ИТЛ. В заключении работал по специальности на Ухте. Освобожден в 1945 г., досрочно.

Птушко Анатолий Иванович (1925—?) — на момент ареста имел образование 8 классов. Осужден на 10 лет. В Воркутлаге попал на работу в ЦУХЛ. После освобождения стал специалистом по углям, к. х. н.

Пшеничный Георгий Павлович — химик. С 1949 г. был заключенным в Речлаге, на Воркуте. Работал в Центральной углехимической лаборатории.

Разуваев Григорий Алексеевич (1889—1989) — химик. Осужден в 1934 г. по 58 ст. на 12 лет ИТЛ. Срок отбывал в Ухтпечлаге до 1942 г. на общих работах, затем по специальности на радиевом заводе. Освобожден в 1943 г., досрочно. До 1946 г. находился на вольном поселении в Коми АССР. В 1945 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата, а в 1946 г. — доктора химических наук. С 1946 г. — профессор Горьковского университета. С 1958 г. — чл.-корр АН СССР, с 1966 г. — академик.

Решилова (Нестеренок) Ольга Ивановна (1894—1972) — химик-биолог с незаконченным высшим образованием на момент ареста. В 1937 г. осуждена на десять лет ИТЛ. Отбывала в Воркутлаге, Кандалакше, на Беломорканале, Освобождена в 1944 г.

Годный Пеемия Иосифович (1908—1972) — геохимик. Осужден в 1938 г. по 58 ст. (КРД) на восемь лет ИТЛ. Отбывал в Воркутлаге химиком в лагпункте Рудник. В 1958 г. защитил диссертацию по углям Печорского бассейна.

Розов Михаил Федорович (1895—1943) — химик. Отбывал заключение в Коми АССР.

Романовский Никита Васильевич (1905—1937) — химик, инженер-технолог. В 1933 г. осужден по 58 ст. на де-

сять лет ИТЛ, работал инженером на втором промысле НПЗ в Коми АССР, в 1937 расстрелян.

Романченко Н. Т. — химик. В 1940-е гг. был заключенным в лагерях Коми АССР.

Рыдалевский Евгений Евгеньевич (1925—?) — на момент ареста имел образование восемь классов. В 1943 г. получил десять лет ИТЛ, отбывал заключение в Воркутлаге. После освобождения получил высшее химическое образование.

Рягузов Лука Антонович (1904—?) — химик-технолог. В 1937 по 58 ст. (КРД) приговорен к восьми годам ИТЛ. Отбывал срок в Коми АССР на Яреге, работал техником транспорта, химиком. Освобожден в 1943, досрочно.

Сердюченко Д. П. (1902—1990) — петрограф, минеролог, геохимик, д. г.-м. н., профессор. Осужден по 58 ст. в 1937 г. Отбывал заключение в Ухтижемлаге (1937—1946 гг.), работал петрографом, в ЦНИЛ Ухткомбината.

Сорокер Густав Наумович (1883—1956) — химик-нефтяник. Осужден в 1933 г. по 58 ст. на десять лет. Был заключенным БелБалтлага, а с 1934 г. — Ухтижемлага, работал в должности инженера-промысловика.

Соснин Борис Яковлевич (1913—?) — инженер, химик-технолог. Осужден в 1938 г. на восемь лет ИТЛ. Срок отбывал в лагерях Коми АССР на лесоповале, общих работах, строительстве ж/д. С 1951 г. по 1955 г. был на спецпоселении в Инте.

Стадников Георгий Леонидович (1881—1974) — химик-органик, геолог, д. х. н., профессор. Автор органической теории происхождения угля и нефти. Осужден на 20 лет ИТЛ по 58 ст. в 1939 году, освобожден в середине 1950-х, в Ухтижемлаге был на общих работах, в Воркутлаге работал лаборантом в ПУХЛ, с 1950 года был переведен в Речлаг.

Страхов Николай Петрович (1904—?) — химик-технолог радиевой промышленности. Приговорен к трем годам ИТЛ в 1931 г. по 58 ст. Работал в Ухтпечлаге химиком на Водном промысле, освобожден досрочно в 1933 году.

Сухаревский Мирон Яковлевич (1892—1935) — химик, специалист по взрывчатым веществам. В 1930 г. осужден на десять лет ИТЛ. Места заключения: Коми АССР, Нахабино, БАМ. Работал химиком-взрывником. Умер в заключении в 1935 г.

Торопов Федор Александрович (1884—1953) — инженер-химик. Осужденный в 1929 г. по 58 ст. на десять лет ИТЛ, он в составе первой экспедиции прибыл в 1929 г. в Чибью (Ухтпечлаг), где работал по специальности на втором промысле. Освобожден досрочно в 1932 г. В 1940 г. защитил диссертацию на соискание докторской степени.

Траунберг Иван Константинович (1882—?) — химик по специальности «технология органических веществ». Осужден на десять лет ИТЛ в 1933 году по 58 ст. Заведовал химической лабораторией на Воркуте. Основатель химической службы Воркуты.

Унтерхирхер Вильгельм Карлович (1890) — химик-техник, аналитик по органической химии. В 1935 г. осужден по 58 ст. (КРД) на пять лет ИТЛ, отбывал на Водном промысле. Освобожден досрочно в 1938 г.

Фещенко-Чоповский Иван Адрианович (1884—1952) — металлург, специализировался в области химической физики, профессор, ведущий специалист Европы в области химико-термической обработки металлов. В 1945 г. осужден на десять лет ИТЛ. Был на общих работах в лагерях Карелии и в Воркутлаге (Абезь). Умер в заключении.

Хомяков Д. Г. — инженер-химик. В 1930 г. переведен из Архангельского отделения УСЕВИТЛ в Ухтпечлаг, где работал по специальности.

Штраллер Ф. Э. (1899—1973) — химик, выпускник Лейпцигского университета. Осужден в 1936 г. Отбывал срок в Ухтпечлаге на Водном промысле.

Цукерман Иссяк Иосифович (1888—?) — химик-технолог. В 1939 г. осужден по 58 ст. (КРТД) на 15 лет ИТЛ. С 1949 г. находился в Речлаге, работал в лаборатории.

Щур Николай Максимович (1894—1974) — химик-технолог. Осужден в 1934 г. по 58 ст. на 10 лет ИТЛ, отбывал на Водном промысле, освобожден досрочно в 1942 г.

Эйферт Федор Давыдович (1895—1974) — инженер-химик. Впервые арестован в 1938 г., в 1939 г. — освобожден. В 1942 г. — депортирован, до 1955 г. находился в ссылке в г. Ульяновске, в Молотовской области, в поселке Крутая (Коми АССР), в Акмолинской области, в Казахской ССР.

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АДАПТАЦИИ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Работа подготовлена при поддержке РГНФ
(проект № 03-01-00843а)*

Эвакуации населения и промышленных предприятий прифронтовой полосы, осуществленной СССР в годы Великой Отечественной войны, и особенно в ее первые месяцы, в исторической литературе уделялось достаточно много внимания¹. Гораздо реже рассматривались вопросы социальной адаптации эвакуированных людей на новых местах². Цель настоящей работы — на материалах Коми АССР (ныне Республики Коми) показать процесс размещения и трудоустройства эвакуированного населения и влияние его на характер взаимоотношений с местными жителями.

Руководство эвакуацией населения и промышленных предприятий страны возглавил созданный 24 июня 1941 г. при СНК СССР Совет по эвакуации. Первоначально функции председателя Совета по эвакуации исполнял народный комиссар Наркомата путей сообщения Л.М. Каганович. 3 июля 1941 г. на эту должность был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. За практическое осуществление эвакуации отвечали центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов прифронтовых и многих тыловых областей страны, где были созданы специальные комиссии или советы по эвакуации. К выполнению этой военно-хозяйственной задачи были привлечены и военные органы³.

Порядок эвакуации в военное время был определен постановлением СНК СССР от 5 июля 1941 г. за №1825-818 сс. Совет Народных Комиссаров СССР обязал председателей СНК республик и обл(край) исполкомов обеспечить подготовку жилищ для эвакуанаселения, своевременно разгру-

жать железнодорожный транспорт, размещать эвакуированных на месте, устраивать их на работу (сельское население в колхозах и совхозах, рабочее население на предприятиях), а также оказывать медицинскую помощь и помощь одеждой, обувью и питанием на первое время. Пункт № 13 данного постановления предоставлял Совнаркомам республик и обл(край) исполкомам право в случае необходимости производить уплотнение жителей для расселения эвакуированных. Переселенческому Управлению при СНК СССР и СНК республик, обл(край) исполкомам предписывалось организовать поименный учет всех эвакуированных и создать бюро справок об их местонахождении⁴. Тогда же, в самом начале войны, из Переселенческого управления при СНК Коми АССР было образовано Эвакууправление.

Первые эвакуированные в Коми стали прибывать уже в июле 1941 г., а на 28 августа по республике было зарегистрировано 114 семей⁵. Через полтора месяца, по подсчетам на 7 октября, количество прибывших семей возросло и насчитывалось уже 536 семей или 1411 человек, из них 482 мужчин (в том числе в возрасте от 16 до 54 лет, т. е. трудоспособного, а также призывного возраста 157 человек), 926 женщин (в том числе в возрасте от 16 до 54 лет 622 человека), детей в возрасте от 7 до 16 лет — 253 человека и 328 малолетних детей⁶. Все они нуждались в помощи при обустройстве на новых местах. Постановлением от 28 ноября 1941 г. «О размещении и использовании эвакуированного населения из прифронтовой полосы» СНК Коми АССР обязал руководителей основных лесозаготовительных предприятий республики и других организаций, и в особенности председателей районных исполкомов Советов депутатов трудящихся обеспечить семьи эвакуированных питанием из специально выделенных фондов, создать нормальные жилищные условия и полностью использовать трудоспособных в лесной и местной промышленности, сельскохозяйственных и других работах⁷. Отметим, что эвакуации объектов народного хозяйства СССР в северную республику в годы войны не проводилось.

Вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания населения обсуждались на заседаниях бюро обкома и горкома партии, исполкомов Советов депутатов трудя-

щихся. Распоряжением Совета Эвакуации от 27 августа 1941 г. за № 13682-сз Коми АССР надлежало принять и обустроить 18 из 95 тысяч человек, эвакуированных из Ленинграда и Ленинградской области⁸. К 1 марта 1942 г. в Коми АССР прибыло 8718 эвакуированных⁹ (без учета лиц с ограниченным правовым статусом, т. е. эвакуированных в Коми АССР спецпереселенцев из Карело-Финской ССР. — примеч. авт.). По данным Н.М. Игнатовой, всего за 1941 г. в Коми АССР прибыло около 20 тысяч перемещенных лиц. Только в декабре 1941 г. было учтено 8147 эвакуированных, 8410 эвакуированных спецпереселенцев и 2949 немцев. Основную массу эвакуированных спецпереселенцев составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне, а затем в 1941 г. высланные повторно уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР¹⁰. По состоянию на 1 апреля 1943 г. число размещенных в пределах республики эвакуированных граждан сократилось, т. к. было зарегистрировано 8242 человека (889 мужчин, 3815 женщин, 3538 детей). Сокращение численности эвакуированных объясняется рядом причин. Прежде всего назовем истощение и отрицательное воздействие сурового северного климата, что явилось причиной детской смертности. Также среди факторов, влиявших на сокращение количества эвакуонаселения, были мобилизации на фронт эвакуированных граждан призывного возраста и, согласно постановлению ГКО № 11210 от 10 января 1942 г., осуществление обратного выезда мужчин без членов семейств на восстановление разрушенных территорий, а именно рабочих и служащих, эвакуированных из Москвы¹¹.

В Коми АССР были эвакуированы граждане в основном из следующих республик и областей: из Карело-Финской ССР — 4967 человек, г. Ленинграда и Ленинградской области — 1888, г. Москвы и Московской области — 546, Мурманской области — 231, Прибалтики — 64, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР — 271, Калининской и Смоленской обл. — 163, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Ростовской, Сталинградской, Крымской обл., Кубани и Северного Кавказа — 100 человек, с Дальнего Востока — 12 человек¹². В период с 1941 по 1945 гг. наблюдались определенные демографические изменения, т.к. за все годы войны в Коми АССР сохранялся механический прирост населения¹³. Так, за первое

полугодие 1942 г. из Коми АССР выбыло 6738 человек, и вместе с тем за это же время прибыло 8599 человек. Таким образом, механический прирост составил 1861 человек, в данное число входили и эвакуированные¹⁴. Но в сравнении с масштабами эвакуации населения в восточные районы страны, прибытие в Коми АССР населения из прифронтовой полосы было не значительным. Во втором полугодии 1941 г. за счет прибытия эвакуированных число жителей Казани выросло с 401 тыс. человек до 515 тыс., Куйбышева — с 390 тыс. до 529 тыс., Свердловска — с 425 тыс. до 544 тыс., Омска — с 281 тыс. до 400 тыс., Ташкента — с 585 тыс. до 660 тыс. человек, а в 1942 г. население этих и других городов еще более увеличилось, а в некоторых из них удвоилось¹⁵. Вследствие этого в тех районах много внимания уделялось жилищному строительству, а в Коми АССР проблема обустройства решалась за счет расквартирования эвакуированных на уже имеющемся жилфонде, что зачастую выражалось в подселении к местным жителям.

Первоочередными задачами республиканских властей при размещении эвакуированных были поиск и подготовка необходимого количества жилья. Вот как вспоминает первую встречу с эвакуированными Муза Максимовна Попова (в девичестве Есина): «Однажды зимой в дом постучались. Женщина, стоявшая на крыльце, представившись, попросилась в дом на постой с сыном. Екатерина Георгиевна, мама Музы Максимовны, растерялась: «Ребят полон дом, да во второй комнате крыши нет, в одной все живем...» Но Варвару Васильевну — так звали просительницу — это не смутило: «Покроем крышу, все, что нужно, построим, не привыкать». Варвара Васильевна чудом вырвалась из блокадного Ленинграда. Вырвалась, чтобы спасти умирающего младшего сына, который так обессилел, что не мог ходить. Ночью тащила шестнадцатилетнего Женьку через Ладожское озеро. Многие таким образом пытались прорваться, но мало кому это удалось. Ползущих людей расстреливали с самолетов. Когда начинался обстрел, Варвара Васильевна ложилась на сына, с тревогой думая, что, когда в нее попадут, у сына не хватит сил выбраться из-под тела... С Варварой Васильевной Есины поддерживали отношения до самой ее смерти. Уезжая после войны, она

сказала: «Вы моя семья. И все коми для меня теперь родные. Дом в Ленинграде открыт для всех...»¹⁶.

В достаточно нормальных жилищно-бытовых условиях были устроены семьи преподавателей эвакуированного в Коми АССР в августе 1941 г. Карело-Финского университета. Им были предоставлены помещения Коми пединститута — это были изолированные, сухие и теплые комнаты с полезной площадью на одного человека от 4,5 до 6 кв. метров. Также институт выделил семьям преподавателей разделанные дрова, инвентарь (кровати, тумбочки, матрасы, столы, табуретки, зеркало, часы, чайники), все они получили в пользование постельное белье, занавески¹⁷.

Как отмечалось выше, в Коми АССР были эвакуированы спецпереселенцы — бывшие кулаки из Карело-Финской ССР. Вопрос заселения эвакуированных спецпереселенцев решался быстро. Отношение к ним, как к людям «второго сорта», обусловленное проводимой государственной политикой, позволяло не особенно акцентировать внимание на их обеспечении теплым и пригодным для проживания жильем. Спецпереселенцы, как правило, заселялись в старых, малопригодных для жилья бараках, оставленных когда-то также спецпереселенцами.

Гораздо сложнее было разместить полноправное гражданское население. В связи с катастрофической нехваткой жилья многие семьи эвакуированных вынужденно расселялись в старых, нежилых, и от того в холодных, необорудованных помещениях. Попытки решения проблемы за счет уплотнения как государственного, так и частновладельческого жилфонда, приводили к большой скученности и порождали многочисленные конфликты на бытовом уровне. Если с лета 1941 г. местные жители Коми АССР воспринимали первых эвакуированных как людей, попавших в беду и, сочувствуя, старались оказать им сильную помощь, то с последующими потоками прибывающих отношении к ним стало меняться. Были случаи, когда теснота в домах и квартирах создавалась искусственно, а отдельные руководители предприятий специально заселяли в одной квартире по несколько семей, а мотивировали свои действия следующим образом: «Если Вас не потеснишь, то от Вас не избавишься»¹⁸. Встречались также случаи просто из-

девательского отношения к эвакуированным. Так, в с. Усть-Уса, семья Веселовой, состоявшая из четырех человек взрослых и четырех малолетних детей, полтора месяца жила в бане площадью 10 квадратных метров¹⁹. С выявлением фактов данного безобразия его виновники были сняты с работы и исключены из партии, а семье Веселовой была предоставлена квартира.

Другой, не менее острой была проблема взимания платы за жилплощадь. Случались факты, когда местные жители самолично завышали ее, а устанавливаемые ими цены варьировали от 10 до 30 рублей в месяц с каждого члена семьи, а не со всей семьи, как было предписано в постановлении. Также нарушением предписаний были и требования производить уплату за жилье верхней одеждой и другими ценными вещами. Нежелание пускать в дом незнакомцев выразилось в несоблюдении норм человеческого общежития. Так, некоторые хозяйки домов просто-напросто не давали своим квартирантам и даже прятали от них домашнюю утварь, запрещали пользоваться кухней, отказывали в бане²⁰. Подобное отношение со стороны местных жителей вызывало естественной возмущение эвакуированных и породило поток письменных обращений к компетентным органам в поиске поддержки и защиты.

Рассмотрением массы жалоб по квартирным вопросам занимались совместно партийные, советские и общественные организации. За вымогательство и выдворение эвакуированных с квартир владельцы жилплощади привлекались к уголовной ответственности²¹. Упорядочило ситуацию по подселению эвакуированных в дома местных жителей постановление СНК Коми АССР от 28 января 1942 г. за № 70, которым были утверждены расценки за жилплощадь: для работающих расквартирование эвакуированных в колхозах устанавливалось за счет свободной жилплощади колхозников и единоличников; а работающим на лесозаготовке и сплаве предоставлялись общежития и квартиры за счет лесозаготовительных предприятий. Взимание квартиплаты с эвакуированного населения устанавливалось не свыше 50 копеек с квадратного метра в месяц. За пользование мебелью и обстановкой разрешалось устанавливать дополнительную плату по соглашению сторон,

не превышающую 5% годовой амортизационной стоимости предоставляемого имущества²².

Массовые мобилизации на фронт наиболее трудоспособной части населения республики стали одной из основных причин кадровых проблем в промышленности и сельском хозяйстве республики. Только за три месяца начала военных действий из 38326 рабочих и служащих Коми АССР более одной трети из них было призвано в армию, то есть 14488 человек (7990 рабочих и служащих из местного населения и 6898 рабочих лесозаготовительных предприятий и железнодорожного строительства, прибывших из других областей)²³. К осени 1941 г. потребности в рабочих и специалистах разных профессий по Коми АССР составили 26061 человек, в том числе 11045 колхозников, 8088 рабочих лесозаготовителей, 60 врачей, 31 человек среднего медперсонала, 21 учителей СШ и НСШ²⁴. Одним из источников пополнения рабочей силой предприятий республики явилось эвакуированное население. В составе эвакуированных в республику прибывали квалифицированные специалисты. Среди них были так необходимые для республики связисты и сотрудники милиции, которые чаще других мобилизовывались на фронт, учителя и др. Так, в Сыктывкар из Киевского УНКВД в 1942 г. прибыли 7 работников, которые занимали здесь различные должности²⁵. Эвакуированные из Карело-Финской ССР (около 5 тысяч граждан) в большинстве не знали русского языка и по прибытии в Коми республику оказались в беспомощном состоянии, т.к. не всегда могли объяснить в сельских советах о своих наболевших проблемах. С целью использования с максимальной пользой учителей-карел, хорошо знавших русский язык, предлагалось привлекать их к просветительской работе на родном языке. Для преодоления языкового барьера в школах создавались специальные классы с обучением на русском, карельском и финском языках²⁶. Решением исполкома Корткеросского райсовета депутатов трудящихся за № 527 от 30 декабря 1941 г. определялось образование на территории района новых поселков для размещения и трудоустройства эвакуированного населения на лесозаготовительных участках: поселка «Нам» с контингентом на 250 человек, «Певк» — 386 человек, «Вежь» — 173 человека, в Корткеросском лесопункте — на 250 человек²⁷. К февралю

1942 г. показатели недостатка рабочей силы в республике по многим пунктам сократились; в частности, лесная промышленность Коми АССР нуждалась в дополнительной рабочей силе уже в количестве 3500 человек (без членов семейств), и имела возможность разместить 6720 человек²⁸.

Большинство эвакуированных из сельской местности трудоустроивалось в колхозах, где также имелась большая нехватка рабочей силы. Однако в деревне, как и в городе, отношения с местными складывались далеко не однозначно. Сохранились свидетельства, когда наряду с взаимной доброжелательностью и оказываемой бескорыстной помощью, местные колхозники относились к эвакуированным как к «прихлебателям, которые даром едят хлеб»²⁹, а также распределяли урожай по принципу «свои — чужие», и тем самым вынуждали эвакуированных искать более выгодную в материальном обеспечении работу. Так, в Летском районе в голодную зиму 1942 г., разделив на трудодни небогатый урожай 1941 г., местные колхозники придерживали его для своих надобностей, а на эвакуированных, проживавших в той же местности и являвшихся членами тех же колхозов, отдельные имевшиеся излишки (картофель) и другие продукты не распределялись, но даже и не продавались, а давались только в обмен. Такое положение дел вызывало у крестьян других регионов недовольство и желание скорее вернуться на родину, а также стремление закрепиться в производственных организациях или в лесной промышленности, где по месту работы они обеспечивались общественным питанием³⁰. С другой стороны, проигрывали и сами колхозы, т.к. они теряли необходимую, дефицитную в годы войны рабочую силу.

Систематическую работу по хозяйственному устройству эвакуированных — этой специфической категории населения — проводил созданный 31 января 1943 г. Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Коми АССР, заменивший ликвидированное при Совнаркоме республики Эвакуоуправление. Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения включал два сектора: сектор по трудовому и хозяйственному устройству эвакуированного населения и сектор по переселению колхозного крестьянства. В Сыктывкаре и в районах республики были утверждены инспектора по

трудовому и хозяйственно-бытовому устройству эвакуированных.

Отметим, что на предприятиях и учреждениях города Сыктывкара, и особенно в сельской местности, практиковался принцип устройства на работу в первую очередь эвакуированных с предоставлением для них должностей согласно их специальностям³¹. При этом нередки были случаи, когда служащие из местных колхозников заменялись эвакуированными и перемещались на другие, менее оплачиваемые работы³². Местные исполкомы объясняли сложившуюся ситуацию необходимостью создания для эвакуированных благоприятных условий обустройства и проживания. И действительно, в материально-бытовом плане им приходилось гораздо тяжелее, чем местным жителям. Однако голод в военное время переживало все население, независимо от социального статуса.

Структура и качество питания тылового населения в годы войны в массе своей были неудовлетворительным. Эвакуированные же считали недопустимым, когда обслуживание в столовых местного населения осуществлялось в первую очередь, а их во вторую, и видели в этом ущемление своих прав. Подобные жалобы устранялись быстро; работников столовых, как правило, увольняли и заменяли эвакуированными женщинами, давая строгие предписания обслуживать людей в обратной последовательности.³³ Впрочем, и все остальные жалобы, подаваемые эвакуированными, решались в короткие сроки и, как правило, в пользу последних, что в свою очередь спровоцировало складывание мнения об эвакуированных, как об особой, привилегированной группе населения. Негативно повлияли на формирование общественного мнения об эвакуированных поведение семей военнослужащих, хотя таких семей было меньшинство. Так, несколько семей в Сыктывкаре получали денежные пособия по аттестатам по сумме доходивших до 1000 рублей в месяц³⁴. (В качестве сравнения отметим, что зарплата тех же эвакуированных, работавших на запанях и лесоучастках в среднем была не более 100—120 рублей)³⁵. Кроме того, семьи военнослужащих старшего и высшего начсостава питались в закрытых столовых, а через систему Военторга снабжались промтоварами. Материальное благополучие последних порождало высокомерное отношение к окружающим, выразившееся, в частности, в отказах устра-

иваться на предлагаемые работы в колхозы или лесозаготовки, диктате своих условий и желаний работать только в учреждениях и ведомствах.³⁶ При явной нехватке рабочих рук на производстве и в сельском хозяйстве подобное поведение вызывало в глазах местных жителей естественное недоумение, а с усиливавшимся голодом — и обиду. Они смотрели на них, как на «прихлебателей, которые даром едят хлеб»³⁷. Негласные протесты местных выразились в завышении цен на продукты питания (картофеля с 10—12 рублей до 40 рублей, мяса с 12—15 рублей до 25—30 рублей), а также в выдвигании условий продажи продуктов питания только в обмен на белье и одежду³⁸, увеличивали темпы роста инфляции и масштабы спекуляции.

При трудоустройстве эвакуированного населения партийные и советские органы столкнулись со значительными трудностями. Большую часть эвакуированных составляли женщины, многие из которых имели от двух до четырех и более детей и не всегда могли устроиться на работу. Но даже тогда, когда в ряде районов ясельная сеть могла вполне охватить всех эвакуированных детей, из-за плохого питания в них женщины не желали отдавать своих детей в ясли и детские сады. Мамаи предпочитали нанимать няnek на дом или отказывались от трудоустройства³⁹. Организационно-массовую работу с женщинами проводили общественные организации — женсоветы, в состав которых, как правило, входили жены военнослужащих. Активисты женсоветов проверяли работающих на производстве, в учреждениях и в колхозах, организовывали беседы со стахановцами и ударниками производства, отдельно общались с не выполняющими дневных и месячных планов. Также они проверяли поступающие заявления и жалобы от эвакуированных, знакомились с их бытовым и материальным положением, помогали удовлетворять просьбы нуждающихся в одежде и обуви или в ремонте и подготовке квартир к зимнему периоду⁴⁰. Значение деятельности женсоветов, как и изучение материального положения эвакуированных, является отдельной темой, требующей обстоятельного исследования.

Адаптации эвакуированных к новому месту проживания и выработки стратегии выживания в течение Великой Отечественной войны не произошло. Уже с 1943 г. в военкоматы республики стали поступать многочисленные заявле-

ния от эвакуированных с просьбой направить их на фронт. В 1944 г., с освобождением ряда советских территорий от оккупации, эвакуированные стали проситься на стройки принять участие в восстановлении разрушенного хозяйства. Студентка Сыктывкарского пединститута М.М.Шешукова 26 апреля 1942 г. писала: «Я эвакуирована в г.Сыктывкар в 1941 году из г. Люблино вместе с матерью. В Сыктывкаре я осталась одна. Меня ничто больше здесь не оставляет, ничто не задерживает, наоборот, мне очень трудно здесь оставаться. Я среднюю школу окончила в Москве. Все мои друзья и товарищи давно на фронте... Все мои мечты, все мои желания — попасть на фронт... где я думаю принесу много больше пользы, пусть не большим трудом. Я буду работать изо всех сил, помогать всем, чем могу громить проклятых фашистов»⁴¹. «Здесь нет никого родных. Отец, братья, муж — все находятся на фронтах Отечественной войны», — в качестве аргумента в своем заявлении приводила Н. Е. Закурдаева в заявлении от 16 июля 1943 г.⁴². «Эвакуирована из Москвы с маленьким ребенком, который умер. Одинока. Если есть возможность, прошу направить на южный фронт или центральный», — подписавшись как жена командира, в надежде уехать из республики и встретить находившегося в армии мужа, 16 марта 1943 г. писала А. Т. Ганшина⁴³. Неоднократные просьбы о направлении на фронт в Сыктывкарский горвоенкомат были поданы эвакуированной из Ленинграда М.Я. Суркиной: «Я военнообязанная, прибыла сюда в декабре 1942 г. ...была на фронте г.Ленинграда на передовой линии. Потеряла семью семь человек, мужа, полуторагодовалую дочь. Сама голодала, получала по 250 грамм в день, пережила все, потеряв все возможности молодой женщины, несмотря на то, что мне еще 22 года. Рыла окопы в Ленинграде до последнего дня, пока слабость и истощение не подорвали мое здоровье. Я никогда бы не бросила Ленинград, если бы не приказали секретари райкома «выехать». Здесь в Сыктывкаре я встречалась с вторичным голодом, только хлеба я получала 600 грамм и больше ничего...»⁴⁴. Вероятно, надежда на получение утвердительного ответа на поданные заявления была едва ли не единственной возможностью выехать из северной республики.

Сложные взаимоотношения эвакуированных и местного населения были характерны для первых месяцев эвакуации.

Как известно из официальных документов, такое положение объяснялось плохой постановкой массово-разъяснительной работы⁴⁵. Усилению недружелюбия между эвакуированными и местными на протяжении войны, на наш взгляд, способствовала несбалансированность правовой защищенности, когда наблюдалось изобилие постановлений и решений об обеспечении или улучшении бытового положения первых при практически полном умолчании бед и нужд последних. В дальнейшем это обусловило дисбаланс социальных статусов эвакуированного и местного населения, и, безусловно, повлияло на характер сложных и противоречивых взаимоотношений между ними. Внимание и забота об эвакуированных, с одной стороны облегчали их адаптацию к новым реалиям жизни и способствовали искоренению в них отрицательных эмоций и ощущения безысходности⁴⁶, однако надо помнить, что никакие законы и положения не могли заглушить в сознании эвакуированных личной драмы: пережитые бомбежки, гибель людей, потери близких и родных. Приехав на Север измученными и истощенными, за все годы войны эвакуированным так и не удалось приспособиться к изменениям условий существования. Одиночество, трудные условия быта, голод и холод стали мотивами подачи многочисленных заявлений в военкоматы республики с просьбой отправить их на фронт или на восстановление разрушенных городов. Не дожидаясь окончания войны, многие эвакуированные переселились на освобожденные Советской Армией территории, и только не имевшие возможностей выезда в родные края остались в республике.

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 2. — М., 1961. С. 138—151; Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 243—264 и др.
2. Лихоманов М. И. Размещение и использование эвакуированного населения в восточных районах. // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. Трудовой подвиг народа. Под общей редакцией П. Н. Поспелова. — М. Мысль. 1974. С. 181—190; Потемкина М. Н. Эвакуированные как специфическая категория населения в годы войны (психологополитический аспект) // Великая Отечественная война. Уроки и проблемы. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 50-летию Победы. — Пермь. Пермский ун-т. 1995. С. 26—28 и др.
3. Куманев Г. А. Указ. соч. С. 246—247.
4. Национальный архив РК Ф. р-605. Оп. 4. Д. 66. Л. 30.
5. Там же. Л. 2.
6. Там же. Л. 17.

7. Александров А. Н. В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. — Сыктывкар. Коми книжное издательство. 1985. С. 173.
8. НА РК. Ф. р-605. Оп. 4. Д. 66. Л. 53.
9. Александров А. Н. Указ. соч. С. 172.
10. Игнатова Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х—1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. С. 25.
11. Коми РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. Л. 1.
12. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Сборник документов и материалов. — Сыктывкар. Коми книжное издательство. 1982. С. 169—170.
13. Республика Коми к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сборник статистических материалов. — Сыктывкар. 1995. С. 58.
14. Государственный архив РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 185. Л. 5.
15. Лихоманов М. И. Указ. соч. С. 188
16. Щербинина М. Искусство кройки и житья. Война и мамы. // Республика. Домашний очаг. 10 апреля 2002 г. С. 4.
17. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 947. Л. 194.
18. Коми РГАОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 9об.
19. Там же. Л. 9.
20. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 945. Л. 25.
21. Там же. Л. 7об. Коми РГАОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 9об.
21. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 945. Л. 25.
22. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 944. Л. 10.
23. Александров А. Н. Указ. соч. С. 47.
24. Подсчитано автором. НА РК. Ф. р-605. Оп. 4. Д. 66. Лл. 10—13.
25. На страже правопорядка и законности. Органы Внутренних дел Республики Коми. Краткий исторический очерк. Кн. 1. — Сыктывкар. МВД РК. 2001. С. 89.
26. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 945. Л. 25.
27. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 947. Л. 171.
28. Коми РГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 775. Л. 65.
29. Там же.
30. Там же. Л. 11.
31. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Сборник документов и материалов. — Сыктывкар. Коми книжное издательство. 1982. С. 153.
32. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 945. Л. 24.
33. Там же. Л. 9.
34. Коми РГА ОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 9.
35. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 945. Л. 13 об.
36. Коми РГА ОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 9.
37. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 945. Л. 25.
38. Там же. Л. 25.
39. НА РК. Ф. р-605. Оп. 1. Д. 1068. Л. 52.
40. Коми РГА ОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 49.
41. НА РК. Ф. р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 87.
42. Там же. Л. 191.
43. Там же. Л. 196.
44. Там же. Л. 106.
45. Там же. Л. 14.
46. Потемкина М. Н Эвакуированные как специфическая категория населения в годы войны (психолого-политический аспект)// Великая Отечественная война. Уроки и проблемы. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 50-летию Победы. — Пермь. Пермский ун-т. 1995. С. 26.

**ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВ
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОРГОВЛИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1947—1991)**

Процесс формирования социальной группы торговых кадров на территории Коми АССР в послевоенный период, становление системы профессиональной подготовки кадров для государственной торговли, методы и формы профессионального общения работников советской торговли, формирование системы повышения квалификационного мастерства — актуальная тема в изучении новейшей истории как с точки зрения экономического развития региона, так и с социальной истории, социальной психологии.

В рассматриваемое время произошли значительные изменения кадрового состава отрасли. С 1947 г. по 1991 г. их численность увеличилась в 3,4 раза. При этом в сфере торговли в 1990 г. работало 7,5% трудоспособного населения республики, а если учесть, что большинство работников данной отрасли женщины, то из 620,5 тыс. женского населения республики (на 1990 г) каждая девятая была занята в торговле.

Исследуя количественное изменение кадрового потенциала, можно выделить 3 источника, за счет которых происходил приток кадров в отрасль. Первый связан с политикой привлечения индустриальных кадров в 1950—1960 гг., когда на территорию Коми АССР приезжали по оргнабору из других районов страны. Среди прибывших было немало молодых семей. Узкий рынок женского труда позволял трудоустроиться, как правило, только в «обслуживающие» сферы — торговлю, общественное питание, сети которых расширялись и требовали новые трудовые ресурсы.

Второй путь притока кадров в государственную торговлю — это миграционные процессы внутри Коми АССР, когда жители из сельских отдаленных местностей приезжали в районы нового промышленного освоения. Третий — распределение молодых специалистов, закончивших средние и высшие про-

фессиональные учебные заведения в районы Крайнего Севера, в том числе и в Коми АССР.

Следует заметить, что если в 1950—1960-е гг. основу пополнения кадрового потенциала торговли составляли приезжие по оргнабору и население из отдаленных местностей, то в 1970—1980-е гг. пополнение кадрового состава происходит путем подготовки кадров в образовательных учреждениях республики и распределения в торговых организациях, целенаправленным обучением представителей Коми АССР в средних и высших учреждениях страны.

Помимо количественных изменений в рассматриваемый период произошли качественные перемены. Прежде всего они коснулись образовательно-квалификационного уровня торговых кадров, изменения форм и методов общения с покупателями.

Если в первые послевоенные годы в торговле республики всего 29 человек имели высшее образование, то к 1991 г. 18% специалистов государственной торговли в Коми АССР закончили высшее учебное заведение страны и 84% получили среднее специальное образование.

Торговля, как любая другая отрасль народного хозяйства, имеет свою специфику, знания которой необходимы для осуществления деятельности в этой сфере. Этот комплекс знаний следует рассматривать через понятие «квалификации». Формирование квалификации сложный процесс, на который оказывают влияние различные факторы и условия. Понятие квалификации включает в себя общетеоретическую, специальную, научную, методологическую, эмпирическую и эмоционально-психологическую подготовку для трудовой деятельности в данной отрасли.

Процесс подготовки квалифицированного специалиста должен состоять из трех ступеней:

Первая — профориентационные мероприятия, подготовка и вовлечение в профессию молодежи, формирование начальных представлений о сфере деятельности, возможности самореализации в сфере торговли.

Вторая — развитие системы образовательных учреждений, имеющих весь необходимый инструментарий: учебные корпуса, наглядные материалы, образцы, оборудование, произ-

водственные площадки для практики, профессиональный педагогический потенциал и т. д.

Третья — система профессионального общения, повышение своего квалификационного мастерства на курсах, семинарах, местных, республиканских, российских мероприятиях.

Малый процент квалифицированных кадров, отсутствие учебных учреждений по подготовке специалистов для государственной торговли на момент начала промышленного освоения края свидетельствует о второстепенном отношении властей к вопросам подготовки жизнеобеспечивающего комплекса, социальному обустройству края. Исследования показывают, что проблема обеспечения государственной торговли квалифицированными кадрами стала решаться только тогда, когда приняла экстренный характер. Так, активное промышленное строительство в Коми АССР началось в первой половине 1950-х годов, а техникум советской торговли, предназначенный для выпуска квалифицированных специалистов государственной торговли, был открыт лишь в 1960 г. Важно учесть, что становление учебного учреждения, подготовка специалистов требует временного пространства. Свой первый выпуск специалистов техникум советской торговли осуществил только в 1963 г., его филиал, открытый в 1969 г. выпустил специалистов в 1972 г.

В послевоенный период активно расширяется торговая сеть Коми АССР. В городах и поселках городского типа появляются типовые торговые объекты: специализированные магазины «Детские товары», «Товары для женщин», «Галантерея», «Обувь», магазины универсального типа. С начала 1960 г. торговля переходит на прогрессивные формы обслуживания: открытую выкладку товаров, самообслуживание покупателей. Появляется большой спектр торговых услуг: продажа товаров в кредит, доставка на дом, работа по предварительным заказам и др.

Однако данный период характеризуется неравномерным развитием государственной торговли республики. Большинство торгующих организаций, расположенных в Коми АССР, принадлежали системе различных министерств ведомств, действовали через УРСы и ОРСы. Промышленные интересы министерств на территории Коми АССР отражались на тор-

говых объектах. Так, например в УРСе Комилес, Печорлес, ОРСе № 4, 5, 10 железнодорожного транспорта, ОРСе Печорского Управления речного пароходства магазины были малокомплектные, по штатному расписанию с 3—5 рабочими местами. Условия работы не позволяли здесь внедрять прогрессивные формы обслуживания покупателей.

Другой проблемой для отрасли являлся недостаток квалифицированных специалистов и высокая текучесть кадров. Это связано с низкими, по сравнению с другими сферами, социальными гарантиями: недостаточным обеспечением торговых кадров детскими садами, непродолжительным отпуском, многоочередностью на получения жилья и т. д. Все это негативно отражалось на эффективности работы отрасли, а в конечном счете сказывалось на жизнеобеспечении населения республики.

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА ЖАКОВЫХ

Происхождение К. Ф. Жакова и выявление его родственников (предков и потомков) есть не только часть вспомогательной исторической дисциплины — генеалогии, но является интересной демографической и историко-культурной проблемой. В связи со сложностями графического изображения родословного дерева нами был выбран иной способ, предложенный ассоциацией генеалогов-любителей (г. Пермь).¹ Источниками послужили ревизские сказки, исповедальные ведомости, а также родословная таблица, составленная внучкой К. Ф. Жакова — Любовью Вадимовной Жаковой в 1977 г. и уточненная в переписке и личных беседах в 1996 г.²

При составлении поколенной росписи учитывались преимущественно кровные родственники по мужской линии, носящие ту же фамилию, а также усыновленные дети. Но строго выдержать поколенную роспись по мужской линии невозможно.

По семейным преданиям род Жаковых берет начало от Ивана Жакова, который имел четырех детей (Григорий, Егор, Перо, Фалалей). Однако архивные материалы рисуют иную картину. В ревизских сказках 1858 г. в деревне Давпон обнаружено 13 семей Жаковых (более 130 человек). Прямые родственные связи между ними, по крайней мере, начиная с XIX в. не обнаружены. Под номером 152 (145) назван Антон Сидоров Жаков, умерший в 1852 г. и его двоюродный брат Фалалей «незаконнорожденный Жаков»,³ сестра Сидора — Матрена, родившая в начале XIX в., и является родоначальницей рода.

Второй раз нарушение мужской линии относится к первой трети нашего века. Сын Каллистрата Жакова — Вадим — не имел сыновей. Его дочери — Любви Вадимовне — оставили фамилию Жакова, а ее муж, Лев Андреевич, взял фамилию жены. Таким образом, их дети носящие фамилию Жакова, являются его потомками по женской линии. Но именно Любовь Вадимовна Жакова сделала очень много в выявлении

и сборе материала о великом представителе коми народа, неоднократно приезжала в Сыктывкар.⁴

Обнаружено громадное родственное окружение Каллистрата Жакова, в том числе наш современник — директор Печоро-Ильгского заповедника Отто Карлович Маголинский (жена К. Ф. Жакова — Г. Н. Николаевская — имела двух сестер. Одна из них — Елена — вышла замуж за П. П. Мегалинского, племянником которого является Отто Карлович).

Живущие в Сыктывкаре потомки Жаковых, ведут родословную от братьев Каллистрата. У них сохраняется иная семейная память, поэтому не увенчались успехом предпринятые Л. В. Жаковой в конце 1980-х гг. попытки выяснить, что сохранилось в их семейных традициях от великого родственника.

Для полноты картины важна судьба латвийской семьи Жакова. В третьем браке у Каллистрата Жакова сыновей не было. Младшая дочь Елена детей не имела, а у старшей — Райды Каллистратовны — есть только дочь, которую тоже зовут Райда. Ее фамилия по отцу — Тимука, по мужу — Скрейя. Она-то и приезжала в 1991 г. в Сыктывкар на перезахоронение Каллистрата Жакова — своего деда.

Третья жена Каллистрата Жакова Алида Каролина Приеде (1898—1941) вскоре после его кончины вторично вышла замуж и имела еще 3 детей. Ее младший сын Янис (1932—1944) умер в 12-летнем возрасте, старшая дочь Лиза (род в 1926 г.) имеет сына и двух внуков Яниса (род в 1985 г.) и Кристепа (род в 1987 г.). Ее вторая дочь Мара Приеде родилась в 1928 г. по мужу — Гойжевская, имеет сына Нилиса и дочь Ингу, а также 6 внуков. Мара Приеде — дочь третьей жены Жакова от второго брака также приезжала в Сыктывкар в 1991 г.

Поколенная роспись включает 4 колонки: номер по порядку, перечень поколений, номер отца или номер матери (Фалалей числится под номером 5. У всех детей номер отца 5).

В росписи указаны даты, только достоверно выявленные в архивных документах или со слов ближайших родственников. Роспись включает несколько поколений потомков Жакова, что необходимо для уяснения дальнейшей судьбы династии.

Наконец, необходимо сделать еще одно замечание Стремление к точности при составлении поколенной росписи приобщает исследователя к таким семейным отношениям и тайнам,

которые вливаются в вопросы морально-этического порядка. В каждом конкретном случае решается проблема, обнародовать ли данный факт. Исследователи должны быть уверены в читателе. Никакие обывательские пересуды неприемлемы.

1. Панов Д. А. Опыт поколенной росписи рода Ельциных. — Пермь, 1992.
2. Подробнее см. Куликова О. В. Источниковая база для составления родословных (на примере родословной семьи коми ученого К. Ф. Жакова)/ Человек и общество в информационном измерении: Материалы научной конференции. — Екатеринбург, 2001. С. 190—193.
3. Национальный Архив Республики Коми (НАРК) Ф. 343 Оп. 1 Д. 2 Л. 67—68 Ф. 230 Оп. 1 Д. 461 Л. 33 об—34.
4. Автобиография Л. В. Жаковой, присланная в ноябре 1996 г. авторам статьи. Родилась в Ленинграде 3 мая 1923 г. В 1941 г. окончила школу-десятилетку и одновременно вечернюю художественную школу. Поступила в Лесотехническую Академию на лесохозяйственный факультет. С первого дня его организации работала общественницей в эвакуационном госпитале 1114 по направлению РК ВЛКСМ. После прекращения занятий, затем эвакуации Лесотехнической академии работала в библиотеке ЛТА. С мая 1942 г. зачислена в штат госпиталей. С ноября 1942 г. — студентка Ленинградского медицинского института (ЛМИ) по спецнабору. В феврале 1944 г. заболела открытой формой туберкулеза легких, три года по больницам, два искусственных пневмоторакса (введение воздуха в полость плевры специальной иглой — Л.Р.), и в августе 1947 г. инвалидность II группы пожизненно. Награды: медаль «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и др., Орден Отечественной войны II степени. В декабре 1947 г. выехала из города по месту работы мужа на Приозерский рыболовный завод. С августа 1951 г. семья жила при научной экспедиции Ленинградского института Озероведения АН СССР на оз. Пунис-Ярве Ленинградской обл. 1950—1970 гг. полностью посвящены воспитанию и образованию 4 детей. В это время вела большое деревенское хозяйство, вела общественную работу в школе и сельсовете (муж — депутат двух созывов) была селькором районной газеты. С 1967 г. муж заведует кафедрой зоологии в Вологодском пединституте и семья жила в Вологде. С 1980 г. переехали в Ярославль. С 1971 г. нештатно сотрудничаю в различных периодических изданиях. В 1971—1989 гг. — постоянный сотрудник районной газеты «Борьба» (Вожега), 1972—1979 гг. — областной газеты «Красный Север» (Вологда), с 1980 г. — «Северный рабочий» (ныне «Северный край»), 1987—1995 гг. — «Ярославская неделя». С 1984 г. постоянный внештатный корреспондент телерадиокомпании «Ярославия», со дня его основания в июне 1986 г. сотрудничаю в детском журнале «Бикинь». Помимо того, очерки и рисунки публиковались в разное время в журналах: «Нева», «Север», «Семья и школа», с 1972 г. в ж. «Войвыв кодзув», в газетах «Ленинградский рабочий», «Северная магистраль» и др. Как художник, с 1984 г. участвую в областных и зональных выставках. Участник II и III фестивалей народного творчества в Москве. Рисунки растений и др. публиковались в отдельных ботанических и краеведческих изданиях. Замужем с 1946 г. Муж — профессор Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор биологических наук. У нас три сына и дочь. В настоящее время 9 внуков и 4 внучки, 1 правнук и 1 правнучка. (В нашем браке муж принял мою фамилию — Жаков). К автобиографии Любови Валдимовны Жаковой следует сделать добавления.

Часть переписки А. Л. и Л. В. Жаковых опубликована: Письма с фронта и на фронт. Архангельск, 1985. С. 15—31. Портрет К. Ф. Жакова на обложке брошюры «Культурные связи русских и коми на Европейском Севере. Библиографический список трудов К. Ф. Жакова. (Сыктывкар, 1990) выполнен Л. В. Жаковой.

5. По семейным преданиям, которые идут от автобиографической книги К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни», у Фалалея были еще братья Егор и Перо, но архивными данными это не подтверждается. По-видимому, они умерли в детстве.
6. В свидетельстве, выданном Киевской городской полицией в октябре 1897 г. и хранящемся в личном деле Жакова в Петербурге, говорится: «Жаков, 31 год, состояния бедного, имущества движимого и недвижимого в г. Киеве не имеет и средства к жизни добывает частными уроками. Семейство его состоит из отца Фалалей Иванова, 70 лет, матери Устиньи Осиповой, 67 лет и братьев Арсения, 47 лет, Василия, 44 лет, сестер Ирины, 46 лет и Анны, 40 лет, живущих в селе Вильгорт Усть-Сысольского уезда Вологодской губ.» (Государственный исторический архив Ленинградской области. Ф. 4. Д. 37213).
7. По некоторым сведениям, А. Н. Налимова — племянница мастера балаалаечника С. Налимова.
8. В. Ф. Жаков был мастером по изготовлению гармошек. По сведениям Л. В. Жаковой, он имел 6 детей: Сергея, Александра, Анну, Вассу, Марию, Ольгу. По архивным данным, его дети: Иван, Ольга, Степан, Александр, Мария и Анна.
9. Г. Н. Николаевская окончила высшие женские курсы, преподавала русский язык на курсах А. С. Черняева в Петербурге. После 1917 г. — учитель школы рабочей молодежи, с 1936 г. — методист районного отдела народного образования Петроградского района Ленинграда.
10. И. А. Жаков окончил Ленинградский финансовый институт.
11. Живет (жила) в Сыктывкаре. А. А. Цепелева окончила пединститут.
12. «Сына брата моего Арсения, Ивана убили молодые люди нашей деревни за то, что он сапожным мастером вернулся из Питера», — писал К. Ф. Жаков.
13. К. Ф. Жаков писал: «Сына Василия, брата моего Сергея убили на заводе».
14. А. В. Жаков, по одним данным, работал в банке, по другим — в милиции.
15. 1907 г. крестьянин с. Вильгорт Вас. Фал. Жаков просил об освобождении сына Степана от службы по семейным обстоятельствам (НАРК. Ф. 34. Д. 2291).
16. М. В. Жакова жила с сестрой Вассой и зятем в Риге. Они сообщили отцу о кончине К. Ф. Жакова: «Дорогой отец, брат Александр, сестры Анюта и Оля!» См. Л. Ф. Жакова. Он стремился на родину // Красное знамя. 1989. 15 октября.
17. В. В. Жакова (Унгер) держала в Риге шляпную мастерскую. Ее воспоминания о К. Ф. Жакове см «Комимус» 1926 № 5.
18. Е. К. Жакова (Лунева) окончила институт им. А. И. Герцена в Ленинграде, работала в школьной библиотеке. Эвакуирована из Ленинграда по «дороге жизни» в 1942 г, умерла в Читинской области.
19. В. К. Жаков окончил политехнический институт, инженер-электрик, с 1934 г. — доцент института гражданской авиации. В 1937 г. незаконно репрессирован. В свидетельстве о смерти в 1942 г. и реабилитация получены в 1956 г.
20. Р. К. Тимука жила на хуторе мужа, занималась сельским хозяйством, вырастила сестер и всем дала образование.
21. Елена Каллистратовна стала художником, имела в Риге мастерскую Муж ее был летчиком и рано умер. Детей в семье не было.

№ п/п	Поколения	№ отца	№ матери
1	1 поколение Жаков		
2	2 поколение Сидор Жаков	1	
3	Матрена Жакова род. в начале XIX в.	1	
4	3 поколение ⁵ Антон Сидоров Жаков ум. в 1852 г.	2	
5	Григорий сын Жаков		3
6	Фалалей сын Жаков ⁶ (ок. 1826—ок. 1910) крестьянин д. Давпон Вильгортской волости Устьсусьского уезда Вологодской губернии Жена Устинья Осипова Егорова р. 1828—(1937) крестьянка с. Шешка		3
7	4 поколение Алексей Григорьев Жаков (?—1938 г.) Жена Анна Николаева Налимова ⁷	5	
8	Иван Григорьев Жаков Жена N	5	
9	Андрей Григорьев Жаков Жена N	5	
10	Арсений Фалалеев Жаков р. ок. 1848 (1850) Жена Кристина Яковлевна р. 1842	6	
11	Ирина Фалалеева Жакова р. ок. 1851 г.	6	
12	Василий Фалалеев Жаков р. 1856 г. (1853) Жена Василиса	6	
13	Анна Фалалеева Жакова р. 1856 Муж Илья Петров Кочев р. 1856 г.	6	
15	Каллистрат Фалалеев Жаков (30.09.1866—30.01.1926). Жена I — Агния Александровна Шепелева (обвенчана весной 1890 г.). II — Глафира Никандровна Николаевская (?—ок. 1941 г.). ⁹ III — Алида Каролина Приеде (по второму мужу Калнструре) (1898—1941).	6	
16	5 поколение Андрей Алексеевич Жаков (?—1937, репрессирован).	7	
17	Иван Алексеевич Жаков (?—погиб в годы войны) ¹⁰	7	
18	Мария Алексеевна Жакова род. в 1913 г. Муж погиб на фронте	7	
19	Александра Алексеевна ¹¹ р. 1918 г. Муж Цепелев	7	
20	Иван Арсеньев Жаков ¹²	7	
21	Николай Арсеньев Жаков (1875—ок. 1915 г.) Жена Татьяна Филипповна р. 1875 г.	10	
22	Степан Арсеньев Жаков (?—ок. 1915 г.) Жена К	10	
23	Сергей Васильевич ¹³ Жаков	12	
24	Александр Васильевич Жаков (?—1927) ¹⁴	12	

№ п/п	Поколения	№ отпа	№ матери
25	Ольга Васильевна Жакова (1878—1941)	12	
26	Степан Васильев Жаков р. 1883 г. ¹⁵ Жена Анна Гавриловна р. 1886 г.	12	
27	Мария Васильевна Жакова р. 1907 г. ¹⁶	12	
28	Анна Васильевна Жакова (1908—1968) Муж Ардальон Пылаев	12	
29	Васса Васильевна Жакова ¹⁷ Муж Альфред Унгер (Унгур)	12	
30	Иван Васильев Жаков Жена	12	
31	Евдокия Ильинична Кочева р. 1879 г.		13
32	Анастасия Ильинична Кочева р. 1892 г.		13
33	Надежда Ильинична Кочева р. 1895 г.		13
34	Евгения Каллистратовна Жакова (1901—1943) ¹⁸ Муж I — Степан Лунев 2 Виктор Германович Мистов (?)	15	
35	Вадим Каллистратович Жаков (1903—1937) ¹⁹ Жена I — Лидия Заровна Френкель (1902—1980) по второму мужу Спицина II — Нина Александровна Ширяева	15	
36	Райда Каллистратовна Жакова (1918—1996) ²⁰ Муж Эжен Тимука	15	
37	Елена Каллистратовна Жакова (1921—1987) ²¹	15	
38	6 поколение Людмила р. 1936 г.		18
39	Изольда		18
40	Татьяна Цепелева		19
41	Андрей Иванович (?—1976) ²²	20	
42	Анна Ивановна р. 1902 Муж Оплеснин	20	
43	Александра Ивановна Жакова (?—1941)	20	
44	Иван Николаевич Жаков	21	
45	Михаил Николаевич Жаков р. ок. 1932 г.	21	
46	Александра Ардальоновна Пылаева ум. 1981 Муж Нестеров		28
47	Анатолий Степанович Лунин (1921—1943) ²³		34
48	Любовь Вадимовна Жакова р. 1923 Муж Лев Андреевич Жаков р. 1923	35	
49	Райда Тимука р. 1958 ²⁴ Муж Иван Скрейя		36
50	7 поколение Раиса Андреевна р. 1929 Муж Борисова — 1980	41	
51	Агния (1925—1953)		43
52	Нелли р. 1923 Муж Ешкилев		43
53	Александр Михайлович Жаков	45	
54	Борис Михайлович Жаков	45	

№ п/п	Поколения	№ опца	№ матери
55	Михаил Михайлович Жаков	45	
56	Арсений Львович Жаков р. 1950 г. ²⁶		48
57	Михаил Львович Жаков р. 1952 г. ²⁷		48
58	Захар Львович Жаков р. 1955 г. ²⁸		48
59	Евдокия Львовна Жакова р. 1959 г. ²⁹		48
60	Гастон Скрейя р. 1981 г.		49
61	Оттомар Скрейя р. 1985 г.		49
62	8 поколение Любовь Борисова р. 1957 г.		50
63	Александр Борисов р. 1962 г.		50
64	Михаил Борисов р. 1965 г.		50
65	Игорь Иванович Ешкилев		52
66	Всеволод Арсеньевич Жаков р. 1975 г.	56	
67	Петр Арсеньевич Жаков р. 1981 г.	56	
68	Филипп Арсеньевич Жаков р. 1983 г.	56	
69	Ульяна Михайловна Жакова р. 1971 г.	57	
70	Александра Михайловна Жакова р. 1976 г.	57	
71	Иван Михайлович Жаков р. 1981 г.	57	
72	Андрей Михайлович Жаков р. 1987 г.	57	
73	Михаил Михайлович Жаков р. 1992 г.	57	
74	Галина Захаровна Жакова р. 1977 г.	58	
75	Ольга Захаровна Жакова р. 1978 г.	58	
76	Лев Захарович Жаков р. 1980 г.	58	
77	Григорий Захарович Жаков р. 1985 г.	58	
78	Даниил р. 1979 г.		59

22. Андрей Иванович Жаков был сапожных дел мастером, затем шофером. Всю войну был на фронте.
23. А. С. Лунин погиб на фронте под Москвой. Посмертно награжден Орденом Отечественной войны I ст.
24. Р. Скрейя окончила школу садоводов, живет на хуторе «Истекас», теперь это заповедник редких древесных пород.
25. В доме А. М. Жакова в Давпоне в 1991 г. во время конференции, посвященной 125-летию Жакова, были посиделки. По другим данным Михаил Николаевич имел сыновей Бориса и Михаила.
26. А. Л. Жаков окончил горный институт, по специальности геодезист. Ныне — солист Петербургской камерной филармонии.
27. М. Л. Жаков работает в области компьютерного распознавания речи.
28. З. Л. Жаков — геолог, живет и работает в Вологде.
29. Е. Л. Жакова окончила институт культуры в Ленинграде. Работает преподавателем в музыкальной школе.

ОБРАЗ ЗИМЫ В ЛИРИКЕ Е. КОЗЛОВА

Образ зимы является одним из самых значимых и интересных в творчестве Е. Козлова. Она предстает не сном природы, не отдыхом её от лета и осени. Наоборот, лирический герой Е. Козлова с приходом зимы оживает, именно она даёт ему надежду, силу и веру... Веру в себя, веру в то, что счастье ещё придёт, и именно ради этого он всегда ждёт зиму:

*«Но зачем-то я радуюсь каждой зиме,
Она даёт мне веру и силы».*

(1, 97)

(перевод подстрочный)

А символом зимы, её главным олицетворением в лирике Е. Козлова является образ снега. Снег в изображении мира зимы — это то же, чем был опавший лист в образе осени в его лирике. Именно снегу посвящён цикл «Зимний роман» в сборнике «Бессонные ночи». Поэт создаёт целостный и ёмкий образ снега, включающий в себя также несколько уровней.

В стихотворении «...Падает снег, падает бесконечно...» (с. 96) сравнивается падающий с зимнего неба снег с процеживаемым молоком:

*«...Падает снег,
Падает и падает бесконечно.
Вновь внезапно приблизилась зима.
Снег с неба падает с влажным паром вперемешку,
Будто мама цедит молоко»*

(1, 96)

(перевод подстрочный)

Это сравнение отражает чувство, очень характерное для поэта — это удивительная близость, взаимонастроенность души лирического героя и природы. Природы не как нейтрального пейзажа (часто встречающегося в ранней лирике Е. Козлова), но как динамичного мира, в который входит и лирический герой как её неотъемлемая часть. В лирике Е. Козлова снег —

не статический образ, а, как правило, наоборот, снег не лежит, а идёт, падает. А многократное повторение этих глаголов только подчеркивает, нагнетает движение, динамику.

Снег связывает природу и лирического героя, который находится внутри этого бесконечного движения, т. е. возникает ощущение, что лирический герой оказался вне времени с его законами. Образ снега показан в движении, но в движении неспешном, медлительном — ведь время для природы не имеет значения. И человек отчасти соприкасается с этой уверенной неторопливостью и, пусть на миг, но способен коснуться вечности. И упоминание о матери неслучайно: только рядом с матерью человек (ребёнок) ощущает себя и полностью защищённым, и неуязвимым для чего бы то ни было — даже для времени. А находясь как бы внутри природы, наблюдая снег, лирический герой вспоминает то, что подсознательно говорит ему о покое. Все эти детали: снег, медленно падающий с неба, влажная близость снега — всё это ассоциации из детства, когда лирический герой был маленьким, и небо было очень высоко, а влажный первый снег — очень близко. И он снова переживает эти воспоминания.

И детские воспоминания как бы вытягивают за собой воспоминания о всей прожитой жизни, длинной или короткой — неважно. А своеобразным катализатором становится снег, ассоциативно вызывающий воспоминания о зимах минувших. Снег дарит покой для несуетливых воспоминаний, своей неспешностью придаёт лирическому герою уверенность — ведь вне времени неважно: сколько минут можно уделить памяти. Именно снег создаёт настроение праздник а и ощущение момента, когда всё во власти героя. Снег падающий и нетающий создаёт иллюзию прикосновения к вечности, и именно она раскрепощает его фантазию:

*«...Но мне сегодня вдруг вспомнился
Первый снег, который не тает.
Так радостно вдруг стало на душе,
Стали являться за словами слова».*

(1, 96)

(перевод подстрочный)

Снегопад создает также и иллюзию того, что всё повторяется, что время может свиваться в кольцо, что всё пред-
решено и взаимосвязано. Однако, как было уже сказано, это
ощущение предрешенности, но не обречённости, как это за-
метно в образах оторванного листа и осени. Наоборот, по кон-
трасту с ними, интонация в стихотворении «...Падают снег.
Так сто раз уже было...» (с. 97) скорее радостна, чем отча-
янна.

«...Падают снег.

Так сто раз уже было.

Зима придёт — вновь пойдёт новый снег.

Но я почему-то рад каждой зиме,

Она даёт мне веру и силы».

(с. 1, 97)

(перевод подстрочный)

Создающаяся здесь иллюзия повторяемости жизни не-
обходима для веры в то, что всегда есть возможность что-то
изменить в жизни, что-то исправить, вернуться обратно... Ли-
рический герой осознаёт, что это именно иллюзия, добавляя
к своим мечтам и желаниям несколько ироничное «будто...».
Однако дело в то, что в его зимнем мире это реально возмож-
но для него. Это возможно, пока есть надежда на то, что мрак
и не уютность во внешнем мире рассеются, что придут морозы
и кончится дождь, что всё будет светлым и счастливым. И ли-
рический герой убеждён, что это, действительно, возможно —
возможно, пока идёт снег...

«...Падают снег. (...)

Будто всё вернуть возможно,

Будто нас ничто не держит.

Будто вернётся в покинутое гнездо

Весенней птицей потерянное счастье.

Бьется в сердце какая-то надежда —

Пусть на улице мрачно и ветрено,

Земля замёрзнет и окончится дождь,

Всё будет очень светло и хорошо...»

(1, 97)

(перевод подстрочный)

Многоточия в начале и в конце стихотворения также говорят о чувстве бесконечности и повторяемости времени. Будущее сокрыто от нас, и мы можем лишь догадываться, каким оно будет. Прошрое мы можем лишь вспоминать, но пока падает снег, у нас есть возможность исправить ошибки — ведь в вечности всё повторяется.

Но есть ипостась образа снега, снега падающего, а не статичного, снега как атрибута зимы — в отношениях с любимой. Он проявляется опять же в ассоциативной связи с другими, близкими по внутренним ощущениям, образами. В стихотворении «Падает снег... Он так лёгок...» образ снега связан и с зимой, и с любовью.

Падающий снег невесом, лёгок, но его становится всё больше и больше. И если, когда его еще мало, он подчеркивает мягкость и легкость шагов любимой, то с течением времени снег скрывает следы, засыпает дорогу к ней. Мотив снегопада раскрыт уже с другой стороны: он связывает лирического героя с внешним миром, но разлучает его с любимой. Снегопад сравнивается со временем, он, как и время, способен скрыть всё. И если в других стихотворениях образ снега очень близок, созвучен душе лирического героя, то здесь он олицетворяет бесстрастную и мощную силу, становящуюся между ним и его мечтами. Но всё же нельзя сказать, что здесь присутствует интонация обреченности, это, скорее, тревожное и нетерпеливое ожидание: ведь слезы исчезают, а потеряться в снегопад так легко. И ассоциация: снег — время здесь раскрывается несколько иначе. Время — это груз, поначалу незаметный, но в какой-то миг становящийся невыносимым, так же как и много легких снежинок превращаются в огромный сугроб или тонкий слой снега, с одинаковой эффективностью скрывающие под собой легкий отпечаток ноги той, след, которой так несложно потерять:

«Снег падает...

Он так лёгок,

И его так много.

Ты лишь касаешься ногой

И идёшь дальше. (...)

А снег идёт, как время прибавляется,

И засыпает всё.

*И на след твой ложится...
Ты долго не ходи.
Засыпает следы,
А долго ль заблудиться?...»*

(1, 99—100)
(перевод подстрочный)

И в последних двух строчках цикла поэт проводит своеобразное обобщение образа снега, это двестише можно рассматривать как самостоятельное законченное стихотворение.

*«...Падает снег.
Дальше вращается жизнь...»*

(1, 103)
(перевод подстрочный)

Образ падающего снега здесь как бы соединяет в себе время в двух ликах: жизнь — время лирического героя, которая течёт-вращается сама по себе, на мгновение оказываясь наедине с вечностью, неторопливой как и её сущность — время. И в тот же момент это жизнь — время в широком смысле, перед которой судьба лирического героя — как снежинка, в одиночку летящая с неба. Снежинка, падающая на землю, тающая в каплю воды и снова превращающаяся в снежинку. Так и человеческая жизнь только одна среди миллионов других жизней, и она конечна, смертна. Но как снежинка проходит через все состояния от жизни и смерти и наоборот, так же и человек, наблюдая летящий снег, обретает на миг понимание круговорота жизни. И как и снежинка, жизнь лирического героя только маленькая часть мировой жизни. Но если бы не она, то не было бы и этого круговорота жизни.

Для Е. Козлова гораздо важнее внутренняя значимость образа снега, чем его внешние характеристики (цвет, холод), как это было свойственно образу снега в поэзии коми более ранних поэтов.

Однако в стихотворении: «Вокруг все рады — нет ни иня, ни снега...» поэт приводит холод и белизну зимы как её главные преимущества перед весной. Лирический герой здесь сознательно идёт наперекор устоявшемуся стереотипу в поэзии коми: расцвет весны пробуждает землю и жизнь от холодного зимнего сна, ассоциирующегося со смертью. Наоборот, он

размышляет о том, что для него именно зима — жизнь. Образ зимы сравнивается с церковью — со священным светом и тишиной:

*«Снова буду я ждать
Зимы с белыми сугробами
В ней — как будто в церкви —
Будет светло и тихо».*

(1, 102)

(перевод подстрочный)

И именно зима является для лирического героя гранью, делящей пополам его душу, потому что пришла весна, растаял снег — и любовь осталась в той холодной зиме. Лирический герой пытается полюбить весну — ведь для его любимой весна — лучшее время года, но не может, потому что весеннее цветение олицетворяет для него потерю, надлом жизненного лада. Но, веря в круговорот жизни, лирический герой надеется всё же на новую зиму, с её белизной и холодом. Образ весны, ассоциирующийся с цветущим садом (достаточно популярный образ — В. И. Лыткин «Весной» (с. 52); В. Т. Чисталёв «Весенняя» (с. 41), прямо противопоставлен образу холодной зимы для того, чтобы чётче и объёмнее показать несовпадение душевной жизни и внутреннего мира лирического героя с реальным временем внешнего мира. Именно в этом несопадении — сущность определенного душевного надлома лирического героя, стремящегося любить, но не видящего возможность в настоящем принять условия, которые не принимает душа (цветущий сад):

*«Вокруг все рады —
Нет ни инея, ни снега...
Ты вот любишь весну,
А я совсем не умею.
Она нас разлучила,
Когда сад расцвёл.
Словно что-то оборвала,
Потерялся жизни лад».*

(1, 102)

(перевод подстрочный)

Лирический герой даже будто обижается за зиму, огульно обвиняемую людьми («Зима, мол, добра не делает!» (с. 102)) — это ещё раз говорит о том, что их отношения очень близки, что они связаны снегом, холодом, белым ярким светом. Как церковь и вера дают людям душевный покой, дают им возможность слиться с небом, так и зима своим холодом и белизной снега сближает всех людей. И если они сближают всех, то, возможно, помогут приблизиться друг к другу лирическому герою и его любимой.

*«Зима белизной окрасит.
(Зима, мол, добра не делает!...)
Людей сблизит холодом...
Может — нас тоже?»*

(1, 102)

(перевод подстрочный)

Таким образом, мы видим, что образ зимы очень многообразен в своих проявлениях в творчестве Е. Козлова. Зима предстаёт и близким, почти живым существом, лучшим другом лирического героя. Зима может представлять и как безличное и бесстрастное проявление времени, зима как олицетворение вечности. Но тот же образ зимы представляет жизнь человека как ипостась круговорота времени. И, на наш взгляд, здесь нет противоречия, ведь это лишь изменяющиеся лики времени, лики образа зимы, внутри которой находится лирический герой. Просто лики эти раскрывают и подчёркивают различные, но связанные между собой грани образа зимы.

КОМИ РАССКАЗ КОНЦА XX ВЕКА И НОВЕЛЛИСТИКА А. ПОПОВА

90-е годы в коми литературе ознаменовались выходом нескольких сборников рассказов: А. Попов. Олом олысьяс (Жизнь проживающие, 1991), Г. Юшков. Му выв олысь (Земной житель, 1991), А. Ульянов. Сьод ар (Черная осень, 1992), А. Попов. Мыйсяма йоз (Что за люди, 1994), Н. Куратова. Аддзысьлам на тшук (Увидимся непременно, 1995), В. Безносиков. Чужан сиктын олам-вылам (В родном селе живем, 1995), В. Лодыгин. Мусукасян ром (Цвет любви, 1998), Е. Рочев. Кузь вот (Длинный сон, 1998). Рассказ конца столетия — особая страница в новеллистике 20 века. Это рассказ на переломе социальном и эстетическом. В «большой» — русской литературе прошел взрыв «постмодернизма», «массовой литературы», спор патриотов с демократами, новый приход «традиционалистов»... В коми литературе — медленный интровертный процесс осмысления времени, не переоценки ценностей, а скорее пересмотра (инвентаризации) того, что еще осталось из ценностей и осталось ли.

Коми новеллистика 90-х годов — это, в большинстве своем, новеллистика лирическая, насыщенная переживаниями, размышлениями, она близка той литературе, которая набирает силу в русской литературе и получила название «авторской» (термин Н. Ивановой).

Писатели в поисках собственной идентичности часто размывают границы жанра — эссеизация стала одной из примет малой прозы. Отсюда цикл «Дзу» В. Лодыгина, рассказы-воспоминания Н. Куратовой, И. Белых, рассказы-очерки В. Безносикова, Е. Рочева. Это новеллистика от первого лица или откровенно-исповедальная, или открыто-публицистическая. Она обогатила коми литературу новыми темами, новыми проблемами, однако по своей стилистике это традиционная проза — непосредственная реальность подвергается первичной обработке.

Художественную манеру Н. Куратовой отличает, как и прежде, неисребимый лирический утопизм и вера в чудо, а разве

не чудо — счастье, гармония, искрящийся оптимизм рассказа «Парма козин» (Подарок пармы). Иногда кажется, что герои ее рассказов существуют не в реальном, а в некоем идеальном хронотопе, несмотря на то, что идиллические мотивы помещены в ситуацию реальной жизни. Благодаря таким писателям в коми литературе сохраняется чувство подлинности, меры.

«Человеческой подлинностью», глубиной лирического переживания привлекают также рассказы В. Лодыгина. В одном из них — «Лохмат» — он впервые в коми литературе поднимает социально-психологическую, этическую проблему этнических взаимоотношений.

Вопросы национально-генетической, социально-нравственной безопасности народа остро встали перед писателями конца 80-х — 90-х годов. В их произведениях все чаще говорится о духовном оскудении деревни, об утрате традиционных жизненных ориентиров (например, Г. Юшкова в рассказе «Карса» — Городская). Особенно безрадостную картину рисует в своих произведениях А. Ульянов. В его рассказе «Сьод ар» (Черная осень) — деревня — это зона экологического бедствия, в ней уже пошли необратимые процессы.

Несмотря на отсутствие жизненной перспективы, нельзя сказать, что мироощущение героя в коми новеллистике конца столетия утратило окончательно онтологическую глубину. Чувство естественной иерархии вещей дают ему воспоминания детства. Деревенское детство — это чистота, свет, ощущение первозданности мира, — это то, что дает современным коми писателям жизненную силу. Так, в рассказах И. Бельх «Яков Мельнича» (Мельница Якова), «Вакро шор» (Ручей Варфоломея) и других — «детский рай», полный гармонии и естественности.

Автопсихологический герой лирической прозы способен к глубокому самобытному переживанию, однако эта проза не дает представления о реальном герое нашего времени. Или героя нет во времена безвременья? Ответ на этот вопрос дает «новая проза» коми.

«Новая проза» коми — это проза А. Попова. Для нее характерен высокий коэффициент жанрового поиска. В творчестве этого писателя «умирает» рассказ и «рождается» новелла как ее четко смоделированная, технологически выв-

ренная разновидность. На смену эпичности (которая ушла из коми новеллистики вслед за стабильностью жизни) и лиризму приходит острый драматизм. Автор не «повествует» и не «переживает», а жестко анализирует время и человека в нем через его действия.

Основная черта поэтики А. Попова переплетение трагического и смехового начала. Так, его рассказ «Нимлун борын» (После имени) укладывается в рамки того случая из классификации комического, который приводит в своей работе В. Я. Пропп, «когда произведения, комические по своей трактовке и своему стилю, трагичны по содержанию»¹. Рассказ затрагивает тему сталинских репрессий, но в новом ракурсе. Никому не доверяет осторожный крестьянин Пеклис Митрей. В селе один за другим пропадают люди, потому и пригласил к себе в гости только «глухого» Степана и отвел душу, излив всю свою горечь. Однако, как оказалось, именно он виновник всех арестов. Ситуация всеобщего контроля над человеком в условиях тоталитаризма, которая должна носить трагический характер, у А. Попова — трагифарсовая, проникнутая глубокой иронией.

Один из самых пессимистичных рассказов А. Попова «Пёрьсь рака (Старая ворона). Трагикомизм ситуации здесь усиливается сочетанием реального и фантастического: время и человек описываются в произведении писателя с точки зрения старой кладбищенской вороны. А. Попов использует прием «остранения» (термин В. Шкловского), то есть «чужой» взгляд на знакомое явление, а фантастика лишь добавляет парадоксальности этому взгляду. Абсурдность ситуации, которую моделирует А. Попов, в том, что опустившийся пьяница убивает существо, которое, единственное, понимало, жалело его и такое же одинокое, как он сам.

Для художественного мышления писателя кроме сочетания трагического и комического характерно наличие двух взаимоисключающих стихий — анекдотической и притчевой² (курьеза, случая и урока, установки на всеобщность), иногда эти стихии переплетаются в одном рассказе. При этом его притчи не догматичны, а его анекдоты не всегда смешны и легковесны. Так, его рассказ «Сорсисны» (Запутались) можно считать анекдотической притчей: два человека не исполь-

зовали свой шанс и потеряли друг друга в погоне за чудом, призрачным счастьем, ситуации, в которые они при этом попадают — анекдотические, но из них следует урок, назидание. А короткий рассказ «Банкет» — грустный анекдот: простой человек случайно попал на банкет высоких должностных лиц, и от огорчения, что его жена и сын не могут попробовать эти яства, быстро опьянел и проспал все угощение. Даже рассказ «Нимлун борын» (После именин) имеет анекдотическую основу, ибо в основе его лежит трагический курьез: герой не верит никому, кроме «глухого», а можно было верить всем, кроме «глухого». Конечно, среди произведений А. Попова есть «чистые» анекдоты и «чистые» притчи. Ошибка, недоразумение, курьезный случай лежат в основе рассказов «Ускотъю». К. (Беда), «Ышмылом» (Шалость), «Теш» (Шутка). Сентенция, урок заключены в таких рассказах, как «Вотъяс» (Сны), «Лекарство», «Пакость» (Пакость), «Шойччом» (Отдых). Случайность здесь преобразуется в закономерность, в универсальные истины человеческого бытия. В этих коротких новеллах — простая суть жизни: делай добро, и оно к тебе вернется («Лекарство»), нет ничего милее родительского дома («Отдых») и т. д.

Ключевой художественный эффект произведений А. Попова связан с тем, что человек в его текстах — или «субъект этического выбора» или «объект (смехового) наблюдения»³. Писатель, ощущая амбивалентную сущность человеческой природы, строит интригу своих рассказов так, что герой находится на переломе пути, и все решает случай. Случай способен повернуть жизнь человека в ту или иную сторону. Это или момент истины, шанс, который дает судьба, чтобы сделать жизнь человека осмысленной (рассказы «Лонь морт» — Тихий человек, «Гижод» — Статья), счастливой («Сорсисны» — Запутались) — герои эту возможность упускают, или случай, который вносит сумбур, запутывает, осложняет («Ышмылом» — Шалость), отравляет жизнь («Пакость» — Пакость), а иногда и губит человека («Лек песом» — Ожесточение).

Нравственный выбор — извечная проблема литературы, она главная и в творчестве А. Попова — жить для себя или для других («Письмо»), писать, как положено или честно («Статья»), быть изгоем или запачкаться в грязи, чтобы быть

как все («Ожесточение»). Герои новелл писателя, как правило, неспособны совершить поступок, и кратковременный «момент истины» так и остается моментом. Вот почему взгляд А. Попова на современного человека так пессимистичен, он показывает его бездуховность, нравственную несостоятельность.

Проблемы, связанные с духовным оскудением людей, писатель связывает с экологическим беспределом, который вошел в их жизнь. Показателен в этом отношении рассказ «Вит минутом час» (Без пяти минут час, 1994). Он повествует о неожиданной, ничем не объяснимой одновременной смерти трех жителей деревни. Казалось бы, ничто не предвещало подобного исхода, но вот неожиданно затосковал, словно предчувствуя что-то, загулял Коля Козлов и пьяный разбился на мотоцикле, почувствовал свой конец Виктор Михайлович, и молодая девушка Таня не дождалась своего ребенка. Необъяснимо, нелепо, странно, но так может показаться на первый взгляд. На самом деле, как считает писатель, все было предопределено варварским обращением с природой, с коми пармой, которая является хранителем духа и жизнестойкости коми человека. А. Попов проводит прямую связь между уничтожением леса и гибелью людей. Три человека погибли в тот момент, когда были повалены лесозаготовителями три рядом растущих дерева — старая сосна, высокая ель и молодая березка — их родовые деревья, корни их жизни. Таким образом, писатель в своем рассказе притче ставит благополучие человека в зависимость от естественного развития коми пармы, которая дает ему мощь и силу. И оскудение жизни коми села, потеря жизненной энергии коми людей — это следствие небрежения к природе, которая глубинно, всей своей корневой системой связана с человеком.

Деревня для А. Попова уже не является оазисом в пустыне человеческих пороков. Так, в рассказе «Лек песом» (Ожесточение) лишь Павел является единственным чистым существом среди всех деревенских мужиков. Маргинальность героя в силу его физической неполноценности обеспечивала ситуацию неучастия во всеобщем грехе, приобщение к нему стало для молодого человека страшной трагедией, рождением зла, которое нельзя искупить, можно только уничтожить в очистительном огне.

Если другие писатели при описании погибающей, разлагающейся коми деревни обращаются к чувствам читателя, заставляя его сопереживать, то А. Попов активизирует его мысль, в его рассказах интеллектуальная тревога за судьбу своей земли.

Трагикомическое состояние мира, которое фиксирует проза А. Попова, отражает амбивалентный характер эстетической его системы, в ней исследуется сущность человека, универсальные основы человеческого бытия и его реальное существование с разрушенной системой ценностных координат, деформирующее человека. Пугающая тотальная ирония писателя и пристрастие к парадоксам определяется именно разрывом между нравственной нормой и жизнью.

Главным итогом развития коми новеллистики 90-х годов 20 века стало философское осмысление основ человеческого бытия в условиях экзистенциального и социального одиночества человека, духовного провала действительности конца столетия. Сакральное измерение мира, не утраченное современными писателями, свидетельствует о преемственности лучших традиций коми литературы в сохранении национального образа мира и ее жизненной силе.

1. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. — М., 1976. С. 8.
2. О притчевом характере новеллистики А. Попова см. также: Лисовская Г. К. Внутрижанровая типология коми рассказа 60 — 80-х годов // Жанровое развитие коми фольклора и литературы на современном этапе. — Сыктывкар, 1988. С. 120. (Труды языка, литературы и истории КНЦ Уро Ан. СССР; вып. 45).
3. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. — М.: Высшая школа, 1989. С. 20.

КУЛЬТУРНЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ КОМИ КРАЯ

Известный венгерский литературовед Петер Домокош в своей монографии «Формирование литератур малых уральских народов» пишет: «Билингвизм когда-то, даже в среде больших уральских народов был действительностью, живой практикой. До осознания своей национальной культуры, осознания условий своей идентичности, т. е. до признания собственного национального (разговорного) языка, до того, как он стал действенным, лежит очень долгий путь».

Например, можно вспомнить, что раньше в венгерской литературе использовались немецкий и латинский языки, в финской — шведский, в эстонской — русский и немецкий. Сейчас венгерская, финская и эстонская литературы прошли этап билингвизма и развиваются только в русле своего родного языка.

«Меньшинства, национальности рано или поздно становятся вынужденными в случае более или менее длительного совместного проживания с другими народами, частично спонтанно, частично вследствие направленного процесса, сначала понимать, а потом и осваивать государственный язык, язык народа, создавшего государство, язык национальной большинства», — пишет венгерский исследователь Петер Кирай.

Почти все российские финно-угорские народы являются двуязычными. В их жизни важное место занимает русский язык, наряду с родным, как центральный, государственный, являющийся средством коммуникации на радио, в печати, учреждениях, школах. Помимо упомянутых сфер применения он становится все более важным в областях, где проживают разные национальности, в смешанных деревнях и при смешанных браках, при выезде в любое другое место. В национальных центрах, в столицах, в крупных городах русское население преобладает в большинстве. В этих городах, за исключением очень узкого круга применения (местное радиовещание, телевидение, театр, специальные кафедры филологических факультетов, ве-

чера национальной интеллигенции), почти не говорят на родном языке; базисом сохранения диалектного уровня национального языка могут оставаться только деревни, так как они относительно однородны в национальном отношении. Одновременно их население может считаться и создателем, и потребителем национальной культуры (школы, книгоиздание, СМИ), а также носителем разговорного и литературного языка. И если молодежь в своём стремлении получить высшее образование уезжает из деревни, то без всякого на то принуждения, добровольно отказывается от своего языка. Данные переписи населения, а также статистика последних лет хорошо отражает отдельные фазы денационализации. Видимый рост численности населения национальностей одновременно с быстрым уменьшением числа тех, кто привержен родному языку, остается фактом. Но факт и то, что это явление происходит без принуждения, добровольно, как результат ассимиляции, созданной самой жизнью.

Шаг, следующий за билингвизмом — отказ от родного языка, употребление смешанного, макаронического языка, ошибочное и неполное употребление, быстрое или медленное забывание и употребление вместо него языка окружения (который для большинства финно-угорских народов — русский).

Здесь можно было бы говорить и об обрусении, и многие в это понятие вносят мотив принуждения. Но, принимая во внимание это обстоятельство, будет правильнее говорить об обрусении как о добровольном, естественном процессе.

В нашем докладе мы рассматриваем лишь один из аспектов билингвизма в Коми крае — билингвизм в коми литературе.

Установить точную дату возникновения коми литературы сейчас уже практически невозможно, поэтому дату ее возникновения большинство исследователей относят к 1-ой половине 19 века и связывают с именами Василия Куратова, Георгий Лыткина, Петра Клочкова и др. Это так называемый «докуратовский» период коми литературы.

Исследователи считают, что период распространения древнекоми литературы охватывает около 170 лет с 1379 г. по 1505 г. Эту эпоху Иван Куратов назвал оазисом в пустыне зырянской истории. Можно назвать этот период также «золотым веком» коми литературы. После XVII века оригинальная коми

письменность была практически забыта, и коми стали пользоваться кириллицей.

К этому времени, конец XV—н. XVII вв., мы относим появление культурного билингвизма в коми литературе. Правда, пока это литература не художественное творчество, а церковная литература, документы, деловая и светская переписка.

Письменность и литература в этот период в Коми крае находились в руках православного духовенства. Преемники Стефана Пермского, как правило, коми языком не владели. По этой причине в коми среду все более начал проникать русский язык. Вот почему «...в начале XVII века среди коми народа было уже немало людей, владевших русской грамотой и применявших ее ...в качестве средства общения с Москвой» В первой половине XIX века в коми крае появляются свои ученые и писатели, появляется литература как вид художественного творчества. Первыми, обратившимися к литературному творчеству на коми языке, были Василий Куратов (старший брат Ивана Куратова), Петр Клочков, Петр Распутин и Георгий Лыткин. Однако основоположником коми литературы стал Иван Алексеевич Куратов (1839—1875). Для нашего исследования является интересным тот факт, что творчество Ивана Куратова было двуязычным. Основоположник коми литературы писал на коми и на русском языках. Он отлично владел русским языком и все свои литературно-критические, лингвистические, философские работы писал на русском языке, все заметки и высказывания на общественно-политические темы сделаны тоже на русском языке. Также коми поэт на русском языке создал много своих поэтических произведений. Это такие стихотворения, как: «Усть-Сысольск», «Прощание», «Старый муж», «Задумал много я поэм», «Любовь», «Поминки», «Вдова», «Слова Корана», и другие стихотворения. Также много своих стихотворений Иван Куратов сам перевел на русский язык.

Таким образом, традиция культурного билингвизма в коми художественной литературе была положена еще в XIX веке основоположником коми литературы Иваном Куратовым.

В XIX веке к теме коми народа впервые обращаются и русские писатели. Представители коми народа становятся

героями некоторых произведений русской классической литературы, например устьсызольские купцы упоминаются в «Мертвых душах» Николая Гоголя. В некоторых литературных произведениях русских писателей коми тема становится главной.

В разное время, в силу разных причин в Коми крае оказывались некоторые русские писатели, посвятившие часть своего творчества Коми краю и его людям. Это учёный-путешественник, академик Иван Лепёхин, автор популярной в конце XVIII—н. XIX вв. книги «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства», Александра Ишимова, автор повести «Зырянка», автор первого очерка о коми поэзии «Народная поэзия у зырян» критик Николай Надеждин и многие другие. Впервые коми тему в русской литературе еще в XIV веке открыл древнерусский писатель Епифаний Премудрый, автор «Жития Стефана Пермского».

Уже с самого начала своего существования коми литература (литература на коми или русском языке, созданная в Коми крае или посвященная коми теме) делится на три группы, развивающиеся параллельно: 1) коми литература на коми языке, 2) коми литература на русском языке, созданная коми писателями 3) русская литература, посвященная коми теме или созданная на территории Коми края русскими писателями.

Традиция литературного двуязычия коми литературы была продолжена и в XX веке.

В начале XX века появились первые литературные и научные работы двух коми авторов, которые впоследствии стали всемирно известны. Это Каллистрат Жаков и Питирим Сорокин.

Писать К. Жаков начал в конце XIX века, первые произведения опубликовал в начале XX века. Известность получили его книга очерков о Коми крае «На Север в поисках за Памом Бурмортом», автобиографических роман «Сквозь строй жизни» и коми литературный эпос «Биармия». Также широко известно его философское учение лимитизм. Хотя Каллистрат Жаков в совершенстве владел коми языком, но все свои произведения он писал только на русском языке. И только в 1992 г. коми эпос «Биармия» был переведен на коми язык. Благодаря своему обращению к русскому языку Жаков первым открыл для всех российских читателей коми тему изнутри, осветив ее с точки зрения самого коми народа.

Известный американский социолог Питирим Сорокин также основные свои произведения писал на русском языке. Во второй половине жизни, живя в Америке, он перешел на английский язык. Например, его автобиография «Долгий путь» написана на английском языке.

На русском языке писали в начале XX и другие коми писатели. Например, Михаил Лебедев свои дореволюционные произведения писал на русском языке. На коми язык он перешел только после революции.

После революции 1917 г. коми язык временно приобрел в коми литературе роль единственного языка. Начался процесс зырянизации. Коми язык получил мощную государственную поддержку. Целью зырянизации было развитие функций коми языка во всех сферах общественной жизни. Для служащих, не владевших коми языком, издавались самоучители, учебники и словари, проводились курсы по изучению коми языка. Был запрещен прием в учебные заведения Коми области лиц, не знающих коми язык. Шел процесс замены русских специалистов на коми. На коми язык переводились произведения классиков мировой литературы, первые советские коми писатели писали только на коми языке. Хотя первая общественно-политическая, экономическая и литературная газета в Коми крае «Зырянская жизнь» вышла на русском языке в июне 1918 г. На русском и коми языках издавался первый коми литературно-краеведческий журнал «Коми му». Он выходил с 1924 по 1929 гг. Литературные произведения в нем печатались в основном на коми языке.

Возможно, процесс зырянизации сделал бы коми язык основным языком коми литературы, но он был остановлен уже в 30-е годы. Начались сталинские репрессии, и Коми край стал местом ссылки русского и других народов. В 50-х годах в Коми край началась постоянная миграция рабочих разных национальностей в промышленные города, на добычу полезных ископаемых. Появились русские города: Воркута, Инта, Печора, Ухта, Сосногорск, Усинск и др. Появился даже болгарский город — Усогорск, где жили болгарские лесозаготовители. Процент коренного населения Коми края стремительно падал. С 97% в 20 годах до 23% в 70-х годах.

Поэтому уже в послевоенные годы в Коми крае вновь появилась литература на русском языке. Первым русским

литератором был поэт Пантелеймон Образцов, писавший в 50-е годы для детей. Затем появились другие русские писатели: Александр Рекемчук, Анатолий Знаменский, Николай Володарский и другие. Появилось первое русское лито «Ухта».

В 40—50-х годах выросло первое поколение коми, утративших свой язык. Это были коми дети, выросшие в городах, в русском окружении. Родители их считали, что коми язык уже не нужен в «коммунистическом будущем». Сейчас коми язык не знает уже каждый пятый коми. Появилась коми русско-язычная литература.

Современная литература Коми республики снова, как и в XIX веке, делится на три группы. Это коми литература на коми языке, представленная в основном писателями старшего поколения: Геннадий Юшкин, Владимир Тимин, Альберт Ванеев, Николай Щукин и др. Есть и молодые поэты, пишущие на коми языке: Алёна Елыдова, Анжела Елфимова. Молодых коми прозаиков немного. Интересно творчество Алексея Полутрудова, пишущего прозу на коми языке.

Вторая группа: это коми писатели, пишущие на русском языке. Это поэт Виктор Кушманов, внучка коми классика Жугыля — Елена Габова, дочка коми классика Геннадия Юшкова Марина Плеханова, Андрей Канев, Игорь Вавилов, Дмитрий Фролов, Любовь Терентьева, Юрий Екишев, Владимир Цивунин. Интересно, что эта группа делится на две группы. Часть авторов отрицает, несмотря на своё коми происхождение, обрывает свои корни с коми народом, сознавая себя русскими, а другие, наоборот, подчеркивают то, что они коми.

Современная русская литература Коми республики представлена именами: Надежда Мирошниченко, Тамара Ломбина, Петр Столповский, Сергей Журавлёв, Александр Суворов и др. Благодаря значительному авторитету в республике Надежды Мирошниченко в республиканской поэзии сильнее, чем в прозе, выражена идея России, русского мира, православия. За книгу стихов «Русское сердце» в 1999 г. ей присуждена Государственная премия Республики Коми.

Как отражение современного билингвизма коми литература с середины 90-х годов стал выходить литературно-художественный республиканский журнал «Арт». Поэзия и проза в нем печатаются на двух языках: коми и русском. Это

соответствует современному состоянию коми литературы, которая создается на двух языках.

Выводы: Результатом ранних контактов коми народа с русскими и отсутствия связей с другими финно-угорскими народами уже в к. XV—н. XVII вв. в коми литературе появляется культурный билингвизм. Правда, пока эта литература не художественное творчество, а церковная литература, документы, деловая и светская переписка. Уже с самого начала своего существования коми литература (литература на коми или русском языке, созданная в Коми крае или посвященная коми теме) делится на три группы, развивающиеся параллельно: 1) коми литература на коми языке, 2) коми литература на русском языке, созданная коми писателями 3) русская литература, посвященная коми теме или созданная на территории Коми края русскими писателями. Традиция культурного билингвизма в коми художественной литературе была положена еще в XIX в. основоположником коми литературы Иваном Куратовым. На русском языке писали также другие классики и основоположники коми литературы. Традиция литературного двуязычия коми литературы была продолжена и в XX веке. Только недолгий период зырянизации в 20-х, 30-х годах смог сделать коми язык единственным языком коми литературы. Из-за значительной миграции русского населения в Коми республику современная коми литература также делится на три вышеперечисленных группы. Почти нет молодых коми прозаиков. Только изменение статуса коми языка, как это было в период зырянизации, может сменить ситуацию двуязычия в коми литературе одноязычием. Пример других финно-угорских народов (венгров, финнов, эстонцев) показывает, что подобный процесс возможен только в результате создания своего государства.

1. П. Дамокош. Формирование литератур малых уральских народов. — Йошкар-Ола, 1993. 287 с.
2. Kiraly Peter. Anyanyelv es ketnyelvuseg Kelet-Europaban. — Budapest, 1979. С. 263.
3. Борисов Д. Развитие коми-зырянской письменности. // Коми му. 1928. № 12. С. 45.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. Т. ЧИСТАЛЕВА

Чисталев Вениамин Тимофеевич (1890—1939) — автор широко известных произведений о природе «Во гогор кытшовтом» (Времена года, 1919), «Поводдя вежсигон» (Смена погоды, 1920), «Тулыс воом» (Приход весны, 1921), «Арьявыв» (К осени, 1921), «Кайла видзодла» (Поднимусь, взгляну, 1921), «Гожся луно». С. (Летним днем, 1922), «Гожом пом» (Конец лета, 1922), «Тувсовъя» (Весеннее, 1922), «Тувсов войясын» (Весенними ночами, 1923), «Ар» (Осень, 1924), «Югыд толысь» (Светлая ночь, 1925). Тема человека и природы была одной из главных в творчестве поэта. В. Т. Чисталева принято считать основоположником национального пейзажа: его пейзажные рассказы занимают особое место в коми прозе 1920-х годов.

Одним из главнейших предметов осмысления в творчестве В. Т. Чисталева было истолкование природы и отношения к ней человека. Он поставил вопрос о месте природы в жизни людей, поэтому уместно в отношении писателя применить понятие «чувство природы», которое сложилось в последней трети XIX века как обобщение имевшихся ранее представлений о природе, месте в ней человека, как универсальная категория, синтезирующая философские, социальные, эстетические представления о природе.

Что же представляет собой «чувство природы» в произведениях художника? Можно говорить о философских идеях в картинах природы. В лирике и прозе В. Т. Чисталева отразилась мысль о связи человеческого существования со всемирной жизнью.

Особенностью творчества В. Т. Чисталева является то, что тема природы тесно связана с темой творчества. Последнее осмыслено в сопоставлении бытия природы и жизни человека. Природа рассматривается поэтом как источник творческой энергии человека. Природа и человек, по В. Т. Чисталеву, — два активных начала. В общении с естественной средой человек познает самого себя. Подобную зависимость

поэт обнаруживает в собственной творческой биографии; это отражено в стихотворении «Поэзия артмом» (Рождение поэзии, 1923).

Лирический герой В. Т. Чисталева чувствует себя частью природы, обязанной ей своим поэтическим талантом. Возможность познания мира, по мнению художника, — дар связи с природой. О значимости природы, многосторонности чувственных связей с естественным миром, о ее величии и зависимости от нее человека В. Т. Чисталев размышляет в автобиографическом рассказе «В наш век. Моя жизнь» (1927). В. Т. Чисталев пишет: «Лет 4—5 было. Была весна. Проснулся я в то утро рано, когда все еще спали. Пошел в лес. Сижу на полянке и любуюсь природой. Вычегда похожа на море. На ней плавают утки. В лесу щебечут птицы. Откуда-то издалека доносится токование тетеревов. В низине кукует кукушка... Эта веселая картинка весеннего утра крепко засела в моей голове, до сих пор она перед глазами, слышатся все ее звуки...». Здесь же поэт говорит о своих читательских симпатиях: «Прочитал я в школьной библиотеке большинство книг. Читаю, бывало, без конца. Больше всего нравилось читать мне книги о крестьянском труде и о природе».

В. Т. Чисталев ощущал себя просветителем. Идея просвещения впервые возникла у него в 1908 г., когда он находился в Усть-Сысольске и узнал о попытке профессора К.Ф. Жакова издавать газету на коми языке. В 1908 г. В. Т. Чисталев устроился работать учителем в начальную школу в село Пожег. Здесь, в школе, он прилагает много усилий, чтобы обучать детей на родном языке. Наряду с творческой работой он писал на родном языке учебники и книги для чтения в начальных классах: «Быдманторъяс (вор-пу йыльсь)», «Растительность (о лесных деревьях)». В эти книги он помещал стихотворения о природе, которые оценивал как средство воспитания детей. Он старался привить своими книгами интерес и любовь к окружающей природе, бережное отношение к ней. Вместе с учащимися он организовал школьный музей, где хранились собранные детьми экспонаты, характеризующие природу и быт села. В школе он руководил литкружком, совместно с кружковцами издавал рукописный журнал «Подув вор» (Молодая поросль), а при сельском клубе при его активном учас-

тии выходила стенгазета «Бтва» (Половодье). В. Т. Чисталев активно занимался общественными делами. Организовывал субботники, с детьми и односельчанами сажал деревья.

Особенность В. Т. Чисталева как художника состоит в том, что сквозь образы природы он постигал просторы вселенной, сложность бытия. Его философия природы выстраивалась по крупинкам из бесчисленной массы впечатлений и переживаний, возникавших в повседневных контактах с окружающим миром.

Природа, по В. Т. Чисталеву, универсальна и бесконечна. Приобщение к ней поэтому возможно в любое время. Природа для поэта — важнейшая ценность и сама по себе, и в отношении к человеку. В. Т. Чисталев насыщает свои стихотворения о природе живыми деталями предметного мира, его звуками, запахами, цветами, очертаниями, переливами красок, игрою теней.

В произведениях В. Т. Чисталева есть зарисовки видов природы, которые несут на себе следы экономической, сельскохозяйственной деятельности людей, то есть стихотворения с социальным планом изображения.

Мотив весны прочно ассоциируется с надеждой и счастьем. Лирический герой чутко прислушивается к шороху молодой листвы, любителю зеленеющим лесом: «Тувсовья» (Весеннее, 1922), «Тувсов войясын» (Весенними ночами, 1923). Мотив лета связан с занятиями героев. Лето — пора сенокоса. В стихотворении «Кайла, видзодла» (Поднимусь, посмотрю, 1921) повествуется об окончании тяжелой крестьянской страды. Радостью и гордостью наполняется сердце крестьянина — труженика, когда он смотрит на плодородные поля, отвоєванные у дремучего леса.

Необходимо остановиться на прозе В. Т. Чисталева, так как в ней одним из главнейших предметов осмысления является тема природы. Первые прозаические рассказы были написаны В. Т. Чисталевым в начале 1920-х годов. Пейзажные мотивы в рассказах по своим функциям разнообразны; типичные из них по их структурной и содержательной роли можно свести в две группы. Первая представлена основной массой изображений, введенных в сюжетный рассказ, очерк, в описание промысла или быта, — это черты национального «пор-

трета» природы. В этой группе преобладает пейзаж, который можно назвать «социальным». Его основной признак заключается в том, что природа выступает под знаком общественных проблем, иллюстрацией к экономическим конфликтам, к теме богатства, бедности, урожая или голода. В рассказах «Кер кылодом» (Сплав, 1921), «Кер породом» (Лесоповал, 1921), «Пурьясянін» (На сплотке леса, 1921), «Тшыг воо» (В голодный год, 1929), «Трипан Вась», 1929, «Шог асыв» (Горестное утро, 1933) главным является социально-философское осмысление природы.

Образ природы в ряде произведений является реалистически выписанным, в то же время он наделен и мифологическим значением. В рассказах «Трипан Вась», «Тшыг воо» (В голодный год) В. Т. Чисталев описывает жизнь коми человека на фоне природы, мир которого естественен: он живет среди лесов, лугов, полей, среди звуков первозданной природы — пения соловья, свиста рябчика, крикания утки, среди запахов лиственницы и березы. Герои В. Т. Чисталева выполняют свое природное предназначение: все лето они запасают сено, выращивают хлеб, собирают грибы и ягоды на зиму, ловят рыбу. Автор изображает мир земледельца, который зависит от погодных условий.

В. Т. Чисталев осмысляет в ряде рассказов проблему голода: «В голодный год», 1929, «Горестное утро», 1933. В рассказе «В голодный год» голод связан со стихийными природными силами. Автор повествует о том, что самым страшным для крестьянина являются град или заморозки. В рассказе «Горестное утро» причина голода связана с социально-политическими обстоятельствами, мешающими крестьянину работать на земле, выращивать урожай. Автор повествует о гражданской войне, которая захватила деревню и нарушила естественный ход крестьянской жизни. С приходом отрядов белогвардейцев «выпали из рук вилы, топоры, лопаты, наполненные зерном, окаменели сердца, остановилось дыхание...». Голод в рассказе связан с социальными катаклизмами и войной, что противопоставлено циклическому природному времени и является разрушением вечного порядка земледельческого бытия.

В художественном мире В. Т. Чисталева человек и природа существуют в неразделимом единстве, в сподочи-

ненности друг другу, во взаимной зависимости — как части единого целого. Крестьянин и природа у писателя находятся в постоянном родственном созидающем взаимодействии. Писатель изображает созидательное, миролюбивое отношение к земле. Такое чувство к земле героев — крестьян связывается с архаическими представлениями о природе как «браке» — единении мужского и женского начал, с календарными и космогоническими мифами. В постоянном соотношении жизни людей и природы находит свое выражение одна из самых важных и существенных особенностей художественного мышления В. Т. Чисталева: мир людей и мир природы осмысливаются художником как единый поток вечно творящей жизни.

Вторая группа рассказов представляет собой небольшие заметки — наблюдения над погодой, окружающей природой. К ним можно отнести следующие произведения: «Во гогӧр кытшовтӧм» (Времена года, 1919), «Поводдя вежсигон» (Смена погоды, 1921), «Тулыс воом» (Приход весны, 1921).

Художественная проза о природе В. Т. Чисталева свидетельствует о том, что он один из первых в коми литературе признавал право пейзажа на самостоятельное «жанровое» место в прозе.

У В. Т. Чисталева есть рассказы, в которых природа является «самостоятельной». Независимая природа существует как образ, содержательный сам по себе: «Времена года», 1919, «Смена погоды», 1921, «Приход весны», 1921 убеждают в том, что пейзаж приобретает в них самодавляющее, независимое существование. В этих рассказах образ природы является персонажем, она нарисована из-за нее самой, а не в виде дополнения к характеристике того или другого лица. Природа сама по себе становится целью изображения.

Необходимо отметить в связи с прозаическими произведениями, что В. Т. Чисталев в своем творчестве остро ставил проблемы сохранения окружающей среды. Заметим, что вообще ни один писатель в коми литературе, главным предметом осмысления которого была тема взаимоотношений человека и природы, не обошел вниманием названную проблематику. В. Т. Чисталев развивал природозащитный аспект в очерке «Природады тожд» (Забота о природе, 1934—1935). Экологическим ориентированным является рассказ «Сотчом» (Пожарище), написанный в 1937 г. В очерке «Забота о природе»

автор поднимает вопрос о хищническом отношении к природе, призывает беречь ее для будущих потомков. В. Т. Чисталев ставит проблему ограничения охоты, в результате которой значительно уменьшилось количество зверей (лосей), говорит об исчезновении отдельных видов деревьев (кедр). Писатель подчеркивает, что охрана отдельных видов животных, например, лосей, регулируется законодательством, на государственном уровне, для них создаются заповедники и заказники.

Таким образом, тема взаимоотношений человека и природы была одной из главнейших в творчестве В. Т. Чисталева. Писатель философски осмыслил мир. Он высказал мысль о том, что человек является частью природы. Природа В. Т. Чисталева в той же мере включена в жизнь человека, в какой человек включен в природу как частица ее вечного и бесконечного. В. Т. Чисталев высказывал мысль о целенаправленном воспитании в детях чувства природы, бережного отношения к окружающей среде.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

КРИЗИС МУЗЕЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЯ (Г. В. Вдовин)	5
---	---

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ XX—XXI ВЕКОВ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (А. Ю. Котылев)	26
---	----

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЭСТОНИИ И КОМИ КРАЕ (М. И. Бурлыкина)	37
---	----

Г. А. СТАРЦЕВ: ЭТНОГРАФ И МУЗЕЙНЫЙ РАБОТНИК (М. Б. Рогачев)	48
--	----

МУЗЕЙ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ (В. А. Сова)	52
--	----

КОРНИ И КРОНА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ЦЕНТРА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (И. Н. Котылева)	56
--	----

СОБИРАТЕЛЬСКАЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ (А. А. Чувьуров)	62
---	----

К ИСТОРИИ СОВМЕСТНОЙ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСТОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОМИ (ЗЫРЯН) (И. М. Уткина)	70
--	----

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА» (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГГ.) (И. Ю. Моисеева)	78
--	----

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕМЫ «ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ» В ЭКСПОЗИЦИОННО- ВЫСТАВОЧНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ (И. Ю. Моисеева)	88
--	----

«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...» (Е. И. Морозова)	98
---	----

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ НМРК (Р. И. Ларукова)	104
ЛЕТНИЕ ЭКСКУРСИИ КАК ФОРМА РАБОТЫ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СО ШКОЛЬНИКАМИ (Л. В. Познянская, Е. М. Лептева)	108
МУЗЕЙНЫЙ АБОНЕМЕНТ «ШКОЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВЯТКИ» В КИРОВСКОМ МУЗЕЕ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (А. В. Петухова)	111
«ОЛІСНЫ-ВЫЛІСНЫ ГОЗЬЯ... ЖИЛА-БЫЛА ПАРА...» (Т. А. Пьянкова)	117
МУЗЫКА ЕГО ЖИЗНИ... (С. В. Бандура)	125
ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 20—80-Х ГОДАХ XX ВЕКА (А. В. Макеев)	131
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СЫКТЫВКАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ КОМИ (ЗЫРЯН) (Т. И. Чудова)	147

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ: ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«СВЯТЫЕ» И «СВЯТЫЕ МЕСТА» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕРХНЕВЫЧЕГОДСКИХ КОМИ (О. Н. Смирнова, А. А. Чувьуров)	149
АПОКРИФ «ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ» В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ВЫЧЕГОДСКИХ КОМИ (А. А. Чувьуров)	165
ИСТОРИЯ ПРИХОДСКИХ УЧИЛИЩ НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ КРАЯ В I ПОЛОВИНЕ— СЕРЕДИНЕ XIX В. (М. В. Звонилев)	176
Н. В. ИЛЬИНСКИЙ И СЕВЕРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ (В. И. Силлин)	182
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОМИ КРАЕ (XIX—Н. XX ВВ.) (О. Е. Бондаренко)	187
ЖЕНЩИНЫ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В КОМИ КРАЕ (II ПОЛ. XIX—Н. XX В.) (Т. В. Кынева, О. Е. Бондаренко)	192

БОГАДЕЛЬНИ КОМИ КРАЯ ДО 1917 ГОДА (Н. И. Сурков)	200
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРАЧЕЙ В БОРЬБЕ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В КОМИ КРАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (В. В. Чередова)	206
К ВОПРОСУ О РАЗРУШЕНИИ СЕМИОСФЕРЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (И. Н. Котылева)	215
НАЧАЛО ХИМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОМИ АССР (Э. Г. Кутузова)	235
СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АДАПТАЦИИ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (Е. Н. Боле)	244
ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОРГОВЛИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1947—1991) (Е. В. Шабашова)	257
ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА ЖАКОВЫХ (Л. П. Рощевская, О. В. Куликова)	261
ОБРАЗ ЗИМЫ В ЛИРИКЕ Е. КОЗЛОВА (А. М. Семяшкин)	268
КОМИ РАССКАЗ КОНЦА XX ВЕКА И НОВЕЛЛИСТИКА А. ПОПОВА (Г. К. Лисовская)	275
КУЛЬТУРНЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ КОМИ КРАЯ (А. Артеев)	281
ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. Т. ЧИСТАЛЕВА (О. С. Зиявадинова)	288

Сыктывкарский лесной институт (СЛИ)
167610, г. Сыктывкар, ул. Ленина, 39.
Отпечатано в ООП СЛИ
Заказ 156 . Тираж 300